А.В. КОВАЛЕВ

Василий Кондратьевич Альмов

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ ОСОБОЙ СЕССИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ МУРМАНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ЭТНОГРАФ, КРАЕВЕД

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
КРАСНОЯРСК, 2019

А.В. КОВАЛЕВ

Василий Кондратьевич Альмов

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ ОСОБОЙ СЕССИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ МУРМАНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ЭТНОГРАФ, КРАЕВЕД

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
КРАСНОЯРСК, 2019

saami.su

УДК 39+930.85
ББК 63.5
К56

Ковалев, А.В.

К56 **Василий Кондратьевич Альмов – следователь по важнейшим делам Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии, этнограф, краевед** / А.В. Ковалев. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. – 214 с.

ISBN 978-5-6042232-4-6

Данная книга является собранием статей учёного, этнографа, следователя, директора Мурманского краеведческого музея Василия Кондратьевича Алымова, активно занимавшегося социал-демократической пропагандистской работой; расследованием сложнейших дел; а также изучением саамской культуры, исследованием народностей Кольского полуострова, их развития, жизнеспособности, промыслов, письменности; собиравшего подробную статистику экономических показателей, устные и письменные предания, раскрывающие менталитет изучаемых народов. Данная работа будет интересна музейным работникам, историкам, краеведам и людям, неравнодушным к истории малочисленных народа Севера.

ISBN 978-5-6042232-4-6

УДК 39+930.85
ББК 63.5

© Ковалев А.В., 2019
© Научно-инновационный центр, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

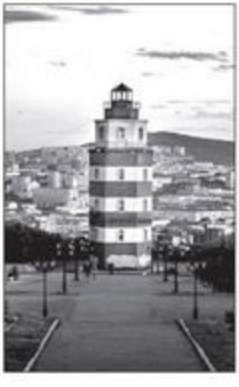
4 Введение

6 Биография В.К. Алымова

50 Статьи В.К. Алымова

210 Заключение

212 Список использованной литературы



ВВЕДЕНИЕ

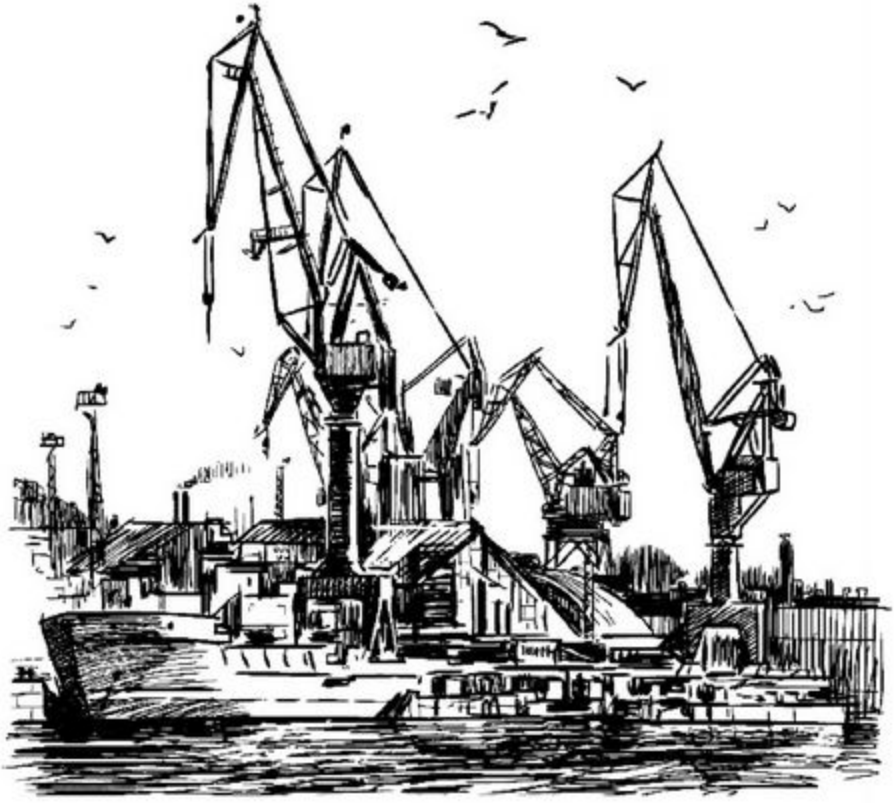
Впервые имя Алымова Василия Кондратьевича я услышал, когда учился в Мурманском государственном педагогическом институте, знал, что он был одним из первых краеведов в нашем крае. Видел его фотографию в Краеведческом музее, и, пожалуй, на этом мои знания о Василии Кондратьевиче исчерпывались.

Только когда начал заниматься историей судебной системы на Мурмане, узнал, что В.К. Алымов был следователем, пускай немного, всего полгода, но тоже являлся сотрудником судебной системы в тот период. И прежде всего, он был большой учёный, занимался изучением саамской культуры, первым директором Мурманского краеведческого музея.

Эта скромная работа – дань памяти известному земляку, учёному, этнографу, следователю, директору Краеведческого музея Алымову Василию Кондратьевичу.

Выражаю огромную благодарность в подготовке этой книги директору Мурманского

областного краеведческого музея Химчук Е.П., научному сотруднику отдела истории музея Колодке И.В., директору Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеке Баскаковой С.З., заведующей отделом электронной библиотеки Леонтьевой Т.П., директору ГОКУ Государственного архива Мурманской области Раструбе Н.В., заместителю директора ГОКУ ГАМО Новикову В.А.



БИОГРАФИЯ В.К. АЛЫМОВА

Василий Кондратьевич Алымов родился 23 марта 1883 года в деревне Ручьи Тосненского района Санкт-Петербургской губернии.[1] Вот как сам В.К. Алымов пишет в своей автобиографии: «Родился в Новгородской губернии, в лесу, где отец был лесником. Отец происходил из свободных крестьян Орловской губернии, и я до сих пор в документах, удостоверяющих происхождение, числюсь гражданином Орловской губернии. Мать из крепостных крестьян Московской губернии, на «волю» была выпущена 15 лет. Отец начал трудовую жизнь с 9-летнего возраста, когда он был отдан в г. Орёл в булочники, окончил свою жизнь садовником (рабочим) в Петровском парке в Петербурге в 1899 г. Мать умерла в городской богадельне в 1913 г.

В 1888 году я был привезён в Ленинград (тогда С.-Петербург). Сперва отец работал по-

[1] murmanarchiv.ru

денщиком по уборке дорог, получал 40 копеек в день (семья была 6 человек), потом нашёл место полусадовника-полусторожа в городском питомнике в Александровском парке. Там я прожил до 12-летнего возраста (до 1895 г.).

С 12-летнего возраста (с мая 1895 г.) начинается моя трудовая жизнь: меня отдали «в ученье» в мастерскую «гравера по всем металлам» на 5 лет. Некоторых название «гравер» заставляет относить это занятие к художеству. Это неверно: граверное ремесло – одно из самых тяжёлых ремёсел, человек при этой работе изнашивается очень быстро.

Работал я по 14 часов в сутки, ничего, кроме обеда и чая, не получал. После почти двухлетнего пребывания в этой мастерской меня выгнали за упрямый характер: пытался защитить своё человеческое достоинство. Пришлось 13-летнему человеку искать для себя новой работы. Так как материально поддержать меня было некому, пришлось согласиться опять на 5 лет идти в кабалу к «хозяину».

Эти 5 лет моей жизни – самые тяжёлые годы, годы полного физического рабства. Я не мог без разрешения «хозяина» выходить из своего подвала даже за дверь на двор (буквально так и стояло в «контракте»). Ежедневно переносил всякие издевательства над моей личностью со стороны «хозяина» и его домочадцев. В особенности дикие словесные издевательства были тогда, когда заставали с книгой: книгу презирали, как и всех «учёных».

Когда ещё не было 16 лет (в 1899 году), умер отец, и я оказался предоставленным самому себе, так как мать сама нуждалась в помощи. На шестом десятке лет ей вновь пришлось идти на фабрику. Мне же за работу ничего не платили.

Парнишка я был способный, но из-за тяжёлого экономического положения родителей со школой, как учреждением, знаком мало. Но учиться приходилось: ещё в 11-летнем возрасте 4 месяца занимался с целым классом в 24 человека в одном из петербургских приютов.

Учился самостоятельно, но вполне системно. К 18 годам общие знания мои приближались к объёму знаний тогдашней средней школы (кроме языков). Учиться приходилось при совершенно ис-

ключительных обстоятельствах. После 13-часовой дневной работы украдкой от «хозяина», ночью, часто пользуясь светом, падающим на пол от уличного фонаря, висящего над пивной лавкой. В полоску этого света клал книгу и сидел над ней на корточках. Кроме общих знаний, интересовался всем, что попадало под руку, в особенности же русской литературой. К 19 годам уже был «начитанным» человеком (конечно, относительно).[2]

Образование внешкольное, но не ниже среднего (гимназического), т.к. в течение 11 лет выполнял технические и инженерные работы, требующие как общих, так и специальных знаний. Курса в учебном заведении не кончил, потому что родители были неимущие.[3]

С 19 лет стал свободным человеком. С этого времени объём знаний начал расширяться значительно быстрей, легче стал доступ к источникам знания. Искал людей, у которых можно было бы чему-нибудь поучиться. Один человек много помог мне в выборе книг по социальным и экономическим вопросам. По социальному положению это был обыкновенный рабочий, но необыкновенный по своей начитанности и высокой культурности человек. Он теперь профессурствует в Москве.

В это время я работал только 10 ½ часов в день, но работа производилась не отрывая головы, так что шея пухла от напряжённости.

Свободного времени всё-таки было больше, и я получил возможность пользоваться книгами из общественной библиотеки. После выхода из «ученья» мать перешла на моё иждивение, приходилось помогать и брату – вечному бродяге, несколько раз за год высылавшемуся «по этапу» за «бесписьменность». Зарабатывал я тогда 28–30 рублей в месяц. 1 мая 1904 года впервые «официально» выступил в качестве социал-демократического пропагандиста на Васильевском острове у фортепьянщиков (рабочих).

С июня этого года стал работать в городском районе петербургского социал-демократического комитета, где был одновременно и пропагандистом, и организатором района. Восстановил все связи, утраченные после июньского большого провала. Всё лето 1904 года был единственным в городском районе руководящим работни-

[2] ГАМО. Р-88. оп.2.д.41.л.3, 3 с обор.
[3] ГАМО. П-3.оп.4.д.1.л.1.

ком. Осенью, с приездом работников, занимался только организаторской работой. В то время организация была едина (большевики и меньшевики работали вместе).

26 ноября 1904 г., за два дня до демонстрации, в подготовке которой участвовал, был арестован и посажен в предварилку. Обвинялся в принадлежности к РСДРП. От объяснений с жандармами отказался, что и было дважды запротоколировано на допросах.

В марте 1905 г. был выпущен до суда под гласный надзор полиции. После октябрьской революции 1905 г. был амнистирован в общем порядке.

Лето 1905 г. занимался пропагандистской работой. В 1906 г. работал пропагандистом в Типографском районе (объединённом). С конца 1906 г. в организациях непосредственного участия не принимал, оказывал только кое-какое содействие, главным образом, в изготовлении паспортов для нелегальных (делал печати и надписи).

С 1906 г. стал принимать участие в рабочей прессе (политической и профессиональной). В 1906 г. был один из фактических редакторов политического еженедельника «Невский Вестник» (вышло 6 номеров) и помещал там вторые статьи. За мою статью о 9 января редактор был посажен на 1 год в крепость, за статью о выборах в думу по рабочей курии – год получил редактор-издатель. На 6-м номере, где было объявлено, что в журнале принимает участие Плеханов, журнал был закрыт полицией. В 1907 году сотрудничал в органе Всероссийского Союза Печатников (или Центрального Совета – не помню) «Жизнь Печатника». Статьи о культурно-просветительной деятельности профессиональных союзов были первыми статьями на эту тему и вызвали дискуссии в тогдашних газетах и журналах разных направлений.

Не проходили без внимания и другие статьи, например, о бюджетах профессиональных союзов как первый опыт работ в этом направлении (сентябрь 1907 г.). Сотрудничество продолжалось в 1908 и 1909 годах, после чего последовал большой перерыв. Подписывался буквами «В.К.».

Всё время не переставал работать в мастерской. После 1905 г. работал уже 9 часов в день. В 1908 г. здоровье не выдержало, пришлось первый раз отдыхать в чужой деревне. Работал в мастерских

до 1911 г., т.е. 16 лет был рабочим. С 1905 г., кроме граверства, занимался ещё одновременно и типографской корректурой, в типографии, бывшей при мастерской. Общий заработок не превышал 50 рублей в месяц.

В 1911 г. переменил профессию, стал рабочим по изысканию железных дорог. Начал с младшего техника, был старшим техником, работал в должностях инженера и начальника партии. О том, какое образование я получил, не справлялись, видели мою работу и знания и поэтому считали сначала студентом, а потом и больше.[4]

В апреле-сентябре 1913 г. работал в качестве техника на изысканиях Тавризской ж.д. в Персии. На обратном пути в 1913 г. заехал в Константинополь.[5]

До 1918 г. сделал около 3000 вёрст изысканий, участвовал в разработке не менее 20 проектов ж.д. линий. Работал в Южном Забайкалье, на Южном Урале, дважды в Бухаре, дважды на Мурмане, во многих губерниях и областях. Ознакомился на местах с бытом свыше 30 народностей.

В 1916 г., осенью, взят в солдаты как ратник 2-го разряда, на 34-м году. Был в маршевой роте, испытал много унижений. Революцию 1917 г. встретил в полку в Красном Селе. 28 февраля 1917 г., во время революционного выступления полка в Петроград, был выбран солдатским выборным в полковой комитет, где до сентября 1917 г. состоял выборным секретарём, заместителем председателя и т.п. Во время корниловщины, когда полк по своей инициативе выступил против Корнилова на Дудергофские высоты, был выбран комиссаром для передней боевой линии полка. В сентябре 1917 г. от переутомления нервно заболел и был уволен с военной службы по болезни.

В октябре 1917 г. поступил на изыскания по орошению земель в Бухаре, куда и уехал вскоре. Работал там до мая 1918 г. Там был свидетелем большой поголовной резни всех русских. Уцелели только 2 города, в том числе тот, где я находился (Корки). После этих событий, вместе с другими делегатами от городского населения, объехал многие места, где была резня.

[4] ГАМО. Р-88.оп.2.д.41.л.4, 4 с обор.,5.
[5] ГАМО. П-3.оп.4.д.1.л.1.

1 ноября 1918 г. поступил добровольцем, санитаром (красноармейцем) в Красносельский пехотный батальон, вошедший после в состав 2-го петроградского полка. В составе этого полка в октябре-ноябре 1919 г. участвовал в походе против Юденича (простым красноармейцем, санитаром). В ноябре 1919 г. откомандирован в Красносельский военный госпиталь, откуда в 1920 г. откомандирован по специальности техника на Урал в 7-й Военно-дорожный отряд.

Находясь в Красном Селе, читал лекции по истории, по поручению горисполкома.

В сентябре 1920 г. командирован на Западный фронт, где пробыл до октября 1921 г. в 7-м и 21-м военно-дорожных отрядах в должности старшего производителя работ по восстановлению разрушенных дорог и переправ. Много ездил по обследованию состояния стратегических маршрутов в Гомельской и Минской губерниях. В октябре 1921 г. откомандирован на ж.д. изыскания в Запорожье.

В сентябре 1922 г., когда я находился в Ленинграде, один приезжий с Мурмана, которому было поручено найти лекторов для организовавшейся совпартшколы, предложил мне читать лекции по истории классовой борьбы. С радостью принял это предложение, так как это давало мне возможность вернуться к пропагандистской работе.

Одновременно получил приглашение быть следователем по важнейшим делам в Мурманском Совете Народных Судей. С советским законодательством я был знаком достаточно для того, чтобы принять на себя эту должность».[6]

Приехав в Мурманск осенью 1922 г., В.К. Алымов приказом № 10 от 10 октября 1922 г. был назначен на должность следователя по важнейшим делам при Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии. Он прибыл из Петроградского отдела распределения рабочей силы.[7]

В соответствии с Положением о народном суде РСФСР, утверждённым Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г., производство предварительного следствия по уголовным делам, подсудным

[6] ГАМО. Р-88.оп.2.д.41.л.5, 5 с обор.,6.
[7] ГАМО. Р-121.оп.1.д.1.л.10 с обор.11.

народному суду, возлагалось на народных следователей. Народные следователи избирались и освобождались от должности губернскими исполкомами. Помимо народных следователей, расследованием уголовных дел занимались следователи по важнейшим делам, состоявшие при отделах юстиции. Позднее они стали именоваться старшими следователями при губернских судах.

Народные следователи и следователи по важнейшим делам должны были отвечать следующим требованиям: иметь право избирать и быть избранными в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, иметь теоретическую или практическую подготовку для занятия должности советских следователей.

В связи с введением с 1 января 1923 г. Положения о судоустройстве РСФСР народные следователи стали назначаться на должность губернскими судами с последующим утверждением губисполкомом и Наркоматом юстиции. Народные следователи состояли при следственных участках. Старшие следователи при губернском суде были рангом выше народных следователей. Естественно, у них была выше заработная плата, но и уголовные дела, которые они расследовали, были сложнее.

К кандидатам для назначения на должность народного следователя и старшего следователя предъявлялись определённые требования. Они должны были иметь не менее двухлетнего стажа работы в органах юстиции в должности не ниже секретаря народного суда или должны были сдать соответствующие испытания в губернском суде. На должность следователя не могли быть назначены «лица, опороченные по суду или исключённые из среды общественных организаций за порочащие поступки, замеченные во время гражданской войны в нелояльном отношении к Советской власти или причастные к антисоветским партиям».

Василий Кондратьевич Алымов не имел юридического образования, но природный дар исследователя, исключительное трудолюбие, аналитический ум помогли освоить новую для него профессию следователя. Эти качества особенно проявились при расследовании уголовного дела по обвинению гражданина Великобритании Лейтона в незаконном промысле рыбы. Обстоятельства этого дела таковы.

Английский траулер «Святой Губерт» под командованием 47-летнего Джорджа Вильяма Лейтона был задержан 3 марта 1922 г. нашим сторожевым кораблём «Т-21» в районе Териберского мыса, так как он вёл промысел рыбы в двенадцатимильной зоне, не имея соответствующих документов. Следует пояснить, что Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 мая 1921 г. «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и в Белом море» была установлена двенадцатимильная зона территориальных вод на Севере (до этого была трёхмильная зона). Иностранные суда могли вести промысел в этой зоне только с разрешения Советского правительства. Лица, виновные в нарушении Декрета, как указывалось в этом документе, «должны предаваться суду для наложения взыскания вплоть до конфискации судов и иных приспособлений, при посредстве которых производился промысел, со всем снаряжением и грузом, на них находящихся». Обеспечение охраны территориальных вод возлагалось на военный флот и пограничников.

Английские и норвежские рыбопромышленники знали о Декрете СНК РСФСР, но продолжали лов рыбы в 12-мильной зоне, рассчитывая на то, что у молодой республики нет достаточных сил для охраны морских рубежей. На это надеялся и Лейтон, выйдя 20 февраля 1922 г. на промысел из английского порта Гуля. Три дня траулер вёл лов рыбы в наших территориальных водах и готов был возвратиться на родину с полными трюмами, но рано утром 3 марта был замечен сторожевым кораблём. Когда к нему приблизился сторожевик, то рыбаки даже не успели поднять трал. Положение судна-нарушителя было зафиксировано в его судовой карте, получены объяснения от капитана судна и членов команды, которые не отрицали факт ведения промысла в запретной зоне. Траулер был отконвоирован в Мурманск, а дело по обвинению капитана в незаконном вылове рыбы направлено в суд.

В судебном заседании, состоявшемся 8 марта 1922 г., то есть через 5 дней после задержания, Лейтон и члены экипажа не отрицали факта нарушения Декрета СНК РСФСР от 24 мая 1921 г. Народный суд первого участка признал Лейтона виновным в этом нарушении и вынес обвинительный приговор, «коим постановил применить высшую меру наказания – конфисковать в пользу РСФСР судно

со всеми приспособлениями, снаряжением и грузом, находящимся на нём; капитана Лейтона и всех его сотрудников, как эксплуатируемых капиталистической компанией тружеников, освободить от всякого наказания, отчислив в их пользу 10% улова».

Однако ввиду процессуальных нарушений этот приговор 6 апреля того же года был отменён в порядке судебного надзора и дело возвращено в суд на новое рассмотрение. Но к тому времени члены экипажа траулера «Святой Губерт» уже находились в Англии и на повторное рассмотрение в суд не явились. Они в городе Гуле у нотариуса Джексона дали показания, которые существенно отличались от прежних. Теперь они заявляли, что промысел рыбы вёлся за пределами 12-мильной зоны, что показания в Мурманске были даны под угрозой применения оружия. Прокурор республики Н.В. Крыленко, направляя эти документы в Мурманск, предложил приобщить их к уголовному делу и ускорить повторное рассмотрение дела. Он ещё трижды направлял в Мурманск телеграммы об этом. Поскольку подсудимый и члены экипажа в суд так и не прибыли, а их новые показания нуждались в проверке, народный суд после неоднократного отложения рассмотрения дела 28 октября 1922 г. вынес постановление о направлении дела следователю для проведения по нему предварительного расследования.

Это дело принял к своему производству следователь по особо важным делам при Мурманском губсуде Василий Кондратьевич Алымов. Он подробно допросил членов экипажа корабля «Т-21» и назначил по делу экспертизу, производство которой поручил лоцмейстеру Мурманской лоцдистанции Падорину и капитану дальнего плавания с 30-летним стажем Раффельду. Вывод экспертов был категоричен – английское судно задержано в наших территориальных водах. В ходе следствия были опровергнуты доводы Лейтона о даче им признательных показаний под угрозой насилия. Следователь составил обвинительное заключение и передал дело прокурору. Прокурор согласился с этим итоговым документом и 26 декабря направил дело в суд.

Особая сессия по уголовным делам Мурманского губсуда под председательством Я.А. Комшилова, рассмотрев 25 января 1923 г. это дело, признала Лейтона виновным в нарушении Декрета СНК

РСФСР от 24 мая 1921 г., назначила ему наказание «в виде лишения свободы с применением общественных принудительных работ с более строгой изоляцией на 6 месяцев с заменой штрафом 200 рублей золотом». Поскольку Лейтон участия в судебном заседании не принимал, в приговоре была сделана оговорка, что он подлежит приведению в исполнение в случае появления капитана судна на территории республики. Траулер согласно приговору суда считался конфискованным в пользу РСФСР.

Это дело получило и международный резонанс. В меморандуме Министерства иностранных дел английского правительства от 8 мая 1923 г., получившем известность как нота лорда Керзона, Советскому правительству в ультимативной форме предлагалось немедленно освободить траулер «Святой Губерт», поскольку он вёл промысел рыбы, как указано в меморандуме, за пределами 12-мильной зоны. Советскому правительству предлагалось также уплатить соответствующую компенсацию за незаконный арест судна. Заместитель Наркома иностранных дел РСФСР М.М. Литвинов, имея на руках вступивший в законную силу приговор суда, 11 мая 1923 г. дал ответ на меморандум и сообщил, что траулер проник в территориальные воды с нарушением законов страны. Тем не менее, как говорилось в ответе, во избежание обострения отношений Советское правительство дало указание освободить этот траулер из-под ареста.

Таким образом, предварительное следствие, проведённое В.К. Алымовым по делу Лейтона, было безукоризненным, что позволило Советскому правительству дать достойный ответ министру иностранных дел Великобритании.[8]

На мой взгляд, для понимания ситуации по данному «Следственному делу по обвинению капитана английского траулера «Св. Губерт» Лейтона Джорджа Вильяма в незаконном производстве рыбной ловли в территориальных водах РСФСР» необходимо опубликовать обвинительное заключение в полном объёме.

«18 декабря 1922 г. я, следователь при Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии Алымов, закончив предва-

[8] Круглов В. «На службе закона», г. Подпорожье, МУП ИПК «Свирские огни», 2008, с. 10–14.

рительное следствие по делу капитана английского рыболовного траулера «Св. Губерт» Джорджа Вильяма Лейтона, обвиняемого в незаконном промысле рыбы в территориальных русских водах, нашел: 3-го марта 1922 г. в территориальных русских водах, приблизительно в 10–10 ½ милях к северу от мыса Териберского русским сторожевым судном «Т-21», под командой военного моряка Ауэрбаха, был задержан паровой английский траулер № 493, занимавшийся рыболовным промыслом. Рыбный промысел в указанном месте запрещён иностранцам Декретом Совета Народных Комиссаров от 24 мая 1921 г. Вследствие чего английский траулер был арестован, отведён в Мурманск, а капитан его, великобританский подданный Джордж Вильям Лейтон, был предан Народному суду 1 участка Мурманского уезда за нарушение вышеуказанного Декрета. 8 марта 1922 г. Народный суд в г. Коле вынес по делу Дж.В. Лейтона приговор, которым постановил применить высшую меру наказания – конфисковать в пользу РСФСР судно № 493, со всеми приспособлениями, снаряжением и грузом, находящемся на нём. Капитана Лейтона и всех сотрудников его как эксплуатируемых капиталистической компанией тружеников освободить от всякого наказания, отчислив в их пользу 10% улова.

6 апреля 1922 г. Народный Комиссариат Юстиции по отделу судебного контроля слушал в порядке надзора указанное выше дело Нарсуда 1 участка Мурманской губернии и, рассмотрев приговор суда, нашёл, что судом были допущены явные нарушения Положения о Народном суде и руководящих начал по уголовному праву РСФСР, выразившиеся в нарушении статей 4, 23, 75 и 76 Положения о Народном суде.

На основании чего, руководствуясь п. «а» ст. 2 Положения о Высшем Судебном контроле, определил: Приговор Народного суда 1 участка Мурманского уезда в полном объёме отменить и дело направить к новому рассмотрению. Дальнейший ход дела был следующий: 1. 1 июня 1922 г. было назначено слушание дела в новом составе суда 2 участка, но вследствие того, что на суд никто не явился, дело разбором отложили. 2. Телеграммой Народного Комиссара Юстиции от 1-го июля 1922 г. было сообщено, что капитан Лейтон на суде быть не может, и дело предложено отложить до

получения указаний. 3. Телеграммой Замнаркомюста т. Крыленко от 13 сентября и 3 и 6 октября 1922 г. было предложено срочно окончить дело 3-го октября, сообщено в Наркомюст, что дело назначено на 20 октября. 4. 28 октября 1922 г. Народный суд 1 участка в г. Мурманске рассматривал дело и постановил передать его следователю по важнейшим делам для доследования. Того же числа следователь при Особой сессии по уголовным делам приступил к срочному доследованию.

16 августа 1922 г. в Народный суд поступили через Народный Комиссариат Иностранных дел и Народный Комиссариат Юстиции показания капитана Лейтона и некоторых его сотрудников, данные ими 16 июня 1922 г. в Гулле, в Англии, у нотариуса Джексона и заявление английских мореходов-офицеров о необходимости поверки определений места задержания. Поступившие документы ввели в дело много новых обстоятельств и потребовали вновь расследовать всё дело, значительно расширив границы первоначального следствия. Первоначально, сразу после задержания «Губерт» на всех допросах и, вскоре после этого, на первом суде в Коле капитан Лейтон показал, что он был послан английской рыболовной компанией «Святого Андрея» для ловли рыбы к берегам русской Лапландии, что вышел он из Гуля 20 февраля, промышляя рыбу у русских берегов 3 ½ дня, что задержан он был в 10 ½ милях от берега, что о существовании 12-мильной запретной полосы он лично ничего не знал, а знал только о 3-мильной полосе, и что виновным в промысле рыбы на пространстве русских вод поэтому себя не считает.

Но в показаниях, данных в Гулле у нотариуса Джексона и посланных в Россию для представления в суд, капитан Лейтон приводит новые обстоятельства и утверждает положения, в некоторых частях даже противоречащие данным на суде в Коле. В этих новых показаниях капитан Лейтон, опираясь на подтверждение своих сотрудников, говорит, что он находился не в 10 или 10 ½ милях от берега, а значительно дальше за пределами запретной черты.

Не устанавливая точно географического места своего положения, он проводит различные признаки для определения места, где траулер «Губерт» промышлял рыбу.

Ввиду невозможности для капитана Лейтона присутствовать на суде лично, приводятся ниже некоторые выдержки из его показания: из п. 3 к рыболовным постам русской Лапландии прибыли 27 февраля 1922 г. Рыбная ловля производилась на различных участках вплоть до ночи 1 марта 1922 г., когда было найдено хорошее место для рыбной ловли в местности, находившейся, по приблизительному расчёту, на расстоянии 13–14 миль от мыса Териберского. Огонь маяка Териберского был виден с мостика траулера. На этом пункте человеческий глаз находится на высоте 15 футов над уровнем моря. Если опуститься с мостика на крышу люка, где человеческий глаз находится на высоте 10 футов над уровнем моря, то огонь маяка окажется только что открывшийся на горизонте. В то время, около 6-ти часов пополудни 2 марта, дающий показание капитан обратил внимание помощника, и помощник проверил это с мостика и с крыши люка. Вследствие этого был опущен с палубы светящийся буй, установлен на якорь, и рыбная ловля производилась в продолжение ночи вокруг поставленного буя.

Из п. 4 показания. На рассвете 2 марта 1922 г. были взяты пеленга, положения упомянутого буя, которые оказались следующие: возвышенность на западной оконечности острова Кильдина (мыс Лихой) Магнитный 2453/4° и мыс Териберский Магнитный 1631/4°.

Эта пеленга показала положение постановленного буя как раз немного менее 14 морских миль от берега, который оказывался мыс Териберский. В продолжении этого дня продолжалась ловля на близости буя, который оставался на якоре всё время.

Из п. 5 показания. С заходом солнца этого самого дня (2-го марта) были зажжены установленные рыболовные огни, и они ярко горели всю ночь, и рыбная ловля производилась всё время.

Из п. 6 показания. В 4 часа 45 мин. утра 3-го марта 1922 г. трап левого борта был опущен, и судно буксировало его. Около 5 час. 45 мин. утра на судовых часах появился русский вооружённый тральщик «Т-21», который, держа поднятый трёхфлажный сигнал, приказал «Губерту» остановиться. На «Губерт» была направлена пушка, машины этого судна были остановлены. «Губерт» в это время находился на расстоянии приблизительно полмили севернее

упомянутого буя и был, таким образом, в расстоянии около 14 ½ мили от ближайшего берега.

Из п. 7 показания. По приближении «Т-21» к траулеру «Губерт» направилась лодка с офицером, переводчиком и двумя вооружёнными русскими матросами.

Все они вступили на борт «Губерта». Офицер через переводчика осведомился с моста «Губерта» по отношению к берегу, вследствие того капитан принёс карту и указал положение на карте. Офицер не делал никаких возражений.

После переговоров офицера с командиром «Т-21» капитану было приказание отправиться на «Т-21», а 2 вооружённых русских матроса остались на «Губерте». Было произведено измерение глубины. Было также приказание убрать трал из воды, что было исполнено (д.л. № 85).

Из п. 8 показания. По прибытии на «Т-21» капитан предъявил командиру «Т-21» карты, показывая место, где производилась рыбная ловля, на что возражений не последовало. Капитан также указал командиру судна на видимые предметы с соответствующими им пеленгами, и опять возражений не последовало. Капитан также указал командиру судна на видимые предметы с соответствующими им пеленгами, и опять возражений не последовало. Капитану было сообщено, что он ловил рыбу в 12-мильной полосе, и что поэтому его судно будет арестовано и отведено в Мурманск. Капитан ответил, что ему неизвестно ни о какой 12-мильной полосе. С «Губерта» были взяты на «Т-21» два заложника, а офицер с «Т-21» и два русских матроса остались на «Губерте». С «Губерта» был брошен лаг, и курс взят вслед за «Т-21» к восточной оконечности острова Кильдина (д.л. № 85).

Из п. 10 показания. Когда на траверсе восточной оконечности острова Кильдина был проверен отсчёт лага «Губерта», то лаг показывал, что пройдено 17 ½ миль, что подтвердило указанное капитаном заявление о месте, в котором «Губерт» ловил рыбу. Проходя между островом Кильдином и материком, русский офицер обратил внимание капитана на компас. Он сказал: компас моего судна показывает 243° (указывая, что имелась существенная разница между компасами обоих судов (д.л. № 86).

Из п. 17 показания. 8 марта 1922 г. на суде капитан повторил своему защитнику, командиру «Т-21», что он не знал о 12-мильной полосе (д.л. № 87).

Из п. 22 показания. Капитан заявляет, что его пеленга местоположения верны и что судно во время ареста было, по крайней мере, 14 ½ миль от берега, и что за всё время данного плавания он не ловил рыбу в территориальных водах или ближе 13 миль от берега, и другие дающие показания говорят, что они хотя и не определяли по пеленгам местонахождения судна, тем не менее, по их наблюдениям, их судно находилось в месте, указанном дающим показание капитаном.

Из п. 23 показания. Дающий показания помощник капитана заявляет, что незадолго до ареста «Губерта» капитан указал ему на огонь маяка Териберского, который виднелся с мостика «Губерта» и был едва виден с крыши люка и совершенно не виден с палубы. Тот маяк 132 фута был бы виден при указанных условиях приблизительно на расстоянии 16 миль от берега. На приведённые показания капитана «Губерта» и его помощника из Гуля было прислано особое заявление английских офицеров: Стюарда, Будса и Ричардсона, по-видимому экспертов, проверивших показания капитана и команды в технической их части. В этом заявлении они говорят: 1) опросив капитана и команду, они пришли к убеждению, что нужно обратить большое внимание на факты видимости огней маяка Териберского и что, принимая во внимание названные факты, они полагают, что судно находилось немногим больше 14 миль от ближайшего берегового пункта. 2) Обращают внимание также на расходимость показаний компасов «Т-21» и «Губерта» будто бы указанного русским офицером и сомневаются, что местонахождение «Губерта» определено по пеленгам «Т-21» верно. 3) Пройденное расстояние 17 ½ миль, показанное лагом «Губерта», сильно подтверждают показание капитана о месте задержания «Губерта» вне территориальных русских водах. 4) Названные выше английские офицеры убеждены, что показания капитана и команды о местонахождении вне территориальных вод, подкреплённые приведёнными фактами, должны быть приняты как достоверные. В примечании к этому заявлению названные офицеры предлага-

ют проверить прокладкой по карте, в какую сторону может влиять разница в показаниях компасов при определении места по маяку Териберскому и утёсу Лихому на острове Кильдине.

Капитан Лейтон свои показания, данные у нотариуса Джэксона в Гулле, снабдил послесловием, в котором сообщает совершенно новое обстоятельство. Капитан Лейтон говорит, что, когда он находился на борту «Т-21», ему предложили написать показание, что он ловил рыбу в 10 ½ милях от берега. Когда он написал, что обвиняется в том, что находился в 12 милях от берега, командир «Т-21», положив револьвер на стол, не принял этого и приказал написать, что капитан с судном находился в 10 ½ милях от берега. Под этим принуждением капитан написал то, что ему было приказано, но это не соответствовало истине, так как было написано при упомянутых условиях.

Из последнего обстоятельства вытекало, что будто бы капитан Лейтон был терроризован действиями командира «Т-21» Ауэрбаха и все свои показания на первых допросах давал вынужденно, а на суде – под влиянием тех же действий командира «Т-21».

При внимательном изучении документов, имеющихся в деле, остановил на себе внимание один документ с внешней стороны как будто бы и подтверждающий приведённое в «послесловии» показание капитана Лейтона. Этот документ – собственноручно написанное на английском языке показание капитана Лейтона на небольшом клочке бумаги чернильным карандашом. Во второй строке этого документа зачёркнуто слово «севернее» и цифра «2» в числе миль «12» переделана на 0. Получилось, что написанное ранее по-английски: «Я арестован за рыбную ловлю севернее 12 миль от земли в Русской Лапландии, под угрозой командира «Т-21» было переделано на «Я арестован за рыбную ловлю в 10 милях от земли в Русской Лапландии». Т.е. другими словами: «Св. Губерт был захвачен вне территориальных вод, но под угрозой его капитан признал, что ловил рыбу в территориальных русских водах.

Таким образом, дело принимало совершенно иной оборот. Перед следствием стояла трудная задача: восстановить истину при невозможности допросить находящегося за пределами России сви-

детеля, бросившего тяжёлое обвинение офицеру русского революционного флота.

Вновь был допрошен с исчерпывающими дело подробностями бывший командир «Т-21» военный моряк Евгений Ауэрбарх и помощник командира «Т-21» военный моряк Фёдор Мухин.

Для наиболее точного выяснения места задержания «Губерта» были приняты все указания, сделанные капитаном Лейтоном и командой «Губерта» в Гулле у нотариуса Джэксона. Были назначены экспертизы с участием опытных мореходов и запрошено Главное Гидрографическое Управление как высокоавторитетное учреждение по вопросам морской картографии. Были сделаны также выписки из навигационного и вахтенного журналов «Т-21» за 3 марта 1922 г., осмотрена английская мореходная карта, которую капитан Лейтон предъявил при его задержании, сделаны выписки из мореходных таблиц в части, касающейся дальности видимости огней маяка Териберского, а также проверена инструкция, на основании которой действовал командир «Т-21» при задержании «Губерта» и допрошен один из конвоиров, сопровождавших его в Мурманск.

Допросом военных моряков Ауэрбарха и Мухина относительно обстоятельств допроса капитана Лейтона из «Т-21» установлено без противоречий следующее:

Допрос вёлся Ауэрбархом самым корректным образом, через переводчика, в присутствии помощника командира Мухина. После допроса, на котором капитан Лейтон не отрицал, что он находился ближе 12 миль от берега, и показывал карту с указанием на ней местонахождения «Губерта» в 10 ½ милях от маяка Териберского, а также после вопроса о местонахождении «Губерта» по данным навигационного журнала, на который он ответил, что все данные у него находятся в голове и проверить места по пеленгам «Т-21» отказался – после всего этого ему было предложено командиром «Т-21» написать письменный протест. Когда он стал писать на листке блокнота карандашом, то поставил, что находится севернее 12 миль от берега. Командир «Т-21» отказался принять это, потому что до этого капитан Лейтон согласился с местом, в 10 милях от берега, написанным в протоколе командиром «Т-21», и снова предложил капитану выйти на мостик и каким-нибудь способом

определить место. Капитан нашёл это излишним и немедленно зачеркнул слово «севернее», а число 12 миль переделал на 10. Никаких угроз командир «Т-21» Лейтону не делал, а по окончании всех формальностей вынул из стола револьвер и передал находившемуся здесь помощнику командира Мухину, назначенному им для сопровождения «Губерта» в Мурманск и не имевшему при себе никакого оружия. Это сильно взволновало капитана Лейтона. Командир «Т-21» его успокоил, заявив, что личности капитана Лейтона никакая опасность не угрожает (д.л. № 113 и 114). Успокаивал его и помощник командира «Т-21» Мухин, когда капитан Лейтон, волнуясь, спрашивал: «Не расстреляют ли меня?» Всё время пути до Мурманска находившийся на судне помощник командира «Т-21» Мухин обращался с Лейтоном как с коллегой моряком, встречая с его стороны такие же отношения (д.л. № 109).

Следовательно, об угрозах при допросе не может быть и речи, а заявление о них капитана Лейтона вызвано недоразумением, может быть, вследствие неправильного и предвзятого представления о русских вообще и в советском строе в частности.

По поводу указаний капитана Лейтона относительно ловли рыбы траулером «Губерт» и всех привходящих обстоятельств, а также относительно технической стороны в показаниях Лейтона установлено следующее: по п. 3-му его показаний. Дальность видимости огня маяка Териберского, по данным капитаном условиям, согласно с мореходными таблицами, изданными Главным Гидрографическим Управлением, будет 14,1 мили (д.л. № 139 – оборот и д.л. № 137).

По п. 3 и 4 показаний капитан Лейтон говорит, что в 6 часов пополудни 2 марта вследствие того, что капитан и его помощник по огням маяка Териберского убедились в нахождении в 14 милях от берега, поставили светящийся буй. А на рассвете 2 марта были взяты пеленга или направления относительно положения упомянутого буя (д.л. 84). Из этих показаний видно, что пеленга буя были взяты примерно на полсуток раньше, чем поставлен буй. Это невозможно; что это не ошибка в показаниях, видно из того, что, как говорил капитан Лейтон на суде в Коле, рыбная ловля началась в 10 часов вечера 1 марта (д.л. № 10 – оборот) и, как говорит в разбираемом

пункте 4 его показаний, после установки буя ловля продолжалась целый день 2 марта (д.л. № 84), 3 марта «Губерт» был арестован.

Следовательно, показание капитана Лейтона о времени установки неудовлетворительно (д.л. № 139 – оборот).

По п. 4 показания указанным капитаном Лейтоном пеленгам буя предполагаемое местонахождение буя определилось: 1. Если принять, что показания компаса, указанные Лейтоном, приведены к истинным, указаний на что не имеется, то это место будет находиться под 69°31 ½ сев. широты и 34°55 ½ восточной долготы от Гринвича, на расстоянии 17 миль от мыса Териберского (см. экспертизу д.л. № 139). 2. Если принять, что показания компаса «Губерта» сообщены натуральные, неисправленные склонением, то место будет находится под 69°29,3 северной широты и 35°02,7 восточной долготы от Гринвича, в 14,3 милях от мыса Териберского (д.л. № 103 – экспертиза Главного Гидрографического Управления). Экспертизой для дальнейших соображений было принято предположение, что показания компаса, сообщённые капитаном Лейтоном, были истинные, исправленным склонением, девиацией и вследствие этого принят первый случай – место в 17 милях от берега.

От этого места до мыса Лихого на о. Кильдин расстояние 20 морских миль. Эксперты: И.Д. лоцмейстера Мурманской Лоцдистанции Падорин и капитан дальнего плавания Роффельд, занимающийся мореходным делом 31 год, сомневаются в точности определения места при таких условиях. При расстоянии в 20 милях на рассвете 2 марта легко принять какой-нибудь утёс о. Кильдин и даже материка много восточнее Лихого и взять на него параллельный пеленг, тем более, что на Лихом нет никакого знака (д.л. 139 и оборот).

Кроме того, на «Губерте» не было пеленгатора, что даёт лишний повод сомневаться в точности определения пеленгов.

Данные относительно местонахождения «Губерта», сообщённые капитаном Лейтоном, были сравнены экспертами с данными навигационного и вахтенного журналов «Т-21» и нанесённым на карту всем ходом судна «Т-21» за 3 марта 1922 г. от исходного пункта до встречи с «Губертом» и от места его ареста до входа в

Кильдинский пролив. Эти данные таковы: исходный пункт судна «Т-21» в 3 ч. 10 мин. утра 3 марта – траверс маяка Седловатого в Кольском заливе, курс норд истинный, ход 3 мили; далее в 3 ч. 40 мин., курс 50°30 истинный, ход 15 миль, далее в 5 ч. 45 мин., курс 108° истинный, ход 15 ½ мили; далее в 7 ч. 45 мин., курс 108° истинный, ход 15 ½ мили, далее в 7 ч. 45 мин., курс 47 3/4°, ход 3 ¾ мили; (д.л. № 117), после чего в 8 ч. 05 мин. курс переменён. В 8 ч. 05 мин. судно находилось под 69°25,7 северной широты и 34°55 восточной долготы на расстоянии от маяка Териберского 11,7 мили (д.л. № 129 и 138 об.).

В 8 ч. 10 мин. вблизи этого места остановлен «Губерт» от места, в котором судно «Т-21» находилось в 7 ч. 45 мин., на восток был виден в воде буй, этот же буй от места, в котором «Т-21» находился в 8 ч. 05 мин., находился между судном и маяком Териберским в створе. Место буя при таких условиях находится под 69°23 северной широты и 34°58 восточной долготы на расстоянии 9 морских миль от мыса Териберского (д.л. № 115 и 139).

Таким образом, экспертизой установлено по данным навигационного и вахтенного журналов «Т-21» и показаниям Ауэрбарха и Мухина (д.л. № 117, 115, 141), что «Губерт» и поставленный им буй находились в русских территориальных водах.

В 8 ч. 15 мин. «Т-21» задержал «Губерта», а в 9 ч. 39 мин. «Т-21» двинулись в Мурманск с идущим ему в кильватер «Губертом». За время 1 ч. 24 мин., во время которых происходила процедура отправления формальностей ареста, оба судна сносились течением к востоку. В 9 ч. 39 мин. с «Т-21» был занят пеленг на м. Териберский – 169° истинный и дан ход. Взяли курс 247° истинный в Кильдинский пролив. От начала хода до траверса м. Могильного в Кильдинском проливе прошли 16 ¼ мили (д.л. № 115, 117, 118, 141).

Капитан Лейтон в своих показаниях, данных в Гулле, указывает на возможность расходимости компасов «Т-21» и «Губерта», а его эксперты предлагают прокладкой на карте проверить, в какую сторону влияет расходимость.

Названным выше русским экспертам Падорину и Раффельду следствием было предложено выполнить предложение английских экспертов. Поверка была сделана, оказалось, что если компас

«Губерта» принять за верный, а русский имеющим разницу с ним в 20 ½ ° к западу от английского, то получаются следующие выводы.

Эксперты при предлагаемых условиях попытались проложить весь ход «Т-21» за 3 марта от исходного пункта траверса м. Седловатого и получилось невозможное явление: при первом же курсе, который тогда будет не норд, а 20 ½ °, линии хода корабля засекает берег, дальше же получаются более невозможные результаты. Невозможные же результаты получаются и при пеленгах на маяке Териберском с места, указанного Лейтоном (д.л. № 140). Далее обстоятельство с компасами было проверено другим способом: «Т-21» от места задержания шёл курсом 247°, если допустить, что указанное Лейтоном место буя верно, то оттуда к восточной оконечности Кильдина истинный курс будет 221°, что даёт расхождение с русским в 26° уже в другую сторону: при таких обстоятельствах русский компас показывал бы 290 ½ °, когда компас «Губерта» показывал 264 ½ °, а не 243°, как указывает Лейтон (д.л. № 146, 85), девиация, отклонение компаса «Т-21» была следующая: № - 3 ½ °; № 01°.

Она указана в таблице девиации (д.л. № 117). Все это убеждает экспертов, что указанной капитаном Лейтоном расходимости компасов не было (д.л. № 140), а в своих показаниях военный моряк Мухин, на кого ссылается капитан Лейтон, говорит, что разговора у него с Лейтоном о такой расходимости не было, т.к. он не говорит по-английски, а Лейтон – по-русски, и все объяснения между ними происходили больше жестами, которыми он и задал общий вопрос, совпадает ли английский компас с русским (д.л. № 109 оборот). То обстоятельство, что судно «Т-21» и идущий ему вслед «Губерт» после ареста последнего по направлению на Кильдинский пролив шли курсом 247°, указывает на то, что «Губерт» и поставленный им буй не могли быть в том месте, на которое указывает капитан Лейтон, т.е. за пределами территориальных русских вод, а были именно там или около того места, какое получается по данным навигационного журнала «Т-21». Упоминаемое капитаном Лейтоном в п. 8 и 10 сего показания (д.л. № 85) об отсчёте лага ещё более подтверждает, что «Губерт» был задержан в русских водах: по показаниям Лейтона было пройдено 17 ½, лишь по показанию

навигационного журнала «Т-21» пройдено 16 ¼ миль, но если отложить на карте в направлении 247° 17 ½ миль, то все равно окажется, что «Губерт» находился в русских водах, если бы точно были известным места, где брались отсчёты лагов «Губерта» и «Т-21», то, вероятно, и разницы в 1 ¼ не было бы (см. русскую карту).

Нанесением курса, взятого «Т-21» в 9 ч. 39 мин. 3 марта (247°) расстоянием 16 ¼ миль от траверса м. Могильного на о. Кильдин, и пеленгам на м. Териберский, взятым перед отправкой «Т-21» в 9 ч. 39 мин. и равным 169° истинный, подтверждается: указание котором «Т-21» в акте № 2 о задержании «Губерта» 3 марта 1922 г. под 69°24,7 северной широты и 35°04 восточной долготы (69°25, северной широты и 34°04 восточной долготы по поверке экспертов) (д.л. № 146) и расстояние от этого места до м. Териберского ровно 9,5 миль (д.л. № 103).

Всеми произведёнными выше показаниями экспертов и прокладками по карте устанавливается, что: 1) Судно «Святой Губерт» задержано в русских территориальных водах примерно от 9 ½ до 11 ½ миль от берега. 2) Буй, выставленный «Св. Губертом», находился в 9 ½ милях от берега, т.е. тоже в русских территориальных водах. 3) Показания компаса «Т-21» верны.

Кроме этих указаний, в распоряжении следственной власти имеются и другие указания, дающие думать, что «Св. Губерт» занимался рыбным промыслом в русских водах; это сообщения поста службы связи «Териберка» за 28 февраля, 1 и 2 марта 1922 г.

1. 28.02. 10 ч. на горизонте курсом 0 прошёл тральщик. 2. 01.03. 02 ч. 30 мин. на траверсе маяка милях 6 замечены неподвижные огни 2-х пароходов. 3. 02.03. 13 ч. 15 мин. на горизонте вижу 2 тральщика, промышляющих рыбу. 4. 02.03. 21 ч. милях 7–8, замечены неподвижные огни 2-х пароходов, по-видимому, тральщики, которые на день уходят за горизонт, ночью подходят ближе к берегу.

В этих 2-х пароходах есть основание предполагать «Св. Губерта» и «Лорда-Кнолиса» (д.л. № 86). Дни и часы, указанные в этих сообщениях, совпадают с днями и часами, в которые «Губерт» ловил рыбу у русских берегов, указанными в показаниях Лейтона (д.л. № 10 оборот, 83 и 84). На предъявленной экспертом карте, взятой со «Св. Губерта», той самой, которая капитаном Лейтоном

была предъявлена Мухину и Ауэрбарху, также имеются указания на то, что до задержания «Губерта» производилась им рыбная ловля и в других местах близ русских берегов: имеются карандашные пеленга восточнее м. Териберского: на м. Териберский, Вороньи Луды и Гавриловские острова, указывающие места в расстоянии от Вороньих Луд 7 миль и от Гавриловских островов 9 миль (д.л. № 146).

Английская мореходная карта № 4-104 В-1696 издания имеет следующие знаки. На ней в конце курса, идущего от Нордкина в направлении 5-0, помеченного карандашом, в виде 2-х прерывающихся линий имеется помеченная карандашом точка. Эта та самая точка, указывающая местонахождение «Губерта», на которой сошлись и капитан Лейтон, и военный моряк Ауэрбарх, и расстояние от которой до земли измеряли Мухин и Лейтон на «Губерте». По поверке экспертом Роффельдом, эта точка находится в 10 ½ милях от м. Териберского (д.л. № 146 об.) и см. карту (приблизительно, что также соответствует показанию, данному Лейтоном Ауэрбарху (д.л. № 113 оборот).

Наконец, сам капитан Лейтон в своих показаниях на суде в Коле подтверждал, что задержан в 10 ½ милях от берега (д.л. № 10).

Всё это указывает с несомненностью, что «Св. Губерт» под командой Лейтона занимался траловым рыбным промыслом в русских водах.

Остаётся только одно обстоятельство, как будто говорящее против этого. Это указание капитана Лейтона на видимость огней м. Териберского. Но в мореходной таблице издания Главного Гидрографического Управления говорится, что указанному в таблице способу определения нельзя придавать большого значения вследствие значительного иногда отступления земной рефракции (д.л. № 137). В тех же местах, где был задержан «Губерт», по словам экспертов, старых моряков, в то время года, когда был задержан «Губерт», рефракция влияет очень значительно (д.л. № 139 оборот).

Это одно обстоятельство с огнями м. Териберского совершенно утрачивает своё значение в сопоставлении с другими противоположениями, приведёнными выше, устанавливающими несомненность промысла «Губерта» рыбы в русских водах.

Рыбный и звериный промысел в Северном океане вблизи русских берегов на дальность 12 миль от берега материка и островов запрещён иностранцам Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 мая 1921 г., вступившим в силу 1 июля того же года, охрана промыслов возложена на суда военного флота и пограничную охрану РСФСР.

На основании вышеизложенного: полагаю капитана английского рыболовного траулера «Св. Губерт» великобританского подданного Джорджа Вильяма Лейтона 47 лет предать Народному суду 1-го участка Мурманской губернии с 2 заседателями, для осуждения за траловый рыбный промысел в территориальных русских водах Северного Ледовитого океана, который промысел запрещён Декретом Совета Народных Комиссаров от 24 мая 1921 г. по ст. 99 Уголовного кодекса РСФСР. Вызову в суд подлежат: Обвиняемый: 1. Джордж Лейтон, Англия, порт Гуль. Свидетели: 1. Евгений Евгеньевич Ауэрбарх – судно «Соколица». 2. Фёдор Павлович Мухин – судно «Т-21». Поверенный компании страхования траулеров Селиверстов (Торговый порт).

Обвиняемый Лейтон присутствовать на суде не может. Отсутствие его НКЮ признало законным, эксперты могут быть вызваны по желанию суда. Из вещественных доказательств в деле имеется английская карта № 4-104 В-1696. Корабль со всем снаряжением находится в Мурманском порту. Следователь при Особой сессии по Уголовным делам Мурманской губернии В. Алымов».[9]

Не менее сложным и важным по значению оказалось и дело «О заарестовании Мурманским губисполкомом парохода «Канин», которое с 7 декабря 1922 г. по 20 февраля 1923 г. находилось в производстве В.К. Алымова. Предыстория этого дела такова.

В начале 20-х годов между Мурманском и Архангельском постоянно возникали конфликты. Руководство Архангельской губернии, зная о стремлении Мурманского уезда получить самостоятельность, всячески препятствовало этому, пытаясь ослабить экономику Мурманского края и вызвать тем самым недовольство населения. В декабре 1920 г. при разделении Беломоро-Мурман-

[9] ГАМО. Р-136.оп.1.д.11.л.3, 3 с обор., 4, 4 с обор., 5, 5 с обор., 6.

ского управления рыбозверобойными промыслами на два самостоятельных управления в Архангельск были передислоцированы все рыбопромысловые суда, а для обслуживания Мурманского побережья не оставлено ни одного. Мурманск оказался без транспортных судов, поэтому для обеспечения продовольствием населения Терского побережья приходилось обращаться к руководству Северофлота, находившемуся в Архангельске.

Осенью 1921 г. на пароход «Соломбала» этого флота в Мурманске была погружена мука для доставки на Терский берег, но она туда по непонятным причинам не попала, а оказалась в Архангельске. Население Терского побережья осталось без муки и голодало, были даже смертельные случаи. В 1922 г. Мурманский губисполком заранее добился выделения для населения Терского берега 20 тысяч пудов муки, первая партия которой (1500 пудов) 16 октября была погружена на пароход «Жижгин» и отправлена в Поной, но она, как и в 1921 г., оказалась в Архангельске. Несмотря на то, что из Архангельска было два попутных рейса в Мурманск, эта мука так и не была доставлена до места назначения.

Опасаясь повторения прошлогодней трагедии, Мурманский губисполком решил действовать более энергично. Руководство Северофлота согласилось предоставить пароход «Канин» для доставки муки на Терское побережье, но при условии оплаты за этот рейс двух с половиной миллионов рублей дензнаками 1922 г., причём половина этой суммы должна быть уплачена до начала погрузки муки, а остальная сумма – по окончании погрузки муки в Мурманске. Сумма, запрошенная флотом, составляла примерно 15% от стоимости муки, а таких денег у губисполкома не было. Он дал письменную гарантию о том, что уплата фрахта будет немедленно произведена по получении чековых книжек из Наркомата путей сообщения, которые должны поступить в самое ближайшее время. Но руководство Северофлота с этим предложением не согласилось. Оно готово было предоставить пароход при условии оплаты фрахта мукой, которую будет перевозить пароход.

Для обсуждения сложившейся ситуации председатель губисполкома П.Э. Роцкан 23 октября 1922 г. собрал членов президиума исполкома и доложил обстановку. На этом заседании президиума

было решено, несмотря на то, что не удалось достичь соглашения об оплате фрахта, муку для населения Терского побережья доставить на пароходе «Канин». Для обеспечения доставки груза президиум назначил чрезвычайных уполномоченных – члена губисполкома, продовольственного комиссара Рудзиньша и начальника губотдела ГПУ Дроздова, которым предоставлялось право при необходимости арестовать пароход, но во что бы то ни стало доставить муку для населения. О принятом решении губисполком направил письменную информацию капитану парохода В.И. Воронину и морскому агенту Северофлота в Мурманске В.С. Анисимову. Несмотря на их возражения, погрузка продовольствия на пароход была начата.

Для выполнения поставленной задачи Дроздов выделил двух сотрудников ГПУ Киселёва и Розанова. Он также решил использовать пароход для проведения на Терском побережье операции по изъятию у населения оружия, оставшегося после ухода белых. Для выполнения этой задачи он выделил отряд красноармейцев из 10 человек под руководством сотрудника отдела Петрова и уполномоченного по борьбе с бандитизмом Филиппова, снабдив отряд пулемётом. Опасаясь утечки информации, капитан парохода не был поставлен в известность о задачах, стоявших перед отрядом, но ему было предписано делать остановки по указанию Петрова.

27 октября на «Канин» было погружено 3814 мешков муки и 178 мешков соли. Пополнив запасы топлива и воды, пароход на следующий день покинул мурманский порт. Первую стоянку он сделал в Поное, где выгрузил часть муки и соли. Следующим пунктом стоянки был волостной центр Тетрино. Там сошли на берег уполномоченный губсоюза Березин для организации разгрузки муки и соли, а сотрудники ГПУ Петров и Филиппов – для изъятия у населения оружия. Капитан Воронин, не дождавшись их возвращения на пароход и не разгрузив продовольствие, дал команду выйти в море. «Канин», не заходя в другие порты, взял курс на Архангельск, куда прибыл 7 ноября.

В Архангельске по указанию уполномоченного наркомпути Глущенко 3500 пудов муки было выгружено в счёт оплаты фрахта, а остальная мука была перегружена на пароход «Ямал» для доставки её в волостные центры Мурманской губернии. 20 ноября «Ямал»

встал на якорь в районе посёлка Тетрино, где было выгружено около тысячи пудов муки. Там на «Ямал» сели сотрудники ГПУ Петров и Филиппов, а также уполномоченный губсоюза Березин, совершившие вынужденную остановку на 20 дней из-за преждевременного выхода в море парохода «Канин». Следующие стоянки «Ямал» сделал в Кузомени и Умбе, выгрузив около 13,5 тысячи пудов муки. Отряд красноармейцев и сотрудники ГПУ сошли на берег в Ковде, а пароход благополучно возвратился в Архангельск.

Таким образом, население Терского побережья с большим трудом было обеспечено продовольствием и спасено от голодной зимовки.

Но ещё до окончания этой операции председатель Мурманского губисполкома П.Э. Роцкан направил в адрес Председателя ВЦИКа М.И. Калинина и прокурора республики Н.В. Крыленко телеграммы, в которых изложил ситуацию с доставкой продовольствия на побережье, указав на саботаж Северофлота. Он просил руководителей ВЦИКа и прокуратуры вмешаться, принять меры по обеспечению населения продовольствием, в случае закрытия навигации обязать Северофлот доставить муку ледоколом.

Руководство Северофлота, обвиняя Мурманский губисполком в пиратском захвате парохода «Канин», также направило в адрес М.И. Калинина и других руководителей центральных органов соответствующие телеграммы. В Мурманске было возбуждено уголовное дело по факту недоставки пароходом «Жижгин» муки на побережье, в Архангельске – об аресте Мурманским губисполкомом парохода «Канин».

Следователь В.К. Алымов, приняв дело по «Жижгину», тщательно изучил его, запросил у прокурора Архангельской губернии материалы о перевозке продовольствия на пароходах «Жижгин» и «Канин». Получив из Архангельска требуемые материалы, следователь приступил к допросу лиц, причастных к транспортированию продовольствия на побережье, в том числе и сотрудников ГПУ, поскольку руководство Северофлота обвиняло их в превышении служебного положения.

К делу приобщена копия объяснения П.Э. Роцкана от 7 февраля 1923 г. на имя прокурора республики, в котором он излагал обоснование действий по аресту парохода «Канин». Роцкан признавал,

что действия президиума губисполкома по отношению к пароходу «Канин» могут быть квалифицированы как превышение власти, но исполком, прибегая к этим действиям, имел дело с возможностью повторения массовой голодовки и вымирания населения. «В таких случаях, – писал Роцкан, – превышение власти иногда спасает положение и является уже не превышением власти, а проявлением хотя точно и не предусмотренных законом, но необходимых по ходу событий действий».

20 февраля 1923 г. Алымов оформил заключение, в котором указал, что, по его мнению, дело в части, касающейся действий Мурманского губотдела ГПУ, необходимо выделить в отдельное производство и через прокурора направить в коллегию ОГПУ. Дело по перевозке продовольствия на пароходе «Жижгин» и дело по превышению власти Мурманским губисполкомом, которое расследуется в Архангельске, необходимо объединить в одно производство, но это может сделать только прокуратура республики, куда и следует направить оба дела.

Из дальнейшей переписки видно, что оба дела были изучены в прокуратуре республики, после чего возвращены в Мурманск. Производство по ним прекращено 29 июля 1924 г. исполняющим обязанности прокурора Мурманской губернии Пелтониеми.[10]

В Постановлении о прекращении дела «О завозе пароходом «Жижгин» в Архангельск 1500 пудов муки, предназначенной для становища Поной» говорится: «Мурманск, 1923 года 20 февраля. Следователь при Мурманском Совете Народных Судей, Алымов, закончил расследование по названному выше делу, нашёл. 1. В середине октября 1922 г. вследствие спасения возможной голодовки из Мурманска распоряжением Мурманского исполкома была отправлена в Поной на пароходе «Жижгин» мука в количестве 1500 пудов. 2. Мука по назначению не дошла, а попала вместо Поноя в Архангельск. 3. Мурманский исполком, получив об этом известие, заподозрил в случае с пароходом «Жижгин» наличие умышленного деяния. Основанием для такого подозрения был случай в 1921 г. с пароходом «Соломбала», посланным с мукой из

[10] Круглов В. «На службе закона», Ук. соч., с. 10–14.

Мурманска на Терский берег, но попавшим в Архангельск и зазимовавшим там. Следствием чего была голодовка населения Терского берега. Исполком возбудил дело о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в незаконном завозе не по адресу муки, предназначенной голодающему населению. 4. Мурманская Судебно-Следственная власть обратилась за содействием к Архангельскому прокурору, от которого вскоре получила материал, касающийся как случая с пароходом «Жижгин», так и случая с арестом Мурманским исполкомом парохода «Канин». Среди документов, присланных Архангельским прокурором, имеется акт о несдаче «Жижгиным» муки в Поное. 5. В акте указываются следующие обстоятельства несдачи «Жижгиным» муки по назначению. 18 октября 1922 г. в 18 ч. 50 мин. при свежем ветре и лёгком волнении пароход «Жижгин» пришёл в становище Поной и остановился на якоре для сдачи груза 1500 пудов муки, привезённого из Мурманска и 3 бочек керосина из Архангельска для понойского кооператива на имя П. Кузьмина. В 20 ч. 10 мин. подъехал к борту карбас с почтой, на котором прибыл представитель от местного кооператива спросить, нет ли какого груза. Получив сообщение, что на борту имеется груз для Поноя, представитель принимать отказался, объясняя тем, что не получал никакого распоряжения из Мурманска о грузе,за прекращением работы телеграфа, а потому к съёмке груза не подготовился, не выслал из села карбасов. Простояв на якоре до 21 ч. и вследствие усилившегося ветра пароход был вынужден сняться с якоря и следовать дальше, не сдав груза, который и привёз в Архангельск. Акт подписали капитан, штурман, ответственный делегат и два пассажира. 6. Взамен недоставленной «Жижгиным» муки была послана мука на арестованном Мурманским исполкомом пароходе «Канин», который, кроме Поноя, должен был развести муку и по Терскому берегу. Но «Канин», завезя муку в Поной и Тетрино, тоже попал в Архангельск, откуда мука после многих протестов, на пароходе «Ямал» была развезена по становищам в конце ноября 1922 г. 7. Из изложенного видно, что в случае с пароходом «Жижгин» нет состава преступления. Дело же о пароходе «Канин» имеет самостоятельное значение.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. 4 п. 5 Уголовно-процессуального кодекса, постановил: за отсутствием в указанных выше действиях администрации парохода «Жижгин» состава преступления дело производством прекратить и согласно со ст. 207 УПК направить в Особую сессию по Уголовным делам Мургубернии для рассмотрения в распорядительном заседании. Дело о «Канине» выделить в особое производство. Следователь при Мургубсовнарсуде В. Алымов».[11]

Кроме таких «громких» дел, следователь Алымов В.К. вёл следствие и по другим делам.

Вот одно из заключительных постановлений: «20 октября 1922 г. я, следователь по важнейшим делам при Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии Алымов, рассмотрев поступивший ко мне материал дознания по поводу обнаружения в Мургубвоенкомате бочки с водой вместо масла, нашёл: 15 сентября 1922 г. в продмагазине Мургубвоенкомата при выдаче 18-му дивизиону войск ГПУ растительного масла при снятии с весов бочки от сильного толчка в днище образовалась щель, из которой стала просачиваться вода, при осмотре оказалось, что бочка весом 8 пудов 23 фунта наполнена вместо масла водой.

29 сентября 1922 г. Особая комиссия в присутствии представителей РКИ Уголовного розыска исследовала вышеназванную бочку и нашла: 1) установить, откуда и когда получена бочка, невозможно за отсутствием соответствующих документов. 2) на пробке для крана имеется слой густой замазки цвета бочки. 3) закупорка в исправности и пробка промаслена настолько, что даёт повод полагать на давность закупорки. 4) чистого масла в бочке не оказалось и комиссия предполагает, что вода в бочку была налита на месте отправления таковой при налитии на дне бочки масленых осадков. Дознанием, произведённым агентами Угрозыска, виновные не обнаружены. На основании свидетельских показаний данных на предварительном следствии виновных также установить невозможно, т.к. бочки с маслом прошли несколько последовательных передач от одного ведомства к другому.

[11] ГАМО. Р-136.оп.1.д.9.л.83.

Бывший Уполпродпетекра Срыдницки, который мог бы дать какие-нибудь указания (т.к. бочка одно время находилась в его распоряжении), после расформирования учреждения, в котором он служил, где находится, неизвестно. На основании вышеизложенного, в силу ст. 206 ч. 1, полагаю дело производством прекратить. Следователь по важнейшим делам В. Алымов».[12]

Вот обвинительное заключение по другому делу: «Мурманск, 18 декабря 1922 г., я, следователь при Особой сессии по Уголовным делам Алымов, закончив предварительное следствие по делу о покушении на убийство своей жены сотрудником ООКТОГПУ при ст. Мурманск Сергеем Голубевым, нашёл: 11 ноября в 9 ч. 30 мин. вечера на улице г. Мурманска сотрудником ООКТОГПУ при ст. Мурманск Сергеем Голубевым было нанесено своей жене Марии Голубевой выстрелом из револьвера огнестрельное ранение левой руки около плеча. Нанесший ранение на дознании показал, что он пытался застрелить свою жену, вследствие чего сделал в неё выстрел на улице, когда шёл с нею. Увидев, что она упала на снег, он подозвал прохожего, заявил ему о случившемся, а сам направился в ГПУ донести о том, что он сделал.

Обстоятельством, побудившим Голубева к покушению на жизнь своей жены, была плохая семейная жизнь в течение всего времени супружества, около 2-х лет. Голубев, по его словам, неоднократно просил развода у своей жены, но она на это не соглашалась.

Заставляло Голубева уйти от своей жены то, что она, по его словам, мешала ему вести партийную работу. 9-го ноября Голубев, по его словам, решил окончательно уйти от своей жены. Не ночевал 2 ночи дома, и, когда пришёл домой за своими вещами, то жена его Мария Яковлевна стала скандалить, впадать в истерику, говорить, что она всё равно за ним будет ходить, и даже говорила, что лучше пусть Голубев убьёт её, чем оставляет одну. Не видя никакого исхода, Голубев, по его словам, решил застрелить свою жену, но боялся сделать это дома, т.к. не хотел пугать имеющегося у них ребёнка.

Выбрав момент, когда жена немного успокоилась, он пошёл на свою новую квартиру, но не успел отойти 20 шагов, как жена его

[12] ГАМО. Р-136.оп.1.д.3.л.12.

догнала и стала кричать: «Лучше убей, но не уходи». Пройдя с ней 3 барака, Голубев не выдержал этой сцены, вынул из кармана револьвер и выстрелил в свою жену, нанеся ей рану в руку около плеча. В конце своих показаний Голубев говорит, что стрелял в неё он по просьбе её же самой. Допрошенные свидетели их семейной жизни показали тоже, что жизнь эта была плохая: возникали частые семейные сцены, скандалы и истерики.

Первоначально допросить потерпевшую Марию Голубеву ввиду её нервного состояния не удалось. Вторично же она отказалась давать какие-либо показания, даже касающиеся её имени, лет, происхождения и т.п.

В записке, адресованной из больницы начальнику ГПУ, она говорит, что прощает своего мужа ради их ребёнка, и что просит, чтобы начальник ГПУ разрешил мужу сопровождать её в Петроград.

Из изложенного явствует, что гр-н Голубев Сергей, как это и сам подтверждает, действительно покушался на жизнь своей жены Марии Голубевой и, покушаясь, нанёс ей огнестрельную рану в левую руку около плеча, на основании чего полагаю: сотрудника ООКТОГПУ при ст. Мурманск гр-на Голубева Сергея Борисовича, 25 лет, Тверской губернии Корчевского уезда Селиховской волости, с. Сучки, кандидата РКП(б), под судом и следствием не бывшего, предать Народному суду 1 участка Мурманской губернии с участием 6-ти заседателей для суждения за покушение на убийство своей жены, вызванное тяжёлыми семейными обстоятельствами и предшествовавшим психическим насилием со стороны потерпевшей, выразившемся в 4-часовом скандале, и не имевшее значительных вредных для потерпевшей последствий, каковое преступление, согласно толкованию ст. 14 УК, предусмотрено ст. 144 УК.

Вызову в суд подлежат: обвиняемый Голубев Сергей, ООКТОГПУ, потерпевшая Голубева Мария, городская больница. Свидетели: Гайко Семён, Мургуботдел ГПУ, Пукиневский Антон, ООКТОГПУ, Гудков Пётр, ж.д. посёлок, барак 691, кв. 4, Давыдов Иван, тоже, Зубова Евдокия, тоже. Вещественных доказательств в деле не имеется. Следователь при Особой сессии по Уголовным делам Алымов».[13]

[13] ГАМО. Р-136.оп.1.д.3.л.28, 28 с обор.

1 апреля 1923 г. старший следователь Алымов В.К. был уволен по собственному желанию.

В феврале 1923 г., по предложению председателя Губисполкома, Алымов В.К. стал работать в Губплане. В апреле того же года Президиум Губисполкома назначил Алымова В.К. на должность секретаря Губэкосо. Председателем Губплана в первый раз Алымов В.К. был назначен 27 июня 1923 г. по постановлению Губэкосо. Вторично, после расширения деятельности Губплана, был назначен председателем Губплана по постановлению Пленума Губисполкома в ноябре 1923 г.[14]

В течение пятнадцати лет Алымов В.К. занимал должности заведующего статистическим бюро окрисполкома, председателя Мурманского отделения Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК, директора Краеведческого музея, был организатором и активным членом Общества изучения Мурманского края (Мурманского общества краеведения). Он участвовал в создании саамского букваря и «Атласа Мурманского округа».

Так, из протокола заседания правления общества изучения Мурманского края от 4 ноября 1929 г., на котором присутствовали В.К. Алымов, Н.С. Брискин, М.Н. Михайлов, Я.А. Комшилов, А.П. Иванов, узнаём, что слушали сообщение В.К. Алымова о его поездке по Терскому, Понойскому, Ловозерскому районам и организации 2-х отделений общества в Кузомени, Поное.[15]

9 сентября 1933 г. Комитет содействия народностям Севера ВЦИК в Москве писал Уполномоченному Комитета Севера по Мурманскому округу Алымову Василию Кондратьевичу о заинтересованности Комитета Севера в развитии советского краеведения на Севере и приветствовал организацию краеведческого пункта при образцовой школе на Туломе.[16]

В 1938 году машина репрессий «докатилась» до отдалённых саамских поселений.[17]

---

[14] ГАМО. Р-88.оп.2.д.41.л.6.

[15] Из фондов Мурманского областного краеведческого музея.

[16] Там же.

[17] murmanarchiv.ru

Одним из самых громких «преступлений», якобы выявленных и разоблачённых органами НКВД на Кольском полуострове в 1938 году, было так называемое «Дело Алымова и К». 15 человек, проходивших по этому делу, были расстреляны, вот эти люди: Алымов Василий Кондратьевич, Артиев Александр Иванович, Артиев Викентий Иванович, Артиев Иван Иванович, Герасимов Никон Петрович, Горбунцов Степан Петрович, Дмитриев Семён Павлович, Канев Григорий Гаврилович, Матрехин Александр Васильевич, Матрехин Алексей Лукич, Осипов Яков Иванович, Салазкин Александр Сергеевич, Совкин Алексей Модестович, Юрьев Николай Иванович, Яковлев Александр Афанасьевич.

Большинство из перечисленных – саамы, но есть и коми, и русские. Самому старшему, знаменитому в Ловозерской тундре И.И. Артиеву, было 57 лет, младшему – Никону Герасимову, окончившему Институт народов Севера, было всего 27. А вот имена тринадцати, получивших, как тогда говорили, по «десятке»: С.Ф. Валеев, А.Г. Герасимов, А.И. Герасимов, А.М. Дмитриев, Е.В. Канев, Г.М. Мошников, К.Г. Мошников, Е.Я. Осипов, И.А. Руженков, А.И. Селиванов, Я.Н. Туркачев, П.И. Фефелов, Ф.В. Чупров.

Сначала всех арестованных обвинили во вредительстве: падёж оленей – их дело, лесные пожары – тоже. Но вредительство, думали в НКВД, это уже пройденный этап в нашей политике. Классовая борьба по мере продвижения к коммунизму ужесточается: саамы должны перейти от вредительства к саботажу и диверсиям, пусть они объединяются в повстанческую организацию с целью создания Лопарской республики и вхождения в состав Финляндии.

Так и появились новые определения «организации»: вредительская, диверсионная, контрреволюционная, шпионская и террористическая. Громкие фразы, видимо, должны были восполнить отсутствие доказательств.

Чтобы придать всему делу солидность, главой «саамского заговора» был объявлен ветеран Севера, настоящий русский интеллигент, учёный-краевед, экономист и плановик, человек, всесторонне знающий жизнь тундры, – Василий Кондратьевич Алымов. Следственное дело № 46197. Вёл следствие по делу В.К. Алымова

один из самых «способных» оперуполномоченных 4 отделения Мурманского окружного отдела НКВД сержант госбезопасности В.П. Школин. Всё это аккуратно подшито в папку дела № 46197, поставлены даты: начато 27.02.38, окончено 07.04.38. Зафиксирована отметка, что при аресте и обыске квартиры Алымова была изъята вся переписка учёного, которая впоследствии была ликвидировна «как ненужная».

Вначале, сразу после ареста, В.К. Алымову было предъявлено обвинение, что он является участником контрреволюционной финской националистической организации на Кольском полуострове. Но уже через месяц, к началу апреля, формулировка стала иной: «является участником контрреволюционной повстанческой, шпионской, диверсионно-террористической организации».

Как видим, обвинение отказалось от слов «финской националистической» и дало новое, более расширительное и, можно сказать, более громкое название всему делу. Если первоначально Алымову предъявили лишь два пункта 58-й статьи – 10 и 12 (часть первая), то теперь ему добавили обвинение и по пунктам 2, 6, 8, 9 и 17. Василию Кондратьевичу вменялось в вину: а) принадлежность в 1904–1906 гг. к меньшевистскому крылу РСДРП; б) взгляды и поведение жены Софьи Петровны и приёмного сына Сергея Галицкого (арестованных в Мурманске осенью 1937 года); в) связь с врагами народа в Ленинграде (профессор Д.В. Бубрих, преподаватели ИНСа А.Г. Эндюковский и З.Е. Черняков) и Москве (П.Г. Смидович, С.А. Бутурлин); г) научная работа в качестве учёного-этнографа в интересах саамской общины, её культуры, традиций.

Первый допрос начался с безобидных и житейских вопросов: где работал, с кем знался? Алымов упомянул питерских знакомых, затем перечислил мурманских (среди них были директор биологической станции в Полярном профессор Г.А. Клюге, агроном И.Г. Эйхфельд с Хибинской опытной сельскохозяйственной станции, архивист и краевед Я.А. Комшилов, директор Лапландского заповедника Г.М. Крепс, врач Николай Халапсин и некоторые др.). Затем были заданы вопросы «позаковыристее». «Расскажите о связях с заграницей; расскажите о связях с финнами, саамами и членами Комитета Севера в Москве». На вопросы Алымов отвечал

чётко: «В советское время никаких связей не было. А до революции дважды был за границей: в первый раз в Персии в качестве изыскателя строящейся там железной дороги (в 1913 году), второй раз – в Турции, туристом в Константинополе (в 1917 году)». Алымов подчеркнул также, что никаких связей у него с финнами не было.

Сейчас, по прошествии времени, можно определённо сказать, что органы НКВД пытались связать воедино два тогдашних «громких» дела – «финское» и «лопарское». Однако твёрдая позиция Василия Кондратьевича в немалой степени мешала это сделать. Отвечая на остальные части вопросов, Алымов говорил о давних (с 1927 года) связях с Комитетом Севера, назвал несколько имён его руководителей в Москве (П.Г. Смидович, С.А. Бутурлин и др.), подчеркнул исключительно деловой характер встреч и связей с ними. Что же касалось саамов, то Алымов не скрывал характер своих контактов с коренными жителями. Он знал многих аборигенов края, посещал семьи оленеводов от Туломы до Иоканьги, часто бывал в тундре. Даже рекомендовал юношей из семей Осиновых, Матрехиных, Герасимовых, Яковлевых на учёбу в Ленинград.

Саамы гордились дружбой с «большим начальником», часто искали у него защиты от притеснений местных властей. Квартира Василия Кондратьевича в бревенчатом доме на улице Красной (была такая в районе ул. Книповича), где он занимал две комнаты, была для многих оленеводов постоянной и надёжной гостиницей. О том знал тогда весь небольшой Мурманск.

За это и зацепились на следствии. Вопросы посыпались, как из рога изобилия: «Кто из саамов враждебен к Советской власти? Кто из них за автономию и союз с Финляндией? Кто из оленеводов поддерживал связь с Финляндией? Есть ли враждебные настроения среди саамов, в частности, студентов педтехникума?»

Нужно отдать должное Алымову. Он отвечал честно и ничего против саамов не показал. На вопрос о наличии среди них враждебно настроенных, стремящихся к отделению, ответил коротко: «Нет таких». О связях саамов с Финляндией тоже дал лаконичный ответ. «Ничего не знаю». На следующем допросе, а он состоялся 10 марта 1938 года, через десять дней после первого, в течение которых подследственного, по-видимому, «обрабатывали», по-

казания «руководителя саамского заговора» существенно изменились. Алымов будто бы заявил, что «вошёл в контрреволюционную националистическую саамскую организацию ещё в 1935 году». А далее в «деле» пошёл уже какой-то заученный бред: его организация готовила «соответствующие формирования», надеялась на поддержку буржуазной Финляндии; проводила агитацию за отторжение Кольского полуострова, совершала различного рода диверсии и т.п. Дело о саамском заговоре стало раскручиваться с неимоверной скоростью. «Было установлено», что, во-первых, саамская повстанческая организация связана с Западом или, точнее, с теми кругами, которые отстаивали идею «Великой Финляндии» с включением в неё Карело-Мурманского края. Во-вторых, контрреволюционный саамский заговор был идеально законспирирован и хорошо организован. Во главе заговора стоял центр, в него якобы входили Алымов, З. Черняков, А. Эндюковский, П. Антонов и Аллан-Валлениус – то ли с финской, то ли со шведской стороны. Этой руководящей пятёрке по «легенде» подчинялись шесть повстанческих групп на местах: в Ловозере, Воронинском погосте, Иоканьге, Нотозере, Юркино и Мурманске. По сфабрикованным показаниям, наиболее крупной была ловозерская группа, в ней будто бы было до 15 человек. Из воронинских лопарей фигурировали трое – Александр Яковлев, Семён Дмитриев и Павел Фефелов (бывший председатель колхоза). В Иоканьге был арестован Александр Васильевич Матрехин, в Нотозере – Андриан Герасимов.

Саамская контрреволюционная организация, в свою очередь, была «связана» с «Карельским центром», во главе которого стояли Э. Гюллинг и Г. Ровио (тогдашние руководители Карельской АССР).

Участники заговора «вели работу» в следующих направлениях: разваливали колхозы, артельное хозяйство, сокращали поголовье оленей, поджигали ягельники, организовывали террористические акты. Утверждалось также, что Канев хотел убить первого секретаря райкома партии Г. Елисеева, а другие члены организации даже говорили об убийстве Сталина и его соратников.

Заговорщики якобы распространяли провокационные слухи о близкой войне, вели контрреволюционную агитацию за создание

ещё одного саамского (западного) района (идея Никона Герасимова из Ловозеро) и даже самостоятельной Лапландии, собирали шпионские сведения, вооружались, готовили повстанческие кадры из кулаков и белогвардейцев (считалось, что центром восстания может быть селение Чальмны-Варрэ на Поное. Именно туда должен был прилететь какой-то самолёт из Финляндии).

Сегодня мы знаем, как велось следствие. Первый допрос Алымова проводил следователь Шабаловский, второй – младший лейтенант госбезопасности А.Я. Тощенко, третий допрос (21 марта) – сержант П.В. Терехов. Очные ставки проводил ещё один сотрудник – некий Кольк. К ведению дела была привлечена целая группа из семи следователей.

Характерно, что все они «умели» зацепиться за такие факты биографии подсудимых, как социальное происхождение, национальность, образование, служба в старой армии, принадлежность к другим партиям, наличие родственников за границей, судимость.

У каждого человека, попавшего в лапы НКВД, непременно находился какой-то «изъян», который всегда обращали против арестованного: у Алымова – принадлежность к меньшевикам, у А. Салазкина – служба в белой армии, у И. Артиева – факт раскулачивания, у Н. Герасимова – алименты и т.д. Все протоколы очных ставок написаны абсолютно одинаково – словно под копирку. Складывается впечатление, что их составляли уже после допросов, т.е. задним числом. Одна из первых очных ставок по «саамскому делу» была проведена через неделю после ареста Алымова, 5 марта 1938 года. В кабинете следователя встретились тогда Алымов и Адриан Герасимов.

Трудно представить, как проходила она на самом деле, но, судя по протоколу, спокойно и мирно. Прежде всего, было зарегистрировано, что обвиняемые друг друга знают и между ними никаких личных счетов нет. Ну, а дальше уже пошли странности: Герасимов якобы сказал, что его завербовал Алымов, и последний твердил: «Да, да». Такими же, судя по документам, были очные ставки Алымова с Никоном и Александром Герасимовым, с А. Салазкиным и другими.

Вот ещё одна выписка из протокола допроса Алымова. Следователь: «Ваша научная работа есть не что иное, как ширма для прикрытия шпионской и диверсионной работы. Вы – хорошо замаскировавшийся враг народа». Допрашиваемый категорически отрицает. «Никакой работы во вред Советской власти я не вёл».

Следователь: «Ваша маскировка напрасна… Мы изобличили вас документами». Алымов: «У вас нет и не может быть никаких документов». После этого с ним так «поработали», что уже на следующем допросе Алымов начинает показывать на себя и разоблачать друзей-товарищей, и следствие пошло как по маслу.

Судя по материалам «Саамского дела», все дружно выявляли вину каждого. Так, Александр Афанасьевич Яковлев показал, что в Воронинском погосте кроме него были ещё четыре «заговорщика». Взятый якобы с поличным Я. Осипов назвал имена десяти сообщников и т.д. И ещё об одной особенности следствия. Интересно, что именно к делу Алымова в качестве доказательств были приложены две фотографии: на одной – ряд винтовок, стоящих у стенки, на другой – сваленное кучей разное оружие от английских винтовок до русской малокалиберки и пачек патронов. В обвинительном заключении речь шла об 25 винтовках, 10 ружьях и 5255 патронах, якобы обнаруженных у заговорщиков. Там же говорилось о наличии в тундре уже не шести, а десяти повстанческих групп, в которых насчитывалось 70 человек (кроме того, в соседнем Саамском районе тоже было организовано похожее дело – по нему привлекали 16 человек).

Примечательно, что по ходу следствия все члены «саамского заговора» усугубляли свою вину: если в записи первого допроса Алымова говорилось о создании контрреволюционной организации в 1935 году, то вскоре (на третьем допросе) появилось новое утверждение: «Начал борьбу не в 1935 году, а в 1927».

И дополнительные уточнения тоже были существенными: группа в Ловозере во главе с Никоном Герасимовым образовалась в 1929 году, а группа в Иоканьге – в 1931 году…

Сегодня очевидно, что так называемое «саамское дело» было шито белыми нитками. Уже в 1940 году оно было подвергнуто сомнению, а затем определено как фальсификация. В одном из

документов того времени прямо говорилось, что «Саамская повстанческая организация высосана из пальца». Но ясно и другое: некоторые сотрудники Мурманского отдела НКВД хотели на этом деле сделать себе карьеру.

Значительная часть вины в содеянном преступлении ложится и на начальника Ловозерского РО НКВД И.М. Михайлова, который за несколько месяцев 1938 года арестовал только в Ловозере более ста человек (а всё население составляло, как мы уже говорили, около двух тысяч). Ему активно помогали мурманские сотрудники НКВД и следователи А.Я. Тощенко, Н.А. Терехов, П.В. Гришунов и др. Это по их приказам и указаниям арестовывались безвинные люди. Это они прибегали к физическим и психологическим методам воздействия на арестованных, подделывали и «корректировали» документы.

Для чего же было сфальсифицировано «Дело о саамской контрреволюционной организации»? Прежде всего, оно нужно было сотрудникам НКВД для поддержания собственного авторитета и запугивания населения, а также для того, чтобы, оправдывая свою «работу», достойно зарекомендовать себя в глазах высокого начальства.[18]

22 октября 1938 года осуждённого Василия Кондратьевича Алымова расстреляли в Левашевской пустоши под Ленинградом, а вместе с ним погибли ещё 14 фигурантов «саамского заговора». Остальные получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Уже в 40-х годах начался пересмотр дела Алымова из-за несоответствий в протоколах допросов обвиняемых. 4 июля 1957 года Военный трибунал Северного военного округа установил, что Алымов Василий Кондратьевич и другие осуждённые по этому делу были арестованы незаконно, дело было сфальсифицировано. Сотрудники УНКВД, участвовавшие в этом, были осуждены и получили разные сроки, а невинно пострадавшие люди реабилитированы.[19]

В Государственном архиве Мурманской области есть «Материалы об извращениях методов следствия и фальсификаций дел быв-

[18] Киселёв Алексей. Информационный центр альманаха «Живая Арктика», «Саамский заговор (Дело № 46197)», 2000, № 1.

[19] murmanarchiv.ru

шими работниками НКВД Михайловым И.М. и Ивановым А.Д.», которое было начато в декабре 1939 г.

В справке о работе бывшего начальника РО НКВД Ловозерского района тов. Михайлова И.М., который в декабре 1939 г. уже работал врид. начальника РО НКВД Мончегорского района Мурманской области, говорится: «В конце 1937 г. на работу начальником Ловозерского РО НКВД был командирован Ленинградским УНКВД и Мурманским Окротделом НКВД, член ВКП(б) с 1926 г. тов. Михайлов Иван Михайлович, который с первых же дней своей работы в районе стал на антипартийный путь – путь отрыва своей работы от руководства и контроля районной парторганизации, игнорирование указаний и требования парторганизации об устранении антипартийной и антигосударственной практики в оперативной работе последнего, путь провокации парторганизации заведомо ложной информацией, двурушничества и противопоставление себя партийной организации. И, наконец, путь преступной фальсификации и извращений в оперативно-следственной работе.

В начале 1938 г. по инициативе начальника Ловозерского РО НКВД Михайлова и начальника СПО Мурманского Окротдела НКВД Тощенко на территории бывшего Мурманского округа была вскрыта так называемая «контрреволюционная буржуазно-националистическая, повстанческая, шпионо-диверсионная, террористическая организация», в которой насчитывалось 10 повстанческих групп, разветвлённых по Саамскому, Ловозерскому, Кольскому и Полярному районам, с общим количеством участников до 70 человек, возглавляемая бывшим директором Краеведческого музея Алымовым В.К.

27 февраля 1938 г. по делу этой организации был арестован директор Краеведческого музея в г. Мурманске Алымов Василий Кондратьевич.

Как теперь выясняется, никаких первичных материалов, которые бы подтверждали правильность предъявленных обвинений участникам так называемой «контрреволюционной, повстанческой, буржуазно-националистической, шпионо-террористической, диверсионной, саамской организации» ни в УНКВД, ни в делах

участников не имеется, и что эта грязная стряпня Михайлова и Тощенко есть не что иное, как фабрикация «громкого дела» и клевета на саамский народ Кольского полуострова, который веками угнетался царским самодержавием и грабился норвежскими купцами и который только Советской властью возрождён к жизни.

Здравый смысл подсказывает, что полторы-две тысячи саамского населения, находящегося в тундре Кольского полуострова, как бы не хотела совершенно незначительная кулацкая часть саамов, не могли стать опорой так называемого «Финляндского правительства», кстати, которого уже не существует, и тем более не могли создать серьёзной угрозы нашей Красной Армии в любой обстановке. Подобную фантазию могли стряпать только такие люди, которые сами не верят в непобедимую мощь нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и в ту серьёзную силу нашего государства, созданную нами за годы существования Советской власти. Правильность такого вывода подтверждается всей практикой работы по созданию этого дела и теми материалами, которые представлены Обкому ВКП(б) начальником Кольского РО НКВД тов. Заборщиковым, оперуполномоченным УНКВД тов. Гришуновым и рядом других лиц, работавших совместно с Михайловым в это время.

Более того, целый ряд так называемых участников и даже «руководители» повстанческих групп, которые не попали по разным причинам на «тройку», были из-под стражи освобождены и впоследствии работали в колхозах (Матрехин А.В., проходящий по делу как «руководитель» группы, Филиппов С.С., Селиванов А.И., Канев Я.П., Совкин А.М., Друженков И.А., Бардаев В.И., Хатанзей В.Е. и другие из группы 34-х).

Большая часть саамов и ижемцев, проходивших по этому же делу, но позже арестованных, были также освобождены (Рочев И.П., Данилов Прокоп, Валявкина Мария и др.).

Тов. Гришунов – оперуполномоченный УНКВД, в своём заявлении Обкому ВКП(б) пишет: «Бывший директор Краснощельского оленесовхоза тов. Петров сейчас работает секретарём Ленинского РК ВКП(б) г. Мурманска и тов. Черемискин – парторг оленесовхоза – в своих заявлениях на имя Обкома ВКП(б) подтверждают, что

оружие и патроны (старого образца – фроловки и др.), которые были сданы Ловозерскому РО НКВД в апреле месяце 1938 г., принадлежали этому же совхозу и числились по данным бухгалтерии как и прочее имущество хозяйства. Оружие выдавалось по мере надобности пастухам для охраны оленьих стад от хищников. Бывший начальник РО НКВД Саамского района тов. Заборщиков заявляет, что ещё в 1935 году, когда этот совхоз входил в Саамский район, часть непригодного оружия из совхоза изъята, а годная была оставлена, следовательно, ни о каком укрывательстве оружия от советских органов, как это указывают в обвинительном заключении, нет.

Арестованных били. Привожу конкретный случай, фамилии обвиняемых не помню, звали Василий Васильевич, его допрашивал Михайлов, мне предложил привести второго обвиняемого для производства очной ставки. Вошёл Юлашкин, предложили мне из кабинета с другим обвиняемым убраться, спустя некоторое время предложили войти, Михайлов рассказал, что Василий Васильевич был здорово избит, но показаний всё же не дал. После неоднократных избиений Михайловым Филиппова Филиппа, 60-летнего старика, тот показаний не дал. Много было избиений обвиняемых Михайловым и по другим делам».

Прокуратура СССР специальным письмом от 17/XI-39 г. уведомила заместителя начальника Главного Управления ГБ НКВД СССР о том, что: «Начальник УНКВД г. Мончегорска Михайлов систематически нарушает и не желает выполнять законы Советской власти. Вопреки постановлению ЦК ВКП(б) и СНК от 8/V-33 г. о сроке содержания арестованных в КПЗ, Михайлов систематически держит арестованных в КПЗ по 6 месяцев и не направляет их для содержания в г. Мурманск. В результате безобразного отношения к своим обязанностям со стороны Михайлова в КПЗ имеют место самоубийства, причём он даже не считает нужным сообщать кому следует о таких фактах. Так, покончили жизнь самоубийством через повешение врач Петрова и арестованный Славиковский; семь случаев самоубийств были предотвращены.

При ведении следствия по делам никаких сроков не соблюдает. Выселяет рабочих с семьями из квартир на улицу и занимает помещения под свои нужды. Михайловым были выселены прямо

на улицу 4 рабочих семьи из домов Кольстроя. Сообщая Вам об изложенном, по поручению т. Вышинского, прошу призвать Михайлова к порядку и наказать его за безобразия, которые он творит. О принятых мерах прошу сообщить в Прокуратуру Союза для доклада тов. Вышинскому».

27 января 1939 г. был издан приказ по УНКВД Мурманской области, констатирующий нарушение революционной законности, в котором Михайлову объявляется строгий выговор с ознакомлением всего оперативного состава УНКВД.

Вывод из этого один: вся практика работы Михайлова и его поведение в дальнейшем в лучшем случае несовместима с работой в органах НКВД и принадлежностью его в рядах Коммунистической Партии. Зам. зав. отделом кадров Обкома ВКП(б) – Елисеев».[20]

[20] ГАМО. П-1.оп.7.д.2691.л.20,25,26,27,28,32,33,37,38,39,40.

СТАТЬИ В.К. АЛЫМОВА

ПОРТ МУРМАНСК (ЕГО СОСТОЯНИЕ И РАБОТА)

Со второй половины прошлого года Мурманский порт вступил в новую полосу своей жизни. С этого времени он приобретает действительное значение торгового порта, одного из важных транзитных пунктов внешней торговли. До этого он также назывался «торговым» портом, но это было простое название, отличающее его от военного порта; в действительности же торговый грузооборот через него был незначителен. С введением дифференциального таможенного тарифа для товаров, идущих из заграницы, через Мурманский порт впервые в большом количестве стали направляться импортные товары. Впервые же через Мурманск пошёл за границу русский хлеб. В особенности знаме-

нательно последнее обстоятельство. Лишь только был разрешён вопрос об экспорте хлеба через Мурманск, как начался шум вокруг порта: поднялись разговоры о необорудованности его, о малой пропускной способности, о неприспособленности для погрузочно-разгрузочных операций, о малой провозоспособности дороги. В заграничных газетах стали появляться известия о провале пристаней, об авариях судов, идущих в Мурманск, и т.п. – известия, вымышленные и провокационные. Два события большой важности – появление СССР вновь на мировом хлебном рынке и направление большого, сравнительно, количества грузов через Мурманский порт – заставили заграницу обратить внимание на Мурманск и были причиною отмеченных выше злостных измышлений.

О Мурманском порте у многих имеется смутное представление. Из прекрасного далёка многие представляют его в значительно преувеличенном виде против того, что он есть на самом деле. С таким предвзятым представлением приезжают в Мурманск и разочаровываются, не найдя в нём ни гранитных набережных, ни элеваторов, ни большой причальной линии, ни даже возможности хорошо устроиться для жилья. Совершенно забывают, что возник он во время войны и имел чисто служебное военное значение; что два года он находился под властью интервентов; что первые годы его существования под властью Советов были годами блокады, гражданской войны; что даже тогда, когда гражданская война уже кончилась, ему мешала жить карельская авантюра и керзоновский ультиматум.

Совершенно упускается из виду, что торговый порт на Мурмане, как и сам город Мурманск и Мурманская губерния – это молодые создания революции, хотя основание порта и человеческому жилью на месте современного Мурманска положено в апреле 1915 года.

Считаем нужным сказать несколько слов о возникновении Мурманского порта, о том, что он представляет собою, и о той работе, какую он сделал с момента его окончательного возвращения Советской России до 1 июня 1924 года.

Вопрос о порте на Мурмане возник ещё в 40-х годах прошлого столетия. И далее чуть ли ни каждое десятилетие он ставился

вновь. Но где порт должен быть, этого ясно не представляли до самого его возникновения. Именно – до возникновения. Только когда уже был определён конечный путь дороги и когда были произведены предварительные изыскания и построены временные сооружения – пристани для разгрузки построечных и военных материалов, тогда только было сказано, что порту нужно быть тут, где уже выбрано место.

Во время империалистической войны через Мурманск ввозился военный груз. По свидетельству очевидцев, в 1917 году на рейде скапливалось до 50 иностранных судов. В 1918 году летом Мурман был занят «союзными» войсками. До 1920 года официально Мурман находился под властью северного временного правительства, фактически же хозяйничали англичане. 21 февраля 1920 года англичане были выбиты с Мурмана, и он воссоединился с остальной Советской Россией.

С самого начала открытия через Мурманск сообщения с заграницей начали вырабатывать проекты устройства большого порта. В 1916 году инженером Ляхницким были запроектированы три варианта Мурманского порта: для грузооборота на 45 миллионов пудов, на 90 и на 115 милл. пудов в месяц. В 1920–1921 году отделом портостроения проект был переработан: первый вариант оставлен на 45 миллионов пудов, а по второму и третьему грузооборот увеличен до 195 и 310 милл. пудов в месяц. Последний вариант предполагает большие работы по увеличению портовой территории, углублению дна, сооружению 1690 пог. саж. набережных, береговых укреплений, устройству складов на 5 миллионов пудов зерна, 61.000 кв. саж. для леса и пр. грузов, жилые помещения, механические оборудования и проч., и проч. Стоимость всех работ была исчислена в 58 милл. руб. золотом по ценам 1915 года, или не свыше 45 милл. довоенных.

Это были проекты. В настоящее время порт имеет причальную линию на 7 причалов для океанских судов, грузоподъёмные краны, склады временного типа (сравнительно небольшой площадью), кроме этого – две пристани: для больших каботажных и для больших промысловых судов. Подъездные пути Мурманской ж.д. ведут непосредственно к стоящим у пристани судам. При неболь-

ших, сравнительно, затратах причальную линию можно увеличить вдвое, так как большие глубины начинаются в коротком расстоянии от границы орошаемой морским отливом полосы. При современном состоянии ежемесячный грузооборот порта возможен до 4,5 милл. пуд. Импорт: каменный уголь – 1920 – 2.177.043 пудов, 1921 – 2.061.058 пудов, 1922 – 1.970.567 пудов, 1923 – 2.359.795 пудов; хлопок – 1923 – 232.337 пудов; мука и хлебн. грузы – 1920 – 615.000 пудов, 1921 – 100.000 пудов, 1922 – 60.739 пудов; сахар – 1922 – 15.187 пудов, 1923 – 93.938 пудов; сельдь – 1923 – 285.271 пуд; рис – 1923 – 123.799 пудов; проч. продовольств. грузы и предметы широкого потреблен. – 1920 – 24.044 пудов, 1921 – 3.200 пудов, санитарн. груз – 1920 – 50.000 пудов; строительные материалы – 1920 – 5.800 пудов, 1921 – 1.000 пудов, 1922 – 19.966 пудов; прочие грузы – 1921 – 15.000 пудов, 1922 – 41.496 пудов, 1923 – 3.500 пудов. Всего – 1920 – 2.871.887 пудов, 1921 – 2.180.258 пудов, 1922 – 2.107.955 пудов, 1923 – 3.098.640 пудов.

Чтобы дать представление о работе порта за все годы его существования при Советской власти и дать материал для сравнения деятельности порта за разные периоды и для некоторых выводов, приведём следующие данные. До 1924 года они будут касаться лишь импортных товаров, т.к. экспорт в этот период был ничтожный.

Уголь ввозится беспошлинно главным образом для нужд самого порта и железной дороги. Мука ввозилась ввиду исключительных обстоятельств. Если мы отбросим эти два вида груза и сравним по годам количества других грузов, то увидим, что главная масса этих грузов приходится на 1923 г.: 1920 – 79.844 пуда, 1921 – 19.200 пудов, 1922 – 76.649 пудов, 1923 – 738.845 пудов.

В 1923 году, как мы упоминали, был введён дифференциальный тариф со значительно пониженными пошлинами, а для некоторых товаров пошлина и совсем сложена. Вся масса груза 1923 г., за ничтожным исключением (около 500 пудов), как раз приходится на период действия пониженных таможенных пошлин. Если мы сравним в процентном отношении эти количества, то увидим, что на период действия дифференциального тарифа в 1923 году приходится 80,8% всех грузов, ввезённых через Мурманск из-за границы за 4 года (не считая угля и муки).

Мы видим, что только со второй половины 1923 года начинается более крупное движение иностранных грузов в Мурманск, и повторяем: только с этого момента о Мурманске можно начать говорить как о торговом порте.

Но только начать говорить, а не делать категорических выводов в ту или иную сторону. Ведь в 1923 году в порт поступило только 6% того количества грузов, которое он мог бы переработать. В этом году с портом только стали знакомиться. Отправки грузов часто носили опытный характер, было недоверие к его способностям. После первых опытов доверие стало возрастать быстро, но ещё не достигло тех размеров, каких порт заслуживает. О росте доверия можно судить по работе первых пяти месяцев 1924 года. С января 1924 года впервые начался экспорт через Мурманский порт в крупных, сравнительно, размерах.

За первые пять месяцев 1924 года через порт прошло грузов: ввозных – 2.562.108 пудов, вывозных – 2.521.722 пуда. Всего 5.083.830 пудов.

Как видим, экспорт был почти равен импорту.

За всю же зимнюю кампанию переработано 5.212.078 пудов грузов.

Среди импортных грузов, прошедших через Мурманск, хлопка было 1.440.000 пудов, или 53,5%. Экспортным грузом являлся исключительно хлеб разных культур. Хлебоэкспортная кампания в начале июня заканчивается, остаются подлежащими погрузке 200.000–300.000 пудов. Таким образом, в первый год возрождения нашего хлебоэкспорта Мурманский порт выпустил заграницу около трёх миллионов пудов хлеба. В абсолютном значении это цифра небольшая, но это был первый опыт, оказавшийся более удачным, чем можно было предполагать.

Весь импорт за зимнюю кампанию был произведён на 41 океанском судне, из них хлопок – на 20. Экспорт хлеба был произведён на 18 судах. Порожняком уходили или суда, предназначенные в экспедицию, или предназначенные к погрузке в соседних норвежских портах.

Портами отправления являлись: порты южных штатов Америки, Англии, Германии.

Непосредственно из портов Америки хлопок пошёл только после поездки т. Ногина в Америку. Главным же портом отправления американского хлопка являлся Ливерпуль.

Портами назначения хлебоэкспорта были, главным образом, порты Голландии – почти исключительно Роттердам.

Путь Ливерпуль – Мурманск совершался в 9–10 дней; путь Новый Орлеан – Мурманск – 28 дней; только в одном случае пароход шёл из Орлеана 47 дней, но это был пароход с машинами особой конструкции, рассчитанными на малый расход угля.

При начале регулярных импортно-экспортных операций в конце прошлого года как экспортёров и импортёров, так и порт и местную администрацию сильно беспокоил вопрос, насколько Мурманск справится с погрузочно-разгрузочными работами. Но вскоре эти опасения исчезли: часто переработка грузов происходила в более короткий срок, чем требовалось по чартеру. Простои по вине стивидоров бывали редко. Нормальная суточная работа в большинстве случаев определялась по чартеру в 450 тонн, но были обусловлены случаи и в 750 тонн (например, «Лозовский» в апреле). И с этим условием справлялись более чем успешно; так, например, на том же «Лозовском» средняя суточная выработка доходила до 900 тонн, а на «Троцком» даже превышала её.

Недовыработка в некоторых случаях зависела оттого, что мешали праздники, или оттого (вначале), что ещё не приспособились к особо срочной работе в тяжёлых условиях полярной зимы, а в некоторых случаях и оттого, что одновременно производилась работа на нескольких судах.

Тяжело иногда приходилось и с рабочими руками. Некоторые члены артели грузчиков были недостаточно дисциплинированы и иногда способствовали замедлению работы.

Но ни малая, сравнительно, оборудованность порта, ни шероховатости в отношении с рабочей силой не имеют такого влияния на темп разгрузки и погрузки с парохода в вагон, сколько имеет беспланoвая погрузка судов за границей. В особенности это сказывается при погрузке и перегрузке хлопка, когда имеется много сортов и марок: так как один сорт идёт на одну фабрику, а другой – на другую, то нельзя грузить разные сорта в один вагон. При от-

сутствии плановой погрузки приходится много времени тратить на сортировку. Чтобы избежать лишней потери времени при разгрузке, представитель Текстиль-синдиката в Мурманске послал американским транспортным фирмам предложение грузить суда хлопком по определённому плану: каждая марка должна быть на определённом месте на пароходе, и подробный план укладки хлопка должен присылаться с капитаном судна. Опыты дали блестящие результаты. Вот примеры разгрузки хлопка с парохода с погрузкой в вагоны: при погрузке без плана – «Крета» (в октябре 1923 г.) – суточная переработка – 14.000 пудов, «Карл Либкнехт» (в феврале 1924 г.) – суточная переработка – 22.000 пудов; при плановой погрузке – «Эда» (в мае 1924 г.) – суточная переработка – 44.000 пудов.

Такая система вводится теперь для всех судов, идущих с хлопком из Н. Орлеана и др. американских портов. Преимущество её против старой беспланової системы настолько очевидно, что желательно было бы плановую погрузку на суда ставить необходимым условием при заключении договоров на фрахты для всех судов, идущих в СССР.

На всю переработку 5.213.000 пудов грузов, прошедших за зимнюю кампанию через Мурманский порт, требовалось 41.360 человеко-дней-грузчиков и 2.207 человеко-дней-чернорабочих, т.е. суточная переработка грузчика в среднем равнялась 120 пудам. Получено портом за всю переработку этих грузов 220.887 руб., израсходовано на рабочую силу (включая страхование) 204.574 руб. Прибыль должна идти на амортизацию стивидорного и др. имущества. Средняя поденная плата грузчика определяется в 3 руб. 50 коп., но фактически заработок одного грузчика в настоящее время (май-июнь) при сдельной работе достигает 8–11 рублей в день.

Стоимость погрузочно-разгрузочных работ в порту невысока. Для примера приведём ставки транспортного отдела порта (ныне Мурманской ж.д.) на работы с хлебом и хлопком: 1. Погрузка хлеба из вагона на пароход – все работы – 4 коп. с пуда. 2. Разгрузка хлопка с парохода в вагон, со всеми работами вплоть до выправки поездных документов – 5,5–6 коп. с пуда.

Общая сумма всех расходов на 1 пуд хлопка, включая и разгрузочно-погрузочные работы, кругло составляет 8 коп. с пуда. Не-

безынтересно будет привести также справки и о разных сборах в Мурманском порту. Для хлопка они составляют: портовые сборы (маячные, лоцманские, за причал и т.п.) – 0,6 коп. с пуда, государственный сбор – 2 коп. с пуда, таможенные формальности – 0,7 коп. с пуда. Всего 3,3 коп. с пуда.

Полная стоимость провоза 1 пуда хлопка от начала погрузки его на пароход в Новом Орлеане и до укладки его в вагон Мурманской жел. дор. составляет: погрузка в Н. Орлеане – около 10 коп. с пуда; фрахт Н. Орлеан-Мурманск – 40 коп. с пуда; переработка в Мурманском порту со всеми государственными и портовыми сборами и погрузкой в вагоны Мурманской ж.д. – 8 коп.

Всего работ в двух портах и перевозка за 7.500 миль по двум океанам обходится в 58 коп. с пуда. По сухому пути – по Мурманской и Октябрьской жел. дорогам до Москвы пуд уже обойдётся около 95 копеек. Таким образом, полная стоимость доставки хлопка из города Н. Орлеана до станции Москва через Мурманск обойдётся около 1 р. 55 к. за пуд. Стоимость фрахтов на экспортный хлеб, идущий в голландские порты на пароходах Госпароходства, колебалась от 10 до 14 шиллингов за тонну, в Гуль – 11 шиллингов, в Берген (Норвегия) – 15 шиллингов.

Пропускная способность порта превышает таковую Мурманской железной дороги. Если взять одновременную работу 6 причалов и рабочий месяц в 25 дней, то получим минимум возможного пропуска грузов в месяц в 4 миллиона пудов в обе стороны (экспорт и импорт). При работе полного месяца в 30 дней этот минимум повысится до 4.800 тыс. пудов. Максимально возможный грузооборот в настоящее время, считая переработку по 750 тонн в сутки, определится до 8 миллионов. Но эта величина пока имеет только расчётное значение; превратиться в фактическую она может лишь при увеличении провозоспособности железной дороги и при устройстве больших складов для хранения товаров.

Максимальная пропускная способность Мурманской железной дороги, при условии увеличения числа рабочих паровозов, определялась в конце мая в 60–70 вагонов в один конец или 1.800 тыс. пудов в месяц. При одновременном экспорте и импорте пропуск грузов увеличится вдвое.

Таким образом, при настоящих условиях пропускная способность порта при одновременной работе на экспорте и импорте превосходит провозоспособность железной дороги в полтора раза, а при работе только в один конец – в три раза.

Таким образом, и порт, и железная дорога в рассматриваемый период работали не с полной нагрузкой: порт пропустил только 23% минимально возможного, а железная дорога – 30% возможного при существовавших условиях.

Отсюда следует, что для доведения работы железной дороги до возможного минимума пропускной способности порта необходимо повысить её провозоспособность по крайней мере в полтора раза, но и то лишь при условии равномерного поступления экспорта и импорта; нормально же необходимо увеличить в три раза. Такое увеличение при некоторых затратах вполне возможно в недалёком будущем. Уменьшение числа закрытых разъездов, увеличение станционных путей на ст. Коле, Кандалакше и др.; увеличение числа рабочих паровозов и подвижного состава вообще; смягчение уклонов и увеличение радиусов кривых и, как следствие этого, увеличение состава поездов – всё это хотя и требует затрат, но сравнительно с теми выгодами, какие получатся от этого в ближайшее же время, затраты эти будут невелики.

Одновременно с этим необходимо довести и грузооборот порта до его хотя бы минимально возможной нагрузки, т.е. увеличить вчетверо против той, что была в рассматриваемый период.

Тенденция к увеличению грузооборота уже резко наметилась: в мае процент нагрузки достигал 42% возможного (30% падает на импорт, 12% – на экспорт).

Такова работа порта с начала импортно-экспортной кампании до 1 июня (вернее – за первые пять месяцев 1924 г.). Для начала – работа большая. Какая же материальная польза была самому порту от этой работы? Противники Мурманского порта часто говорили, что порт работает в убыток; противники направления грузов через Мурманский порт вообще добавляли, что и железная дорога работает в убыток и что для государства выгоднее возить товары через Ригу, Ревель, Либаву. Материальная польза, в виде денежных средств или технических усовершенствований, правда, была

ничтожна, но порт зарекомендовал себя, он хорошо, быстро справлялся с работой и исполнял эту работу дёшево, чем и приобрёл клиентов. Иностранные купцы узнали дешёвую дорогу в Россию; кораблеводители нашли, что эта дорога безопаснее других. А это уже много. Мурманская же железная дорога сразу ощутила даже и денежные выгоды от импорта и экспорта через Мурманск: хронически дефицитная ранее, к весне этого года она уже вылезла из дефицита. После объединения порта с железной дорогой об убыточности той или другого говорить уже не придётся.

Ничего непосредственно осязательного не получил только бюджет Мурманской губернии: с проходящих грузов не взимается никакого местного сбора. Но местные власти и деятели, несмотря на это, принимают самое энергичное участие, содействуя скорейшему и бесперебойному продвижению грузов через Мурманск. И, надо сказать, если бы ими своевременно не принимались экстренные меры, работы, несомненно, не проходили бы так успешно, как они проведены.

Но Мурманск имеет и специфическое значение – значение базы для Мурманского рыбного промысла. До сих пор таковой базой являлся Архангельск. Но при базе в Архангельске, вследствие замерзаемости Белого моря, сокращается рыбный сезон почти вдвое и удорожается провоз рыбы, т.е. уменьшается количество улова и повышается стоимость продукта, являющегося предметом первой необходимости. Только при базе на Мурмане с центром в Мурманске можно будет серьёзно говорить о постановке крупных рыбных промыслов на Мурмане. В настоящее время Мурманский порт в отношении значения промысловой базы совершенно не оборудован.

Кроме всего сказанного, Мурманский порт имеет ещё и колонизационное значение: развитие и укрепление Мурманской железной дороги и осуществление колонизационных её планов в высокой степени зависит от количества грузов, проходящих через Мурманский порт. От этого же зависит и открытие отделений учреждений, ввозящих и вывозящих грузы, а также прилив рабочей силы на заработки, увеличение местных торговых оборотов, общее оживление края.

Значение порта как для края, так и для страны вообще может быть огромно. Но чтобы порт хотя бы отчасти мог оправдывать

своё значение, необходимо большее внимание к его нуждам. Прежде всего, необходимо оборудование его, увеличение причальной линии, ремонт пристаней, устройство дока для ремонта судов, складов для хранения товаров и хотя бы примитивного элеватора. Без таких необходимых «удобств» он долго работать не может. Если же ему и при отсутствии этих удобств всё-таки удалось работать успешно – это в значительной степени потому, что рассмотренный нами период работы порта был героическим периодом его жизни. *В. Алымов*.[1]

[1] Алымов В.К. «Хозяйство Северо-Западного края», № 4, июль 1924, «Порт Мурманск (Его состояние и работа)», с. 24–33.

ОДНА ИЗ ПОБЕД НАД МУРМАНСКОЙ ПРИРОДОЙ

Собственно говоря, это не победа над природой, а победа над косностью, ленью, безразличием и невежеством.

О Мурмане есть два шаблонных представления: первое – это «Мурман обладает бесчисленными естественными богатствами»; второе – «вся Мурманская губерния представляет почву, негодную для сельского хозяйства». Первое представление отчасти спорное, а второе – совсем неверное.

Что на почве Мурманской губернии можно выращивать многие плоды и злаки, и высокого качества, и в больших количествах, и с малыми затратами – это доказал учёный агроном И.Г. Эйхфельд, работавший это лето у подножия Хибин. Кто из мурманцев знает о его работе? Почти никто. А достигнутые им результаты для Мурманской губернии имеют исключительное значение. И опыт, произведённый им, должны принять во внимание все, кто интересуется вопросами колонизации и сельского хозяйства, а в особенности Губземуправление.

И.Г. Эйхфельд приехал на Мурман от Сельскохозяйственного Учёного Комитета и начал свою работу 20 июня. Он привёз с собою семена до 700 видов разных растений, культивируемых в климатах, приближающихся к мурманскому: в Северной Америке, Канаде, Аляске, Сев. Сибири. Были семена и растений южных мест.

Почва требовала обработки и удобрения. Твёрдый навоз почва не разлагала, удобряли жидким, – поливками, 3–4 раза в лето. Были посеяны почти все виды привезённых растений. Результаты получились следующие:

Картофеля выведено 36 видов. Самыми лучшими сортами оказались: «эпикуреец» (американский) и «шестинедельный» (тоже). Первый дал на десятину 1.440 пуд. (Подсчёт урожая делался так: урожай, полученный на известном участке, умножался во столько раз, во сколько участок меньше десятины, и с полученного количества скидывалось 15%), второй – 1.648 пудов; на третьем месте стоял сорт «ирландский сапожник». Качество картофеля оказалось

значительно высоким. Из 36 видов картофеля 12 будут подвергнуты селекции и пойдут на семена.

Репы выросло 20 сортов. Самыми лучшими оказались: миланская (из Италии) – фиолетовая и обыкновенная и немецкая «снежный шар». Разводящаяся в Кандалакше и на Терском берегу «карельская» репа значительно хуже и втрое меньше по размерам, названных выше.

Моркови выращено 12 сортов. Редька достигала до 5 фунтов. Редиску сеяли 3–4 раза в лето, урожай великолепный, вызревала в 4 недели. Салат исключительный. Турнепс дал 2.200 пудов на десятину. Съедобный корнеплод «кольряби», вкусом напоминающий цветную капусту, получился такой же, как и в Прибалтийском крае.

Кроме корнеплодов, неожиданные для мурманцев результаты дали и злаки: ячмень, овёс и даже рожь.

Ячмень из аляскинских семян, без остей и с голым зерном, почти дозрел. Солому дал высотой около 2 арш.

Овса выросло 16 сортов из семян Аляски, Норвегии, Канады, Сибири. Аляскинский дал особенно хорошую солому, много лучше и выше сибирской, 400 пудов на десятину.

С рожью производились только опыты, часть её всё-таки вызрела. Даже гречиха зацвела.

Исключительно в научных интересах был посеян хлопок, вырос, выбросил листы, но первый мороз 5-го июля сгубил этого гостя жаркой стороны.

Кормовые травы – клевер и тимофеевка – произрастают великолепно.

Полученные результаты чрезвычайно поучительны. Из них можно сделать много выводов. Прежде всего – разрушается предрассудок, заключавшийся в том, что на Мурманской почве только любители для забавы могут выращивать картошку величиною с орех и что огородное хозяйство дальше опытов не пойдёт.

Во-вторых, видно, что стоит только приложить знания и руки, можно сделать многое для насаждения сельского хозяйства на Мурмане.

В третьих, разведение корнеплодов (картофеля, репы, турнепса и друг.) имеет огромное значение для колонизации края: колонист может не бояться умереть с голода.

В четвертых, при существующем отсутствии сена разведение овса и ячменя на солому даст огромный толчок к развитию скотоводства, а это же последнее также имеет огромное значение для колонизации края: хороший работящий колонист может стать фермером; может развиться сельское хозяйство. Одно цепляется за другое. Кормовые травы также служат развитию скотоводства.

В пятых, появление картофеля и др. овощей собственного сбора служит удешевлению этих продуктов, а появление соломы и кормовых трав – удешевлению молочных продуктов, а всё это ведёт к удешевлению вообще жизни на Мурмане.

Всё это не мечты гоголевского Манилова, а реальные выводы.

Земли, которая могла бы быть возделана под огороды, достаточно. Вся полоса вдоль Мурманской жел. дор. годна для этой цели. Стоит только не лениться и быть смелее. Это мнение производившего опыты.

Эффектные результаты, полученные в этом году у Хибин, явятся ещё эффектнее, если примем во внимание, что минувшее лето было самым худшим за 20 лет. В тёплое, постоянное лето может вызреть не только овёс и ячмень, но даже и рожь. Но, главное, здесь – овощи: 1.500 пудов картофеля и 2.200 пудов турнепса на десятину; над этим надо серьёзно подумать.

Обо всём этом надо подумать нашему Земельному Управлению, то обстоятельство, что наша губерния не земледельческая, не даёт права воздерживаться от действий. (П.П.) *В. Алымов*.[2]

[2] Алымов В.К. «Вестник Мурмана», № 48, 1 декабря 1923, «Одна из побед над Мурманской природой», с. 7–9.

СТРАНИЧКА КРАЕВЕДЕНИЯ. ОТКУДА ПРИШЛИ ЛОПАРИ НА СЕВЕР

Лопарей считают исконными жителями Крайнего Севера Европы. Это верно в том смысле, что до них на исторической памяти Европы не было народностей, здесь обитавших. Но если мы поставим себе вопрос: всегда ли лопари жили на Крайнем Севере и не пришли ли они из каких-нибудь более южных мест – то, на основании некоторых данных, в исконности их обитания на Крайнем Севере нам придётся усомниться и места древнего их обитания придётся искать значительно южнее.

Южная граница лопских поселений в России в настоящее время почти совпадает с южной границей Мурманской губернии. Но ещё недавно, несколько столетий назад, лопские поселения находились значительно южнее. В списках Новгородских погостов Вотской пятины, в пределах нынешних Новгородской и Ленинградской губерний мы встречаем погосты: Лопец и Егорьевско-Лопский, несомненно указывающие на то, что эти погосты когда-то были населены лопарями. Древнее новгородское селение Дудорово близ горы Дудер, носящей в настоящее время название Дудергоф, вероятно, первоначально также имело лопское население (слово «dudder» в настоящее время встречается как вторая часть названий гор в Норвежской и Финской Лапландии (наравне со словом «tunturi» – тундра).

Академик А.А. Шахматов, основываясь на данных сравнительного языковедения, говорит, что со славянами, ещё в их прародине, с востока соседили лопари. Прародиной же славян, как известно, Шахматов считает территорию, примыкающую к средней части южного побережья Балтийского моря. Таким образом, на основании несомненных признаков, южную границу лопарских поселений на западе в историческое время можно считать южнее Ленинграда.

С другой стороны – на востоке – в бассейнах Сев. Двины и её притоков также есть географические имена, свидетельствующие о пребывании в тех местах лопарей. В промежутке, восточнее Онеж-

ского озера и южнее его, во времена, более близкие к нам, также были лопские погосты.

Из всего этого мы видим, что огромная территория Севера Европы когда-то, может быть, в разное время, была обитаема лопарями и градусов на 8–9 простиралась южнее современной их территории.

Но и эту древнюю территорию пребывания лопарей нельзя считать за их прародину. Её придётся искать ещё южнее.

В доказательство южного происхождения лопарей русский учёный Кельсиев в 60-х годах прошлого столетия приводил то обстоятельство, что сетчатка глаза у лопарей, несмотря на многовековое пребывание их в полярной стране, не приспособилась к безболезненному восприятию солнечного света на снегу. Немецкий учёный Шаффгаузен считает лопарей пришельцами с юга Сибири, оттеснёнными более сильными народностями на север её и двигавшимися на запад вдоль Северного океана. Некоторые учёные считали даже, что некогда вся северная и средняя Европа, до Альп на юге и Рейна на западе, была заселена лопарями, постепенно, со льдами ледников, отходившими к северу за северным оленем.

Для того, чтобы хотя бы приблизительно определить прежнюю родину лопарей, в широкой степени, необходимо использовать сравнительный метод. Необходимо те остатки хозяйственного быта, древнего культа, эпоса, орнаментики, особенностей языка, которые ещё живы сейчас у лопарей, исследовать, сравнив с существующими или исчезнувшими культурами других народностей.

Нам хочется обратить внимание на остатки глубочайшей древности в ныне существующей у русских лопарей орнаментике – это крест с загнутыми в разные стороны концами («свастика») и сложный символ, напоминающий «георгиевский» крест (ажурный квадрат, в углы которого упираются вершинами четыре больших ажурных треугольника, а в стороны – четыре малых). Эти два символических знака – самые распространённые и самые живучие у лопарей. Первый из символов – свастика – есть самое древнейшее символическое изображение в мире. Символом чего оно является – до сих пор точно не установлено. Одни исследователи говорят, что это древнейшее изображение человека (немецкий учёный Вольф-

ганг Шульц), другие – это символ огня или орудия для добывания огня. Что бы он ни изображал – одно можно сказать, что когда-то это был какой-то священный символ. Распространение он имел самое широкое: Китай, Индия, Алтай, Закавказье, вся древняя территория русских славян. Этот же знак был найден на разных предметах Эгейской культуры и даже в культурных остатках доисторического человека древнекаменного века России (с. Мизиново Черниговск. Губ., 1908 г.).

Прослеживая область распространения этого знака по разным предметам, находящимся в Историческом музее в Москве, мы натолкнулись (зал 4, витрины 17, 18, 19) на поразительное совпадение упомянутых выше двух знаков лопарского орнамента с точно такими же знаками на кувшинах, вазах, чашах и других предметах исчезнувших народов Найри; живших когда-то в Закавказье и верховьях Евфрата и Тигра.

Если бы совпадение было только в «свастике», мы не обратили бы на это особого внимания, но совпадение двух знаков, из которых один – довольно сложный, – явление, над которым приходится задуматься.

Конечно, на основании этого мы не можем делать того вывода, что лопари когда-то находились в непосредственной связи с такими отдалёнными народами. Но предположить, что они, при посредстве каких-то южных соседей, находились в культурной связи с народами далёкого юга – некоторые основания имеем.

Кто были эти южные соседи лопарей? – на этот вопрос ответить воздерживаемся. Одно считаем несомненным, что в доисторические времена на территории современной России лопари жили значительно южнее тех границ, которые можно установить на основании исторических документов и географических названий. *В. Алымов.*[3]

[3] Алымов В.К. «Полярная правда», № 12, 1 марта 1924 г., «Страничка краеведения. Откуда пришли лопари на Север», с. 2.

О МУРМАНСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

Мурманская биологическая станция в Александровске – единственная в мире полярная биологическая станция. Работу её знают все, кто серьёзно занимается естественными науками в России. Хорошо знают её и иностранцы учёные-естественники. Каждый год из разных концов России приезжают учёные разных степеней для работы на станции. В этом году ожидается приезд даже из Чехии.

Знают ли сами мурманцы станцию? Конечно, знают – но как? Руководителя её, Г.А. Клюге, на Мурмане все знают. Но только немногие серьёзно интересуются работами станции. Часто же бывает так: «надо съездить к Клюге, посмотреть морских чертей в спирту», – этим и ограничивается интерес к ней и знание её.

Но знать работу станции и её значение необходимо каждому желающему так или иначе поработать для Мурмана. Станция имеет не только чисто научное значение, но и огромное научно-прикладное – в особенности для рациональной постановки мурманских промыслов.

17-го марта, на совместном заседании Губ. Плановой Комиссии, членов Губисполкома и представителей разных учреждений на Мурмане, Г.А. Клюге делал доклад о работе станции и её задачах. Работа станции слишком объёмиста и плодотворна, и написать о ней нужно толстую книгу. Скажем только несколько слов о некоторых частных случаях её, носящих строго научный характер и в то же время имеющих большое прикладное значение.

Три раза в году станция совершает рейсы в Северном океане по Кольскому меридиану до 75 градусов сев. шир. для исследования, главным образом, тёплого течения Гольфштрема.

Дело как будто бы узкоспециальное и не имеющее «практического» значения. Но это не так. Сопоставляя температуры, наблюдаемые в разрезе океана по Кольскому меридиану, с температурами, взятыми по разрезам от Лофтенских островов и от Согнефиорда к Исландии, станция вывела, что средние темпера-

туры Гольфштрема по разрезу Лофтенские острова – Исландия через год повторяются в Кольском разрезе, а температура разреза Согнефиорд-Исландия бывают в Кольском заливе уже через 2 года. Таким образом можно знать, какая температура Гольфштрема у Мурманского берега будет через 2 года.

Температура же Гольфштрема имеет огромное значение для подхода и размножения рыбы: увеличение средней температуры только на полградуса против нормальной уже не только вызывает опоздание подхода рыбы, но и пагубно отражается на рыбьем потомстве – оно уменьшается в количестве и ухудшается в качестве. Стало быть, на основании этих чисто научных наблюдений можно задолго определить как время подхода рыбы, так и виды на улов.

Ещё один случай. Станция определяла жирность трески и нашла, что для Мурмана таковая составляет 7–8% всего веса рыбы. У Вардэ жирность трески 5–6%, а у Лофотена – 3–4%. Зная процент жирности трески, заранее можно определить количество предполагаемых к добыче воюксы и рыбьего жира. А это уже голая «практика».

Таким образом, чистая наука имеет огромное практическое приложение в деле рыбных промыслов.

Понимают ли наши рыбопромышленные организации значение Мурманской биологической станции?

Если не понимают, то нужно понять. Ту стадию мурманской промышленности, на которой основой являются «авось», да «надежда на промысел божий», да удачная скупка у обнищавшего рыбака, пора считать пережитой.

Нужно понять значение станции и помочь ей в её работах.

А помощь потребуется небольшая. Так, например, рейсы к 75-й параллели, о значении которых мы только что говорили, могут быть совершаемы только при помощи со стороны. Станция не обладает ни пароходом, ни командой, ни углём, ни смазочным маслом. Судно и команду любезно предоставляет, как и раньше, Погранфлотилия, но прочим она снабдить не может.

Хозяйственные организации должны отозваться и помочь – тем более, что это будет стоить гроши. Одной командировкой в «Центр» меньше – сделано полезное дело для науки и для себя.

Но этого мало. 12-го июля исполняется 25-летие существования станции и 15 лет пребывания её на берегу океана. Нельзя пройти мимо этого события ни в коем случае. За это время много трудов исполнено научными сотрудниками станции и теми учёными, которые работали на ней, но многие из этих трудов, имеющие большое научное значение, до сих пор не напечатаны – денег не было и нет. Мурманские организации всех видов должны помочь станции и в этом деле. Это будет не только помощь станции – издание юбилейного сборника явится для Мурмана событием большой важности.

Все, кому дорого изучение того Края, где они живут и работают или извлекают «практическую» пользу, должны так или иначе принять участие в содействии работам Мурманской биологической станции. *В. Алымов*.[4]

[4] Алымов В.К. «Полярная правда», № 18, 9 апреля 1924 г., «О Мурманской биологической станции», с. 3.

ПРАЗДНИК НАУКИ НА МУРМАНЕ (1899 – 12-ГО ИЮЛЯ 1924)

Сегодня, 12-го июля, исполняется 25 лет существования на Мурмане Мурманской биологической станции.

Этот день для Мурмана – день праздника науки, 25 лет непрерывной работы над изучением жизни Северного океана и его обитателей над путями и колебаниями благодатного Гольфштрема, над прибрежной природой; вдали от культурных центров, часто без связи с ними в течение долгих месяцев; под вой полярных вьюг и рёв штормов – это работа, при которой повседневность переходит в подвиг.

При таких условиях работники станции творили большое дело, хотя некоторым, с виду, их работа казалась мелкой и, с точки зрения непосредственной выгоды, даже бесполезной (были и такие люди). Но это могло казаться только тем, кто не вдумывался и не старался понять этой работы.

Когда хотят построить огромное и сложное здание, сперва составляют план его; для плана же необходимы предварительные расчёты, в свою очередь рассчитанные на наблюдениях и опытах. Строящий здание без этих предварительных работ рискует быть погребённым под его развалинами.

Работа станции в целом – это опыты, наблюдения, расчёты, обобщения, планы и выработка материала и вместе с тем, по мере сил, возведение отдельных частей огромного здания.

Возьмём случай. Для того, чтобы поставить на должную высоту мурманские рыбные промыслы – эту основу экономического бытия тружеников моря – необходимо прежде всего всестороннее изучение жизни рыб, обитающих в Северном океане и Белом море, их привычек, подходов, мест обитания, переселений, условий размножения; необходимо изучение той среды, в которой они живут, тех животных и растений, которыми они питаются. Необходимо изучение всех прихотливых изменений моря, тёплых и холодных струй его, его солёности. Необходимо самую рыбку взвесить, смерить, в душу ей заглянуть. И Мурманская биологическая станция, среди других работ, занималась и этим.

В этом её работа на пользу труженика-ловца. Если до сих пор мало пользовались результатами работ станции в этом отношении – то это не её вина, а вина или косности предпринимателей, или нищеты ловцов.

«Чистой» науки нет. Самая отвлечённейшая из наук может быть приложена к какой-нибудь из самых практических сторон жизни.

Изучение станцией всех тех ракушек, кольчатых червей и пр., и пр., что вызывает у некоторых недоумение, может быть чрезвычайно полезным в самой обыденной практике.

Припомним один интересный пример.

Все мы знаем селёдку-астраханку, и все мы знаем, какое огромное значение имеет эта рыба в питании рабочего люда, но немногие знают, что эта рыба, называвшаяся «бешенкой», раньше не шла в пищу и гнила выброшенная рыбаками на берег. И только когда великий русский учёный, основатель науки о зародышах, Карл Бэр лет 80 назад нашёл способ ее засаливать, она приобрела такое огромное полезное значение. А этому предшествовали чисто научные наблюдения и опыты.

Несмотря на то, что рабочий путь станции далеко не всегда был гладок, что бывали перебои в её работе, как это было, например, во время интервенции, когда работу пришлось свернуть за отсутствием средств, – станция в конечном счёте не только сохранила результаты своих работ, но и расширила работу до размеров международного значения: так, например, с 1921 года совершаются международные рейсы по исследованию Гольфштрема.

Научная деятельность Мурманской биологической станции известна далеко за пределами Союза Республик. Эта известность есть признание большого научного значения трудов её и награда за эти труды.

Много сделала станция за двадцать пять лет существования на Мурмане, но она могла бы сделать ещё больше, если бы ей помогали те, кто должен быть заинтересован в «больших уловах». Только в последнее время, по инициативе Губисполкома, некоторые государственные и хозяйственные организации пришли на помощь в её работе. И честь им: при их помощи осуществлён международный майский рейс к 75 градусу сев. широты для исследования Гольфштрема.

Но на этом нельзя останавливаться: всякий, кто действительно заинтересован в развитии производительных сил Мурмана, должен материально, а не на словах помочь станции.

Приветствуя единственную в мире полярную биологическую станцию в этот знаменательный для Мурмана день, верим в дальнейшее развитие её высокополезных научных работ и надеемся, что ближайшим результатом этих работ будет подъём хозяйственной мощи обнищавшего ловца-промышленника. *В. Алымов*.[5]

[5] Алымов В.К. «Полярная правда», № 45, 12 июля 1924 г., «Праздник науки на Мурмане (1899 – 12-го июля 1924)», с. 1.

ПО ПОВОДУ НАХОДКИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ И ОРГАНИЗАЦИИ КРАЕВОГО МУЗЕЯ

В фельетоне «Картинки Мурманского края» в № 56, «П. Пр.», между прочим затронут вопрос о находке каменных орудий близ Мурманска. Вопрос, правда, затронут юмористически, но по существу он имеет более серьёзное значение: близ города Мурманска действительно найдены не только орудия каменного века, но и место стоянки человека, употреблявшего эти орудия. С опубликованием этого в «Пол. Пр.» нашедшие считали более удобным не торопиться, а послать образцы найденных орудий в Академию материальной культуры, приложив подробное описание места в чередовании пластов, на которых взяты орудия: для определения геологического возраста этих пластов и материала орудий предполагалось воспользоваться пребыванием на Мурмане геолога проф. Полканова. Но появление юмористической заметки заставляет не ждать с сообщением хотя бы в нескольких строках.

Стоянка находится на высоте 36 саж. над современным уровнем моря и саж. на 15 над террасой, образованной древним морем, имеет площадь около 25 кв. саж. Под небольшим растительным покровом находится слой древнего угля толщиной 10–30 сантиметров, под углём слой песка приблизительно такой же толщины, далее опять уголь, песок, глина и, наконец, материковое каменное основание примерно на глубине 75 сантиметров. Орудия находятся между верхним слоем угля и глиной. Внутри площадки – яма с наиболее толстым слоем угля, по-видимому, остатки бывшего очага.

Каменные орудия все относятся к палеолиту, т.е. древнекаменному периоду каменного века.

С понятием «каменный век» не должно иметь представление об определённой давности: он был в разных местах в разное время. Если во Франции время существования этого периода культуры учёные определяют в десятки тысяч лет назад, то в Тасмании, напр., по показаниям мореплавателей, открывших её, жители упо-

требляли каменные орудия всего несколько столетий назад. По некоторым данным (следам древнего моря), названная выше стоянка может иметь возраст от 2000–3000 лет. Но могла быть и позже.

Орудия все оббитые и ручные, т.е. нешлифованные и приспособленные к употреблению без рукояток и все сделаны из пород, находящихся под руками (нет ни одного из кремня). Есть очень примитивные, но есть тщательно и симметрично изготовленные. Необходимо оговориться, что тот, кто никогда не видел древнекаменных орудий в музеях и вообще не интересовался древней культурой хотя бы по общедоступным книгам, – в большинстве орудий увидит простые, хотя и похожие друг на друга обломки камней. Но тот, кто внимательно расследовал в Историческом (в Москве), Этнографическом и др. музеях и вообще интересовался вопросами древней культуры, – сразу узнает в них изделия человеческих рук и увидит целесообразность назначения большинства камней. Среди них есть ручные топоры, резцы, свёрла и др.

По некоторым типам орудий, а также и в отношении материала, из коего они изготовлены, и по своему крайнесеверному географич. положению Мурманская стоянка может иметь особое значение при изучении каменного века в России.

Подробно же об открытии можно будет говорить только после получения авторитетных разъяснений Академии матер. культуры или других учёных авторитетов. Дело же тех, кто нашёл орудия, тщательно сохранить их и стоянку и по возможности облегчить задачу для будущего изучения их.

В названной выше юмористической заметке сказано, что с целью разыскания каменных орудий создан Краевой музей. Жаль, что писавший эти строки не знаком с работой Губисполкома, направленной к развитию губернии во всех отношениях: начало организации музею положено постановлением ГИК от 24 марта с.г., когда ни о каких орудиях и разговора не было. В организационную комиссию вошли председатель Губисполкома т. Мельников, проф. Клюге, зав. Губоно т. Ромис, т. Комшилов и т. Алымов. В настоящее время найдено помещение и ремонтируется под наблюдением Г.А. Клюге. От Мурманской биол. станции получено 50 экз. морских животных, проф. Полканов обещал собрать коллекцию ми-

неpалов, учёный агроном Эйхвальд соберёт коллекцию растений. Необходимо добавить, что на организацию музея не затрачено ни копейки.

Пользуясь случаем, обращаюсь ко всем читателям «П. Пр.» за содействием организации Краевого музея: нужны образцы местной одежды, обуви, украшений, рукоделия, промысловой снасти, посуды, остатки старой культуры, предметов древнего культа, коллекции растений, минералов, птиц, животных и проч.; очень желательно фотографии сейдов и лабиринтов и вообще всё, что так или иначе может давать представления о жизни края. Что не подойдёт, будет возвращено.

Но желательно, чтобы помощь эта носила серьёзный, а не юмористический характер.

Член комиссии по организации Краевого музея В. Алымов.[6]

[6] Алымов В.К. «Полярная правда», № 57, 9 августа 1924 г., «По поводу находки каменных орудий и организации Краевого музея», с. 4.

ВЫМИРАЮТ ЛИ ЛОПАРИ?

В № 11 «Вестника Мурмана» была помещена статья А.А. Ходосова, сравнительными статистическими данными рисующая картину вымирания русских лопарей. По поводу этой статьи в «В.М.» была помещена ещё одна статья о вымирании лопарей, где с вымиранием лопарей автор считается как с совершающимся печальным фактом.

Нам хочется сказать несколько слов по поводу вновь поднятого вопроса, имеющего решающее значение для обитания холодных тундр Лапландии.

Вопрос о вымирании лопарей возникал несколько раз, и не только у нас, а у финнов, шведов, норвежцев. Возраст этот вопрос имеет лет восемьдесят. После различных обследований и изучений всё-таки большинство изучавших авторов пришли к выходу, что лопари в общем не уменьшаются, а увеличиваются в числе. Так, на основании анализа статистических данных полагают, что за прошлое столетие лопари увеличились численно почти втрое с 9.000 до 25.000 (Э. Реклю и др.).

Но, может быть, то, что наблюдалось в Швеции и Норвегии, не имело места в России, и русские лопари, действительно, вымирали. Ведь цифры, приведённые А. Ходосовым, как будто ярко говорят об уменьшении числа лопарей во всех сравниваемых погостах. О тяжёлой обстановке жизни лопаря и о большой детской смертности говорил в своё время (1910–1911 гг.) также хорошо знавший русскую Лапландию б. чиновник по крестьянским делам на Кольском полуострове А.А. Мухин. Кто бывал в лопских погостах, тот видел, в какой антигигиенической обстановке живут и растут лопарские дети. Жизнь лопаря – тоже тяжёлая жизнь, она совсем не похожа на счастливое растительное житьё номада или полуоседлого южных стран.

Но несмотря на это, мы всё-таки имеем основание не соглашаться с мнением о вымирании русских лопарей. Мы будем пользоваться отчасти теми же источниками, какими пользовался А. Ходосов, а именно: данными ревизии 1858 г. и обследованием Мурм. Губ. стат. Бюро 1923 г.; отчасти данными других годов.

Сравнения данных 1858 года только по тем погостам, какие были обследованы в 1923 году, не могут быть достаточными для того или

иного вывода о вымирании лопарей. В 1858 году все восточные лопари Кольского полуострова принадлежали к 11 погостам, а в 1920 году они расселились уже по 16 населённым пунктам, не считая 3-х селений по 1 двору; на западе в 1858 году они числились только по Нотозерскому и Сонгельскому погостам и Печенгскому обществу, в 1920 году крупных погостов было 4, не считая Печенгской волости и мелких поселений. С 1858 года лопари перекочёвывали внутри тундры, образуя новые погосты и стоянки. Вследствие этого уменьшились старые селения. Так, с 1858 года до 1923 года возникли в восточной части погосты: Белогубский, Половина, Ягельный Бор, Чирнозеро, поселения: Кица-река, Тюва-Губа. Погост Куроптевский возник также в этот период или входил в соседнее общество. На западе также возникли пункты, население в которые пришло из старых погостов, часть же лопарей поселилась одиночными дворами вблизи моря.

Подробно сопоставляя данные разных переписей, мы получим несколько иные выводы. Из цифр, взятых в пределах одной и той же территории, мы видим, что за 65 лет убыло только на востоке 9,6%; зато на западе – 75%. Абсолютное увеличение для всей Лапландии – 7,7%. Но на самом деле увеличение будет больше, т.к. в 1920 году часть лопарей была отвлечена от тундры гражданской войной, и данные переписи 1920 года недостаточно полны.

В самом худшем случае приходится говорить о стационарном состоянии числа восточных лопарей. Но не надо забывать внутренних переселений. Переселения же в западную часть, несомненно, были.

На основании вышеприведённого мы считаем, что о вымирании лопарей говорить преждевременно. Лопари ведут тяжёлую трудовую жизнь, ведут жестокую борьбу за существование в тундре, живут в антигигиенических условиях (зимой), детская смертность у них относительно велика. Но, всё-таки, несмотря на это, лопари не уменьшаются в числе. Вот некоторые сведения о количествах лопарей (без Печенгской волости): 1858 г. – 1736 (по 10 ревиз.). 1895 г. – 1750 (по Энгельгардту 1940 вместе с Печенгской волостью). 1920–1923 г. – 1869 (перепись 1920 г. исправл. данными ст. бюро).

В настоящее время общее число лопарей несколько уменьшилось вследствие отхода лопарей Сонгельского погоста в Финляндию и, вероятно, колеблется от 1600 до 1700.

Может подняться ещё один вопрос – вопрос физического вырождения лопарей. Каждый внимательно отнёсшийся к приведённым выше цифрам, вероятно, заметил, что на востоке Лапландии всюду мужчин больше, чем женщин. В 1858 году мужчины составляли 52,3% всего населения на востоке, а к 1923 году 51,8%. Интересно то, что уже среди детей до 7-летнего возраста мальчики составляют большинство. Так, в 1922 году в 6 чисто лопарских погостах с населением 471 челов. из 89 детей до 7 лет мальчиков было 48, т.е. 54%. Уравниваются количества только в возрасте свыше 50 лет.

Напрашивается вывод: племя физически вырождается. Но мы воздерживаемся от такого вывода, так как в западной части женщин больше, чем мужчин.

Отрицая вымирание русских лопарей относительно всего племени, тем не менее мы выставляем положение, что русские лопари – племя, обречённое на постепенное исчезновение, и темп этого исчезновения с настоящих лет (1917–1923) должен идти быстрее, чем когда бы то ни было.

Мы говорим об ассимиляции. Экономическое положение лопаря ныне таково, что жить только дарами тундры он более не может. Оленеводство лопарское пало; семужьи тони раздробились на мелочь, частью отошли к колонистам; в тундре завёлся более сильный конкурент – ижемец. У обнищавших лопарей появилась тяга к оседлой жизни. Становясь оседлым, он быстро теряет свои племенные особенности, уподобляется окружающей людской среде, перестаёт быть лопарём. Таким образом, начинает исчезать племя, постепенно сливаясь с той или иной социальной группой, из объекта этнографии превращаясь в объект социологии, но нельзя смотреть на начинающийся процесс бесстрастно и безучастно. Нужны большие и экстренные меры для облегчения тяжёлого экономического положения лопаря. *В. Алымов.*[7]

[7] Алымов В.К. «Вестник Карело-Мурманского края», № 1, 15 июля 1924 г., «Вымирают ли лопари?», с. 20–22.

ПЕРВЫЕ МУРМАНСКИЕ ЮБИЛЕИ

В 1925 году город Мурманск и Мурман вообще могут праздновать первые свои местные юбилеи. Не обычные годовщины, а именно юбилеи.

I) 21-го февраля исполняется 5 лет с момента освобождения Мурмана от интервенции.

II) 1-го мая можно будет отпраздновать десятилетие с момента возникновения Мурманска. Невозможно восстановить точную дату начала постройки первых бараков для рабочих – нового посёлка, вскоре превратившегося в город. Но по памяти восстановляю, что это событие произошло незадолго до прибытия первой партии рабочих на постройку, а партия эта прибыла (из Пензенской губ. через Норвегию) 6-го мая нового стиля 1915 года. Таким образом, дата основания Мурманска, естественно, приурочивается к 1-му мая 1915 года.

III) 19-го февраля 1915 года начались первые работы, относящиеся к постройке Мурманской ж.д. в пределах нынешней Мурманской губ. В этот день начались изыскания, за которыми непосредственно следовала постройка.

К случаю, не лишним будет привести две-три иллюстрации по поводу этих юбилеев.

В апреле 1915 года на том месте, где теперь Мурманск, поселились первые 2 человека – рабочие. В 1920 году, по переписи, было уже 2487 человек, в 1923 году – 5113, а к концу 1924 года – уже 6282 человека.

В феврале 1915 года был забит первый изыскательный колышек на линии будущей железной дороги, а в 1924 году грузооборот дороги на том участке, где был забит этот колышек, достиг 12000000 пудов. *В. Алымов*.[8]

[8] Алымов В.К. «Полярная правда», № 1, 1 января 1925 года, «Первые мурманские юбилеи», с. 5.

ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКА (ПО ДАННЫМ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПЕРЕПИСИ)

Административный учёт населения города Мурманска, произведённый 15 декабря 1924 года, даёт весьма интересные данные о грамотности населения этого города.

Прежде чем приводить цифры, скажем, что при учёте принималась во внимание только грамотность или неграмотность, но совершенно не входило в задачи учёта определять степень грамотности учитываемого. Грамотным являлся и окончивший высшую школу, и только что научившийся излагать свои мысли на бумаге.

Всё население города Мурманска на 15 декабря 1924 года исчислялось в 6282 человека, из них мужчин было 3697 и женщин 2585. Населения от 8 лет и старше было 5270 человек – мужчин 3202 и женщин 2068. Из них грамотных было 4356 человек – мужчин 2865 и женщин 1491. 1) Процент грамотности среди мужчин значительно выше, чем у женщин: у мужчин 89,5 процента общего числа населения своего пола в возрасте от 8 лет, у женщин – только 72,3 процента. Для обоего пола вместе процент грамотных составляет 82,7 проц. 2) Среди детей школьного возраста (8–15 лет) имеется около 15 проц. неграмотных. 3) Самой грамотной группой у того и у другого пола является возрастная группа от 16 до 20 лет. 92,6 проц. мужчин этой группы является грамотными, у женщин же процент этот несколько ниже – 87,6. Для обоего пола процент грамотности в этой группе достигает 90,6.

В рабочем возрасте (от 16 до 50 лет) грамотных мужчин 89,8 проц., грамотных женщин – 72,9. Для обоего пола в этом возрасте грамотные составляют 83,3 проц.

4) У мужчин процент грамотных отличается наибольшей устойчивостью, чем у женщин, и с повышением возраста не падает так быстро, как у женщин. Так, например, разница в проценте грамотных в школьном возрасте составляет лишь 4,2; в возрасте 16–20 лет – уже 5 проц., в возрасте 21–30 лет – 16,3 проц., в возрасте 31–40 л. – 19 проц., а в 41–50-летнем возрасте достигает почти 41

процента; для группы же старше 50 лет разница в грамотности составляет почти 50 процентов (у мужчин – 80,9, у женщин – 32,1).

По отношению к общему числу жителей всех возрастов процент грамотных составляет 69,3 проц. для обоих полов. Мужчин грамотных – 77,4 проц., женщин – 57,8 проц.

Откладывая выводы в дальнейшие комментарии до наиболее полной разработки данных административного учёта и подчёркивая сравнительно высокую грамотность мужчин, всё же на этот раз считаем нужным сказать, что работы для ликвидации безграмотности ещё достаточно: в возрасте от 16 до 40 лет неграмотных насчитывается 629 человек: 245 мужчин и 374 женщины.

В новом, молодом городе, находящемся в стадии непрерывного и быстрого развития, нужно население, обладающее большей, чем в других городах, культурностью и инициативой, и, следовательно, неграмотных не должно быть. *В. Алымов.*[9]

[9] Алымов В.К. «Полярная правда», № 6, 15 января 1925 г., «Грамотность населения Мурманска (по данным административной переписи)», с. 3.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ МУРМАНСКОЙ ГУБЕРНИИ К V СЪЕЗДУ СОВЕТОВ (1925 Г.) (СПРАВКИ И КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ)

«Неисчерпаемые богатства Мурмана»…

Кто не слышал этой фразы? И многие ли вдумывались в смысл её? В чём состоят «богатства» Мурмана и как велики они? И может ли вообще идти речь о каких-либо богатствах?...

Нужна книга – большая книга – о Мурмане, о его «богатствах», о быте его обитателей. Но эта книга может быть только результатом больших исследовательских работ. В кратком газетном очерке можно дать только сжатый материал для суждений и дискуссий.

Постараемся дать этот материал, до возможных пределов уплотнив его и, конечно, позволив себе снабдить его краткими комментариями.

1. Рыбные промысла. В народном хозяйстве Мурмана существует три отрасли рыбного промысла, определяющиеся, главным образом, видами промышляемой рыбы: это – тресковый, семужий и промысел, производимый на внутренних водоёмах губернии (сиги, кумжа, хариус, голец, щука и др.).

Тресковый промысел. Главный промысел – тресковый (трески и пикши), основной промысел не только жителей Мурманского побережья, но и искони приходящих на Мурман поморов южного берега Белого моря. По способу постановки производства лова его можно разделить на два вида: траловый и ярусно-удебный. Первый – механизированный, и для существования требует наличия крупной государственно-капиталистической или кооперативной организации; второй – ручной, кустарный, могущий осуществляться не только при помощи очень малых хозяйственных ячеек (артели в 3–4 человека), но и одиночками. Ярусно-удебный лов – лов местный, производимый вблизи Мурманских берегов; по способу лова местный тресковый промысел разделяется на собственно-ярусный лов, обязательно требующий наличия наживки (песчанки, мойвы, селёдочки, червя), и на лов «на поддев», производимый без наживки, на голый крючок. Первый преобладает

на Восточном Мурмане, второй существует на Западном Мурмане параллельно с ярусным. Траловый лов – это лов по всему Баренцеву морю, могущий производиться за сотни вёрст от своей базы. Ярусный лов – лов исконный, освещённый столетиями; траловый лов – новый, недавно вторгшийся в мирную, хотя и опасную, жизнь ловца-промышленника, это новый быт, клином врезающийся в вековой уклад мурманских промыслов.

Тресковый промысел на Мурмане за последние 35 довоенных лет давал в среднем 481.000 пудов солёной рыбы в год. Годами наибольшей добычи были: 1882 г. – 991.000 пудов, 1883 г. – 989.000 пудов; годами наименьшей добычи были: 1903 г. – 246.000 п., 1904 г., – 196.000 п., 1914 г. – 220.000 пудов. Это добыча ручного лова. Первые промысловые опыты с траловым ловом начались после русско-японской войны. Но это были только опыты.

В 1913 году траловый лов дал только 32.150 пудов рыбы, а в 1914-м ещё меньше – 21.479.

Мурманский ярусно-поддевный лов – это хиреющий старик.

Средняя годовая добыча для пятилетия 1909–1913 годов была 440.000 пудов. В пятилетие же 1920–1924 года она, несмотря на высокую цифру улова 1924 года, составляла приблизительно 285.000 п.

В 1920–1922 годах Главрыба имела монопольное право на скупку рыбы; по её скупке можно судить об уловах этих лет: они составляли около 40 проц. довоенной добычи. Только 1924 год дал результаты, близкие к довоенным средним (600.000 п. сырца).

В то время, когда траловый лов начинает процветать, – ярусный падает. Посуда и снасть износились, организации снабжения наживкой нет, промысловые станы изветшали, соль дорога, кредит ничтожен.

Война, революция и все связанные с ними события если и не произвели переворота в рыбном промысле на Мурмане, то во всяком случае подготовили почву для этого переворота. Внутри промысла началось расслоение: траловый быстро начал расти, ярусный же – с трудом отстаивать своё существование. Траловый лов на Мурмане – дитя революции. Стоит только взглянуть на цифры – это станет очевидным: 1913 г. траловый лов дал 32.150 пуд.

солён. рыбы; 1914 – 21.479; 1919 – 55.000; 1920 – 60.459; 1921 – 126.916; 1922 – 222.497; 1923 – 283.564; 1924 – 429.000 (данные Севгосрыбтреста).

Тяжёлое состояние хозяйства промышленника в настоящее время является символическим. Оно символизирует собою эпоху отмирания старых способов производства в местном тресковом промысле. Настало время коренного пересмотра всех основ этого промысла. Речь должна идти уже не о возрождении промысла, ибо возрождение есть восстановление того, что было, а о перерождении его. Новые елы и новые снасти (древнего образца), конечно, нужны, но они могут помочь только года на три – на пять, да и то частично, да и то не всей совокупности промышленников, но ни каким образом не разрешат вопроса о развитии местного трескового промысла, как основы жизни берегового колониста. На еле, хотя бы и на новой, далеко не выедешь. Промысел 1923 года был плох только потому, что в течение 5 недель в самом разгаре промысла был шторм, а на утлых елах нельзя было отъехать далеко от берега.

Нужны новые суда – с механическими двигателями, большей грузоподъёмности с большей отстойчивостью; нужно применение новых способов лова.

Но это одиночкам или современным небольшим артелям «пайщиков» не под силу. Нужно участие больших объединений. В основе организации местного трескового промысла вместо существующего, так сказать, семейного начала артели из 3–4 человек должно быть положено начало коллективистическое. Только крупные трудовые объединения местных рыбаков, применяющие более совершенные способы лова, смогут не только спасти местный рыбный промысел от упадка, но и развить его до поставленных природою пределов. Только при крупном объединении рыбаков возможны применение более усовершенствованных способов обработки продукта, наибольшего использования его, организация более выгодного сбыта.

Развитие местного трескового промысла может идти только по пути применения более совершенных методов лова и при необходимом условии возможно крупного объединения ловцов на основе производства.

О промыслах семужьем и озёрно-рыбном – в следующий раз.
В. Алымов.

От редакции: *Т.т. хозяйственников и экономистов Мурмана просим высказаться по затронутым экономическим вопросам.*[10]

[10] Алымов В.К. «Полярная правда», № 13, 3 февраля 1925 г., «Об экономическом состоянии Мурманской губернии к V Съезду Советов (1925 г.). (Справки и краткие комментарии)», с. 2.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ МУРМАНСКОЙ ГУБЕРНИИ К V СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

От редакции. *Редакция, давая место экономическому обозрению Мурмана, просит хозяйственников откликнуться и дать свои выводы на основе имеющихся материалов. Статья т. Яйцова о «хозяйственных перспективах» пойдёт в следующем номере, вследствие запоздалости.*

2. Семужий промысел.

Семужий промысел в общем бюджете сельского населения Мурманской губернии занимает второе место, в бюджете же населения Терского берега – первое. Он производится во всех волостях, кроме Ловозерской.

До войны Кольский полуостров давал около половины всей добычи сёмги в тогдашней Архангельской губернии (в 1912 г. – 40 проц., в 1914 – 50 проц.). Добыча сёмги на Кольском полуострове часто превышала 20.000 пудов в год на сумму свыше 150.000 рублей золотом (в 1914 году было добыто 22.350 пудов на сумму 155.392 рубля). Наибольшая добыча сёмги была на Терском берегу (в 1914 году – 80 проц. всего улова). По качеству сёмга Кольского полуострова считалась и считается ниже двинской и онежской и расценивается значительно ниже этих сортов, в особенности – двинской. Средняя цена её в 1914 году была 7 рублей. Это низкая цена. Обыкновенно за последние довоенные годы она расценивались так: 1 сорт (от 10 ф. и выше) достигал 16–20 р., 2-й сорт (ниже 10 ф.) – 8–14 рублей. При тех уловах, какие бывали на Терском берегу, население там выручало от сёмги 100–120 тысяч рублей в сезон; если принять затраты на производство в 30 проц., то чистый заработок населения Терского берега на сёмге был 70–75 тысяч рублей в сезон.

В послевоенное время семужий промысел на Терском берегу пришёл в упадок. Количественно он, в среднем, не понизился, но сильно понизилась реальная цена рыбы, и вследствие этого всё, так сказать, производство (посуда, снасть, прочий инвентарь) пришло в катастрофическое состояние.

Уловы 1920–1922 годов были высокими уловами, но именно на эти годы падает наибольшее обеднение сёмгопромышленников. В эти годы на Терском берегу (Архангельская область) рыба безраздельно господствовала в области скупки сёмги. Деньги тогда были не в ходу, и за всё расплачивались товарами. Обменною единицей был 1 пуд ржаной муки. В муке исчислялись все доходы и расходы. Даже первый волостной бюджет в 1924 году одной из волостей был составлен в мучных единицах. Счёт на муку вёлся вплоть до появления на берегу твёрдой валюты.

Для того чтобы показать, как обесценилась сёмга за эти годы, приведём данные, вычисленные в мучных единицах.

За один пуд сёмги 2-го сорта (5–9 ф. в рыбе) в Кузомени можно было купить муки: в 1910–1913 гг. – 8 пудов; в 1921 году – 1 п. 20 ф.; в 1922 году – 2 п. 20. Другими словами, в мучных единицах в 1921 году сёмга обесценилась в 5,3 раза сравнительно с довоенной ценой, в 1922 году – в 3,2 раза. Если же брать другие эквиваленты, то обесценение было ещё большее. Снасти же, прядена, верёвок, конопли, смолы, мануфактуры совсем нельзя было достать.

В 1923 году, когда появилась конкуренция, и в особенности в 1924 году, стоимость сёмги значительно повысилась, но далеко ещё не достигла довоенного уровня. Так, в 1923 году за один пуд сёмги 2-го сорта можно было купить в среднем уже 3 п. 13 ф. рж. муки, а в 1924 году – 4 пуда 25 ф. Как видим, в мучных единицах стоимость сёмги в 1924 году составляла 58 проц. довоенной цены. Но если принять во внимание и другие эквиваленты (соль, ситец, прядено, смольные верёвки), то средняя цена сёмги в 1924 году была ниже. Для сёмги 1-го сорта мы определяем её в 44 проц. довоенной цены.

Из предыдущего видно, что и реальный заработок населения от лова сёмги понизился более чем вдвое против довоенного.

Кроме Терского берега, семужий лов давал значительный заработок и жителям Кольско-Лопарской волости (в старых её границах). Так, река Тулома давала свыше 2.000 пудов сёмги. Но тут промыслу повредило другое обстоятельство: в 1923 году заключена конвенция с Финляндией, по которой запрещается лов сёмги на Туломе после 1-го сентября (т.е. в то время, когда идёт наиболее

крупная сёмга), чтобы обеспечить рыбе доступ в верховье реки Туломского бассейна, находящееся в Финляндии.

Общую добычу сёмги по всей Мурманской губернии за последние годы можно определить в 17–18 тысяч пудов в год. В 1924 году улов был ниже среднего и по приблизительным подсчётам достигает 15.500–16.000 пудов.

Средний годовой улов сёмги по волостям можно определить: для Умбской волости – 2.500 пуд.; Кузоменской – 4.500; Тетринской – 2.500; Понойской – 3.000; Териберской – 800; Кольско-Лопарской – 2.000; Александровской – 1.500; Новозерской – 400, всего – 17.200 пудов.

Лов производится свыше чем на 520 тонях. По мощности улова они распределяются так: около половины имеют улов до 10 пудов; 160 тоней дают от 11 до 20 пудов; 65 тоней – от 21 до 30 пудов; 65 – от 31 до 50 п., 20 тоней – от 51 до 100; 10 – от 100 и до 300 пудов и одна тоня – 800–1.000 пудов. *В. Алымов*.[11]

[11] Алымов В.К. «Полярная правда», № 14, 5 февраля 1925 г., «Об экономическом состоянии Мурманской губернии к V Съезду Советов», с. 2.

К ПОЗНАНИЮ НАСЕЛЕНИЯ ГОР. МУРМАНСКА

Да не смущает пусть читателя «философичность» заглавия настоящей статьи. В этом названии есть смысл. Мурманск – город новый, своеобразный, единственный; город с быстрым ростом населения и быстрой текучестью его; город без городской физиономии и в то же время без малейших признаков сельской местности. Возникший в военное время, он до сих пор представляет из себя лагерь. Слово «дом» не существует в обиходной речи мурманца, а есть слово «барак», указывающее на лагерный характер города. И по общему характеру своему Мурманск – это аванпост, аванпост СССР и его культуры на Крайнем Севере.

В высшей степени интересно узнать «лик» самого мурманца, узнать кто же населяет этот особый город.

В настоящее время закончена разработка материала административного учёта населения города Мурманска, произведённого 13–15 декабря 1924 года. Так как результаты его могут иметь общий интерес, приведём здесь полученные данные, снабдив, где нужно, комментариями.

I. Половой и возрастной состав населения.

15 декабря 1924 года в Мурманске жило всего 6.282 человека. Из них мужского пола – 3.697 человек и женского – 2.585.

Мужчин, как видно, на 1112 человек больше женщин. В процентном отношении мужчины составляют 58 и 85 сотых процента всего населения, а женщины – 41 и 15 сотых процента; другими словами, мужчин почти в полтора раза больше, чем женщин.

Такое соотношение указывает именно на лагерный характер города: представители физически более сильного пола пришли на заработки в далёкий и суровый край одни, без семей, попытать счастья или произвести «разведки» относительно возможности устроиться оседло. Подтверждение этого мы увидим, когда будем рассматривать семейное положение жителей Мурманска.

Наиболее многочисленной группой является группа в возрасте от 21 до 30 лет: среди мужчин она составляет 35 и 3 десятых процента общего числа, а среди женщин – 36 и 3 десятых. Мужчины в этом возрасте составляют пятую часть всего населения Мурманска, а женщины – почти седьмую. На 100 мужчин приходится около 58 человек в возрасте от 21 до 40 лет, т.е. в наиболее крепком рабочем возрасте. Из 100 женщин на этот возраст приходится 49 человек. Мужчины рабочего возраста (от 16 до 50 лет) составляют 76,4 процента, т.е. свыше трёх четвертей мужского населения. Женщин в этом возрасте – 64,8 процента, или около двух третей всех женщин.

Детей дошкольного возраста среди мужской части населения насчитывается 13 и 4 десятых процента, а среди женского – 20 процентов, или одна пятая всего числа женщин.

Детей школьного возраста среди мужчин 7 процентов, а среди женщин – 10,2 процента.

Приведённые цифры указывают на подавляющее преобладание молодого рабочего возраста над всеми другими: на 100 жителей почти 36 человек (35,8) приходится в возрасте от 21 до 30 лет.

Мурманск – город молодой, и население его тоже молодое. Средний возраст для мужчины мурманца составит 26 лет, а для женщины – 22 года и 9 месяцев. Средний же возраст мурманца вообще определяется немногим более 24 с половиной лет. Возраст молодой, рабочий, неутомлённый, только что начавший познавать жизнь, чуждый сомнений и в некоторых отношениях ещё не окрепший. Вот возраст среднего мурманца.

В дальнейшем мы приведём данные о социальном и племенном составе населения, его семейном положении и продолжительности «жития» в Мурманске. Эти данные, помимо своего непосредственного интереса, помогут попытке выяснить «лик» современного мурманца. *В. Алымов.*[12]

[12] Алымов В.К. «Полярная правда», № 15, 7 февраля 1925 г., «К познанию населения гор. Мурманска», с. 2.

ЧЕМ ЖИВЁТ СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МУРМАНСКОЙ ГУБЕРНИИ? (О ДОХОДАХ И ЗАРАБОТОК ЕГО)

Есть традиционное представление о занятиях «сельских» жителей Мурманской губернии: они либо оленеводы, либо рыбаки, либо то и другое вместе; все прочие занятия являются подсобными к этим двум основным. Но если мы присмотримся внимательнее к хозяйству этих жителей, то мы увидим, что в настоящее время такое представление уже не совсем верно, увидим, что у жителей сельских мест губернии появились новые источники существования, и один из них скоро будет уже оспаривать первенство у рыбных промыслов. Это так называемое сельское хозяйство: молочное хозяйство, овцеводство, птицеводство и огородничество. В особенности большое значение имеет молочное хозяйство: в общем бюджете всего сельского населения доход от него составляет около трети всех доходов и по значению непосредственно следует за рыбными промыслами.

Но то обстоятельство, что доход от рыбных промыслов на три четверти поступает деньгами, а доход от сельского хозяйства почти целиком – натурой, способствовало тому, что этот важный источник дохода (молочное хозяйство) до сих пор получил ненадлежащую оценку у обследователей народного хозяйства губернии.

На основании официальных цифр и непосредственных опросов вот в каких размерах мы определяем общий доход от сельского хозяйства жителей Мурм. губ. (кроме города Мурманска).

Если на 1.420 дойных коров, находящихся в сельских местностях, принять в расчёт только 1.300, и средний годовой удой по всей губернии принять в 65 вёдер (в Коле, по Туломе, Рыбачьему полуострову удой значительно выше – 80–120 вёдер; на Терском берегу 40–90 вёдер, в Ловозере – 40–50) и из них исключить 5 вёдер на отпаивание телят, то получим по губернии 80.000 вёдер молока в год. Считая в среднем по 4 рубля/ведро, получим общий доход от молочного хозяйства равным 320.000 рублей (на продажу молока идёт мало, только около Мурманска и ж.д. – тысяч на 10 рублей в год).

Кроме этого, в сельском хозяйстве губернии есть ещё и другие источники дохода: овцеводство, куроводство, козы, свиньи, огороды.

В волостях около 3.900 овец: здешние овцы дают 5–6 фунтов шерсти в год, мы примем в расчёт 4 фунта; ценность необработанной шерсти – около 1 рубля фунта. Таким образом, овцеводство даст дохода 15.000 руб. в год. Куры – если из общего числа 1.125 шт. несущихся имеется только 800 и каждая даёт только 50 шт. яиц в год, то и эта отрасль даст 10.000 р. дохода. Дальше, огородничество – свиньи, козы, несмотря на ничтожные размеры, дают тысяч 25.

Всего, таким образом, получается от сельского хозяйства около (вернее – не менее) 370.000 рублей дохода. Конечно, весь этот доход, за ничтожным исключением, как уже мы сказали, поступает натурой для непосредственного потребления хозяев и, следовательно, при определении покупательной способности населения почти никакого значения не имеет.

Рыбные промыслы у местного населения дают около половины общего дохода, скотоводство и сельское хозяйство дают и сколько более одной трети, продукты оленеводства – около десятой части и всё остальное – столько же, сколько и оленеводство. Кроме этого, отсюда же видно, что в общем сельское хозяйство – наполовину натуральное.

Покупательная способность местного сельского населения определяется денежной частью его дохода, т.е., по нашим расчётам, несколько более полумиллиона рублей. Если же сюда прибавить 180.000 руб., которые оставляют в губернии поморы, то общая покупательная способность сельского населения (включая и пришлых поморов) определяется в 700.000 рублей в год.

Таковы доходы сельского населения.

Из приведённого видно, что в традиционное представление о видах занятий сельского населения Мурманской губернии должны быть внесены значительные поправки и на новые явления в экономической жизни жителей сельских местностей губернии должно быть обращено более пристальное внимание. *В. Алымов*.[13]

[13] Алымов В.К. «Полярная правда», № 31, 10 марта 1925 г., «Чем живёт сельское население Мурманской губернии? (О доходах и заработках его)», с. 2.

ПИШУТ О МУРМАНЕ

«Советская Аляска»…, Клондайк»… «Неисчислимые богатства»… «Грузчики зарабатывают большие деньги»… – пестрят столичные газеты и журналы такими рекламами-анонсами о Мурмане. Читающие верят, в особенности те, кому в материальном отношении плохо живется; рождаются у них надежды, возникают мечты о переселении в сказочно богатую страну. И они тоже начинают писать – пишут в Губисполком, пишут тем работникам, имена которых упоминаются в описаниях «Полярного Эльдорадо». И пишут они все об одном: «Дайте работы!» Стиль и требования, конечно, бывают разные. Одни просто говорят: «Не имеем работы, дайте какую-нибудь работу»; другие с подходящем: «Желая принести пользу далёкому Северному краю и имея большой стаж в нижеуказанной квалификации, предлагаем использовать нас…» и пр. Пишут и одиночки, и большие группы. Пишут из внутренней России, с Поволжья, с Сев. Кавказа, из Белоруссии… В одних писаниях сквозит трагедия безработицы, в других – наивность обывателя, в третьих – нахальство стяжателя. Есть, например, такие, которые в своих «предложениях» ставят десятки вопросов об условиях жизни на Мурмане и просят на всё это ответа.

А на самом Мурмане пишут о Мурмане другое. Безработных в Мурманске на 1 апреля было свыше 1.100 человек, т.е. 23 проц. населения рабочего возраста. Жить негде, помещения плохи – ветер дует сквозь стены… Среди советских служащих есть категории, зарабатывающие по 21 рублю в месяц. Предметы первой необходимости дороги… Население Терского берега только-только вышло из периода голодовок. Ловецкие хозяйства требуют для своего восстановления большой материальной помощи; оленеводческие хозяйства – защиты от волков, ветеринарной помощи, применения лучших способов постановки оленеводства… Лесные богатства не эксплуатируются; железная дорога и порт нуждаются в большом количестве грузов (от этого, главным образом, зависит дальнейшее экономическое развитие края)… Задолженность сельского населения кооперативам, около трёхсот тысяч рублей (это для двух тысяч хозяйств!)… Нужны средства, разные льготы, дотации, субвенции, кредиты…

Так пишут о Мурмане сами мурманцы, т.е. те люди, которые лучше других знают Мурман. Но, к сожалению, всё это пишется в деловых бумагах: докладных записках, ходатайствах, проектах, а не в газетах и журналах. Если бы пишущие в столичных газетах и журналах писали не джек-лондонские рассказы о Мурмане, а обо всём том, о чём пишут сами мурманцы, то, несомненно, результат писаний о Мурмане был бы иной, чем в настоящее время. *В. Алымов*.[14]

[14] Алымов В.К. «Полярная правда», № 45, 14 апреля 1925 г., «Пишут о Мурмане», с. 2.

В РЫБАЦКОЙ ДЕРЕВНЕ. МУРМАНСКИЕ САМОЕДЫ

Самоедов в Мурманской губернии к 1925 году насчитывалось немногим более 100 человек (106). Почти все самоеды живут в Ловозерской волости, т.е. в центре Восточной Русской Лапландии. По семейному списку Ловозерской волости в начале 1924 года самоедов было 100 чел.: 50 мужчин, 50 женщин, но в течение года одна семья – Алексея Хатанзея (9 чел.) переселилась к Восточной Лице на постоянное жительство.

Ко времени составления списков в Ловозерской волости было 24 отдельных самоедских хозяйства, представлявших 8 фамилий: Хатанзей – 10 хозяйств (9 семей и 1 одиночка), 44 человека, Маягины – 4 хоз., 14 чел. Выучин – 3 хоз., 17 чел., Явысий – 2 хоз., 8 чел., Ванюта – 2 хоз., 6 чел. Хочейков – 1 хоз., 6 чел., Валеев – 1 хоз., 4 чел., Ноготысев – 1 чел. В Понойской волости живёт 1 семья в 5 человек.

Количество оленей у самоедов исчисляется свыше 1000 голов (у 18 хозяйств 1834 оленя и у 6 хоз. не указано). В среднем на 1 семью, не считая одиночек, приходится по 55 оленей (в целых числах). У одиночки Валеева указано 106 оленей.

Занятие самоедов – оленеводство и кроме этого, пастьба оленей у богатых ижемцев. За пастьбу оленей пастухи получают часть приплода. В довоенное время платили по 40 к. с пасущегося оленя за сезон. За последний год некоторые самоеды отправляются на заработки на Мурманскую железную дорогу и даже в Мурманск – возить дрова.

Ловозерские самоеды живут в следующих отдельных селениях: в Ловозере – 17 хозяйств, в Ивановке – 4 хоз., Воронежском погосте – 2. *В. Алымов.*[15]

[15] Алымов В.К. «Полярная правда», № 76, 2 июля 1925 г., «В рыбацкой деревне. Мурманские самоеды», с. 3.

ОБ АССИМИЛЯЦИИ ЛОПАРЕЙ

В прошлом году на страницах «Вестника Мурмана» был поднят старый вопрос о вымирании лопарей. Нам тогда («Вестн. Кар. Мурм. края» № 1) пришлось сказать, что ни о вымирании, ни о вырождении лопарей говорить не приходится, причину же медленного роста или даже стационарности количества лопарей надо искать в другом явлении, именно – в ассимиляции. Тогда это было высказано нами в виде положения, теперь постараемся это положение иллюстрировать фактами и цифрами, собранными нами в посемейных списках, метрических записях и некоторых других документах.

Наиболее серьёзные и солидные исследователи быта лопарей, как, например, Харузин и Кешлев, были противниками того мнения, по которому лопарей можно считать народом вымирающим; но как они, так и другие указывали на высокую смертность среди лопарских детей и это считали главною причиною медленного возрастания числа лопарей (цитирую мнение по А.С. Розанову; «Лапландия и Лапландцы», 1903 г.). Но выводы эти были основаны на сравнительно незначительном числе случаев (напр., по данным Печенгск. Прих., за 1855–1873 г. родилось 141, умерло детей 65).

Зимой 1925 года нам удалось просмотреть метрические книги б. Ловозерского прихода за 45 лет – с 1875 по 1919 год (в 1919 году в Ловозере ещё велись метрические записи, т.к. Советская власть пришла на Мурман только в 1920 году), из которых мы сделали выписки всех случаев рождений и смерти лопарей. Так как все лопарские фамилии Ловозерской и соседних с нею волостей нам известны, то мы избегли ошибки тех, кто всех жителей Ловозерской волости относил к лопарям (напр., указанный выше А.С. Розанов).

За 45 лет (1875–1919) в Ловозерских тундрах всего родилось 505 лопарских детей, из них мальчиков 266 и девочек 239. Умерло за это время лопарских детей в возрасте до 1 года (включительно) 85 человек – мальчиков 50 и девочек 35. Другими словами, детей в возрасте до 1 года включительно умерло 16,8%. Кроме этих, имеются у нас ещё данные по погостам Мотовскому, Бабенскому и Кильдинскому. В 1924 году, когда по поручению Губисполкома местное Статбюро производило обследование некоторых лопарских погостов, Губпла-

ном в бланк обследования были включены и вопросы, касающиеся смертности среди лопарей с 1900 года. Сделанные нами выборки дали по этим погостам на 119 случаев рождений 22 случая смерти детей до 1 года включительно, т.е. 18,5%.

Сравнивая эти проценты смертности грудных лопарских детей с процентами детской смертности Ленинграда, приходим к выводу, что смертность лопарских детей, вопреки установившемуся мнению, нельзя признать высокой. Так, в Ленинграде за пятилетие 1909–1913 годов смертность грудных детей (до 1 года) составляло в среднем 24,2% родившихся, в 1914–1915 гг. составляло 24,8%, а в 1916 году – даже 27%. («Кратк. Ст. Спр.» 1922 г. и др. матер. по стат. Ленингр., 1921 г.).

Хотя разница абсолютных количеств, от которых берутся сравниваемые проценты смертности, значительно смягчает резкость контраста, но всё-таки приведённые цифры указывают на то, что не детская смертность является главной причиной слабого роста числа лопарей. Причину этого надо искать в другом, а именно в ассимиляции.

Просматривая семейные списки русского населения Терского берега, знающий родовые лопарские фамилии невольно останавливает внимание на обилии этих лопарских фамилий среди русского населения. Так, самая многочисленная лопарская фамилия Восточной Лапландии – Матрехиных – имеет в селе Поное около 40 представителей среди русского населения; другая многочисленная фамилия, но уже Западной Лапландии – Мошниковых – имеет до 90 представителей среди русского населения в Варзуге и по несколько в Умбе и Поное. Лапарская фамилия Харлиных в тундре имеет менее 20 членов, тогда как в селе Поное – около 40, числящихся русскими. Кроме этих, в Поное среди русских есть представители лопарских фамилий Куроптевых, Даниловых, Друженковых. В городе Коле среди русского населения есть также представители старой лопарской фамилии Сверловых. Все эти Мошниковы, Хорлины, Матрехины, Сверловы давно считают себя русскими; многие из них забыли, что предки их были лопарями, и даже отказываются от родства с лопарями. Но названные фамилии – старые лопарские фамилии (сомнение может быть только относительно некоторых Мошниковых). Кроме этих родовых лопарских фамилий, среди русского населения как на

Мурманском, так и на Терском берегу встречаются фамилии Лопских и Лопинцевых (в одном Тетрине Лопских около 30 человек), также указывающие на лопское происхождение их носителей. Лопинцевы в 60-х и 70-х годах прошлого столетия представляли собой население лопарского Бабенгского погоста.

Всё это ясно указывает на происшедшую ассимиляцию значительного числа лопарей. Это только «по мужской линии», то есть когда лопарь мужчина, переходя к оседлой жизни, роднясь с русскими и сам становясь таковым, сохранял своему потомству фамилию, указывающую на его лопское происхождение. Совершенно не поддаётся учёту обрусение лопарей «по женской линии», т.е. когда женщины выходили замуж за русских; но оно было, вероятно, не менее значительно, так как лопки – хорошие хозяйки и привычны без мужа вести хозяйство, что для рыбака или зверобоя, надолго отправляющегося на промысел, очень ценно. Кроме русских, лопари смешивались и с финнами – это на западе, но не в такой значительной мере, как на востоке с русскими. Некоторые примеры и сейчас имеем: так, в дер. Ионе две лопки замужем за финнами, их дети считаются финнами. В Туломском бассейне замужем за финнами и карелами, дети финны и карелы.

Из приведённых примеров ясно видна главная причина слабого роста числа лопарей: она не в вымирании, ни в вырождении, а в ассимиляции, в утрате своих племенных качеств. Утрата же племенных качеств лопарями происходит, главным образом, благодаря переходу к оседлой жизни. Становясь оседлым, лопарь растворяется в окружающей человеческой среде, превращается, как мы уже ранее говорили, из объекта этнографии в объект социологии.

Смешение с другими народностями, через переход к оседлой жизни и есть главная причина слабого «размножения» лопарей. Это же будет и главной причиной их дальнейшего уменьшения в числе, а может быть и полного исчезновения с лица земли как отдельной народности. *В. Алымов.*[16]

[16] Алымов В.К. «Вестник Карело-Мурманского края», № 17–18, 1925, «Об ассимиляции лопарей», с. 7–10.

ЛОПАРИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Лопарей в настоящее время относят к народностям финской семьи. Главным поводом к определению для лопарей такого места среди народов мира является их язык, принадлежащий к семье финских языков. Мне кажется, что в настоящее время, когда лопари и в антропологическом, и в культурно-историческом отношении изучены мало, преждевременно было бы делать категорическое заключение о принадлежности их к той или иной семье народов.

Пробудившийся ныне интерес к этому племени, о чём можно судить по предполагаемым антрополого-этнографическим лапландским экспедициям Государственного географического общества и норвежских этнологов, а также по работам местных организаций, направленным к изучению хозяйственного быта лопарей, несомненно, будет иметь результатом сбор обширного материала, способствующего окончательному разрешению вопроса «о происхождении лопарей».

В этом докладе я хочу коснуться только вопросов о численности лопарей, об их расселении, о рождаемости и смертности и отчасти об их хозяйственном быте, попутно позволив себе сделать несколько экскурсов в давние времена.

В настоящее время общая численность лопарей во всём мире определяется приблизительно в 30.000 человек, из них на СССР приходится приблизительно 1.700 чел., на Финляндию – несколько более 2.000 чел. (в 1900 г. было 1.469 чел., от России в 1920 г. отошло свыше 300 чел., естеств. прирост с 1900 г. по аналогии с кольскими лопарями, 0,7%, или приблизительно 250 чел.), на Швецию – 6.500 (в 1900 г. было 5.589 чел.) и на Норвегию – около 20.000 человек.

Все лопари СССР живут в пределах Мурманской губ., и лишь одна семья (сына Изосима Куимова) живёт в пределах АКССР около Кандалакши.

Расселение лопарей по Кольскому полуострову представляется в следующем виде. На крайнем западе места их обитаний непо-

средственно граничат с государственной Русско-Финляндской границей, на востоке – летом они доходят до горла Белого моря (с. Поной), постоянным пунктом обитания лопарей на востоке является погост Сосновский, он же является и крайним восточным пунктом обитания лопарей вообще. Он же, находящийся под самым полярным кругом, является и самым южным пунктом расселения лопарей Кольского полуострова. Крайним северным и одновременно северо-западным пунктом обитания их в Мурманской губ. является маленький населённый пункт Кутовая, находящийся на перешейке между Средним полуостровом и материком, в «куту» Мотовского залива: здесь доживают дни свои последние два старика из семьи Андреевых. На севере, по Мотовскому заливу, кроме лопарей Мотовского погоста, вообще живёт около 50 лопарей, в большей части уже утративших свои племенные черты и сильно уподобившихся финнам суоми. На юго-западе расселение лопарей доходит до финской деревни Иона (1–2 семьи) и селения Зашеек (на юге оз. Имандра, 1 семья).

По отдельным волостям численно они распределяются так: Кольско-Лопарская волость – 727 чел., Ловозерская – 509, Понойская – 275, Новозерская – 73 (без фильманов), Александровская – 41, Териберская – 18.

Всего, без фильманов (как выходцев из Финмаркена, так и стародавних жителей Мурманского берега), по всей Мурманской губ. их насчитывается 1.643, а с фильманами – 50–60 более.

Лопари составляют около 12% негородского населения губернии. Все лопари Кольского полуострова (без фильманов) составляют около 360 семей и принадлежат к 59 фамилиям. Я сознательно говорю: к фамилиям, а не к родам. Родовой быт у лопарей в настоящее время придётся изучать скорей по данным языка да по остаткам некоторых древних обычаев, чем по современному состоянию их внутренних бытовых взаимоотношений. Современные фамилии лопарей следующие: Агиевы (Адиевы), Антоновы, Андреевы, Архиповы, Бархатовы, Гавриловы, Галкины, Герасимовы, Глухих, Голые (Голых), Горбунцовы, Даниловы, Дорофеевы, Дмитриевы, Дружинковы, Ермолины, Захаровы, Карповы, Кириловы, Киприяновы, Кобелевы, Койвины, Коньковы, Козьмины, Куимовы, Куроптевы, Лазаревы, Логиновы, Лукины, Матрехины, Мелентьевы,

Мошниковы, Никитины, Назаровы, Осиповы, Павловы, Пелькины, Пьяные (Пьяных), Паршуковы, Селивановы, Сверловы, Семейкины, Семёновы, Собакины, Сорвановы, Стокановы, Сергины, Таруновы, Телышевы, Титовы, Фефиловы, Харлины, Чапуровы, Чёрные (Черных), Шаршины, Юлины, Юрьевы, Юшковы, Яковлевы.

Несмотря на условия оленеводческого хозяйства, требующего частых передвижений с оленями на больших пространствах, лопари всё же имеют постоянные селения с постоянными жилищами, куда они съезжаются зимой, обычно ко времени появления солнца, для устройства разных хозяйственных и домашних дел, и где пробывают обычно до начала весны – момента, предшествующего отёлу важенок. Некоторые из этих постоянных селений – погостов – уже в течение нескольких столетий носят свои названия: так, погосты Нотозерский, Иокостровский, Бабинский, Семиостровский, Иокангский были известны ещё в XVI веке.

В настоящее время по отдельным погостам лопари распределяются в следующих количествах (считая с запада на Восток). В Мотовском погосте и других селениях Новозерской волости – 113 чел. В селениях Нотозерского сельсовета и по реке Туломе – 338 чел. В Бабинском сельсовете – 82 чел. В Иокостровском сельсовете – 56 чел. В Пулозерском сельсовете (б. Масельгский погост) – 90 чел. В Кильдинском сельсовете (погост и колония в Шонгуе) – 134 чел. В Ловозерском погосте – 205 чел. В Воронежском – 105 чел. В Семиостровском – 139 чел. В Каменском – 48 чел. В Иокангском – 160 чел. В Лумбовском – 70 чел. В Сосновском – 42 чел. В разных мелких пунктах – 126 чел.

Отдельных населённых пунктов, по которым разбросано лопарское население, насчитывается не менее 50. Многие из этих пунктов состоят из 1–2 хозяйств.

Лопарская народность, как часть её, входящая в состав населения СССР, так и часть, живущая за пределами его, занимает Крайний Север Европы от слияния Атлантического океана с Северным до горла Белого моря. Но было время, когда эта народность обитала на пространстве много большем. Всем интересующимся прошлым этой народности известно, что некоторые из мест лопарского обитания доходили до широты южной части Ладожского озера.

Всё же мы приведём некоторые исторические данные, свидетельствующие о более южном обитании лопарей.

В «Переписной окладной книге Вотской пятины» 1500 года имеются такие указания на несомненное некогда пребывание лопарей в современной Ленинградской губ. – город Орешек (нынешний Шлиссельбург) имел две «стороны» – Карельскую и Лопскую. На Лопской стороне имелось 82 двора. Лопской стороной, по всем признакам, вытекающим из подробного рассмотрения перечня географических названий, упоминаемых в Переписной книге, называлась сторона города, тяготеющая к левому берегу истока Невы и к южному берегу Ладожского озера.

В 1500–1501 гг., к которым относятся данные Переписной книги, лопарей в Орешке, конечно, не было, как не было их и в ближайших «лопарских погостах»: Егорьевском-Лопском тогдашнего Ореховского уезда и в погосте Лопце тогдашнего Ладожского уезда. Но само существование в 1500 г. этих погостов и Лопской стороны в городе Орешке точно указывает места древнего обитания лопарей на берегу Ладожского озера. Лопской стороной Ладожского озера, как можно заключить из анализа Переписной книги, в конце XV века назывался весь берег южного залива Ладожского озера с устьями и нижними течениями рек: Назии, Шельдихи, Лавуя (Лавы), Костки, Сосары, Вальи и др. Вероятно, поэтому и часть города Орешка, находящаяся в направлении «Лопской стороны» Ладожского озера, также называлась Лопской стороной.

Город Орешек основан новгородцами в 1323 году. Эта дата, в связи с существованием в городе Орешке Лопской стороны, даёт возможность сделать заключение, что в XIV веке на южном берегу Ладожского озера, несколько южней 60 параллели, обитали лопари – возможно, последние остатки их в этих местах.

К XIV веку относится и упоминание об обитании лопарей на берегах Онежского озера (жизнеописание монаха Лазаря Муромского). В XV веке упоминаются лопари, живущие в бассейнах рек, впадающих в Белое море: Нюхчи, Сумы, Выга и др. и по берегам озёр тех же бассейнов: Воережно, Пулозера, Корос-озера, Чесозера, Вожмозера, Кук-озера, Моткозера, Коткозера и др. Если мы будем присматриваться к географическим названиям рек и озёр,

т.е. наиболее древним и наиболее живучим географическим названиям вообще, то и в других местах, восточнее названных мест, можем найти названия, свойственные лопской географической номенклатуре.

О лопарях Кольского полуострова самым древним свидетельством является «рапорт» норвежского морехода и морского зверопромышленника Оттара, относящийся к концу IX века, написанный по предложению короля англосаксов Альфреда для его перевода средневековой истории Европы Павла Орозиуса. Оттар рассказывает о том, как он и его люди плыли из Тромсе в Биармию; через несколько дней плавания на восток они повернули к югу и по прошествии нескольких дней, всё время имея берег на правом борту, вошли в устье большой реки, отделявшей страну биармийцев от страны «терфиннов». «Терфинны» или «трефинны» – лесные финны – название лопарей. Это название давно известно скандинавам, но в нашем обиходе оно отразилось лишь в древнем названии Тре или Терь, от которого доныне уцелело название «Терский берег». Судя по точному указанию Оттара, что берег у него всё время был на правом борту, можно безошибочно заключить, что Оттар вошёл в горло Белого моря, обогнул весь Терский берег и зашёл в устье реки Варзуги, доселе считающейся границей Терского берега.

Оттар отмечает, что «терские финны» (назовём их так) жили в лесах, занимались звероловством и птицеловством, не имели на берегах постоянных жилищ и приходили к морю лишь для обмена продуктов охоты на иные, неимеющиеся у них предметы хозяйственной необходимости. Биармийцы же, по Оттару, жили оседло, имели постоянные и крупные поселения. Биармийцы и «терские финны», свидетельствует Оттар, говорили на одном языке. У скандинавского писателя, приводящего в своём сочинении «рапорт» Оттара, указывается, что во времена Оттара, т.е. в самом конце IX века, вблизи владений последнего в лесах жили «финны». Под финнами, конечно, нужно понимать лопарей.

Академик А.А. Шахматов, знаменитый языковед, перечисляя племена, окружавшие русских славян во времена доисторические, говорит, что с севера с русскими славянами граничили лопари.

Мнение учёного Лерберга, высказанное более 100 лет назад, о том, что упоминаемый в Начальной летописи народ «Сумь» есть южная ветвь лопарей, я считаю заслуживающим большего внимания, чем ему до сих пор уделялось.

Из приведённых исторических справок видно, какое огромное пространство занимали некогда лопари. Из них же видно также, что в одно и то же время площадь расселения лопарей простиралась от южной части Ладожского озера до самого Северного океана. Это последнее обстоятельство заставляет внести некоторые поправки к существующему мнению о том, что лопари постепенно были «загнаны» на Крайний Север более сильными племенами. Действительно, значительная часть из обитавших на юге, в борьбе за существование терпя поражения, должна была удаляться всё дальше и дальше к северу. В особенности это касалось занимавшихся оленеводством (или охотой на диких оленей). Истощение оленьих пастбищ заставляло их направляться далее к северу, в места, богатые ягелем. Но многие, возможно, целые роды, оседали на местах, промышляли рядом с другими племенами. О таком соседстве мы можем судить по существованию у истоков Невы, рядом, Карельской и Лопской «сторон». Эти оседающие группы обтекались кругом потоками других народностей, образуя островки лопарского племени. Эти островки постепенно мельчали, а после и совершенно поглощались другими племенами. Таким образом, исчезновение лопарского племени на юге могло иметь две причины: отход к северу вслед за оленем и смешение с другими племенами.

Для примера приведу один исторический случай: по писцовой книге Алая Михалкова 1608–1611 годов самым южным лопским погостом значится погост Пяозерский при озере Пяозере. Это единственный погост, где в те времена ещё жили в России некрещёные лопари. В 1785 г. по подворной переписи Кольской округи он уже значится русским погостом. Лопари растворились в карельской и русской народностях.

Существует мнение, что лопари вымирают и вырождаются. Тот, кто внимательно присматривается к быту лопарей и подвергает критическому анализу данные, относящиеся к вопросу о рожда-

емости и смертности их, не может быть сторонником мнения о вымирании лопарей.

Приведём несколько сравнений численности лопарей. Не вдаваясь в глубокую старину, будем оперировать теми цифрами, которые, по объективной оценке, наиболее близки к истинным и однородны по источнику происхождения их.

У нас имеются данные о числе лопарей по 4 ревизии 1782 г. по 10 ревизии 1858 года, данные переписи 1897 г. о говорящих на лопарском языке, неполные данные переписи 1920 года и данные семейных списков 1924 года, корректированные в некоторых случаях данными производившейся летом 1926 г. так наз. полярной переписи. На днях мы получим точные данные Всесоюзной переписи. Данных 1897 г. и 1920 г., как неоднородных с другими, мы не приведём. Границы территории возьмём современные (1920 г.). Жителей селений, отошедших к Финляндии, принимать в расчёт не будем. В 1782 г. всего было 1.132 чел. В 1858 г. до тифозной эпидемии – 1.605 чел. В 1858 г. после тифозной эпидемии – 1.494 чел. В 1926 г. состоит 1.708 чел. С 1782 г. увеличилось на 51%, а с 1858 г. – на 14%.

Приведённые цифры, как видно, не говорят о вымирании. Наоборот, они указывают на жизнеспособность лопарского племени. Убыль населения в 1858 году объясняется эпидемией тифа (по-видимому, брюшного), разразившейся на Кольском полуострове (после переписи); тогда умерло около 120 лопарей. Были также эпидемии в 1872 году, в 1918 году; погибло несколько лопарей во время последней войны (один Кильдинский погост потерял 10 мужчин), отмечена также гибель и во время рыбного промысла. Все эти причины, неблагоприятно влияющие на рост численности лопарей – причины внешние, не лежащие внутри самого племени и вполне устранимые при рациональной организации охраны здоровья лопарей.

Углубляясь в рассмотрение вопроса о жизнеспособности лопарей, приведём более подробные данные, относящиеся к рождаемости, смертности и долговечности их. Нами разработан большой материал в виде метрических записей. Материал этот охватывает 135 лет. Количества, на основании которых сделаны приводимые

ниже выводы, можно отнести к таким, которые для вывода средних величин являются вполне достаточными. Приводимые показатели рождаемости выведены на основании 1.608 случаев, т.е. числа, почти равного числу всего современного лопарского населения; показатели смертности – на основании 1.207 случаев, а средняя продолжительность прожитой жизни – на основании 1.534 случаев (1799–1925 гг.).

Средняя годовая рождаемость у Терской Лопи (т.е. у жителей погостов Иокангского, Каменского, бывш. Тулванского, бывш. Пурнач, с. Поноя) и у лопарей погоста Семиостровского, составлявших в 1799–1862 гг. (к которым относятся данные) один приход, выражается за весь период в 26,5 чел. На 1.000 живущих.

Средняя годовая смертность за тот же период у лопарей того же района выражается в 19,5 ч. на 1.000 живущих.

Средний годовой естественный прирост, следовательно, будет равен 7 на 1.000.

Это для всего 64-летнего периода. Для отдельных мелких периодов будут несколько иные цифры, но одного порядка: невысокая рождаемость сопутствуется сравнительно невысокой смертностью, давая и невысокий естественный прирост. Показатель рождаемости за весь период колеблется в пределах от 13,6 до 37,7 (как сказано, при среднем 26,5), показатель смертности от 7,1 до 37,9 (на последнюю цифру повлияла высокая смертность 1858 г.). Отрицательный прирост был лишь в 3 пятилетиях: в 1801–1805 гг. убыло 4 на 1.000, в 1811–1815 гг. убыло 3,7 на 1.000, в 1856–1860 гг. убыло 13,6 на 1.000.

В остальные 10 пятилетних периодов прирост был положительный от 6,4 до 29,3 на 1.000. 1812 год дал отрицательный прирост для всей России; всеобщее бедствие, война отразились и на лопарях, этом малом члене единого большого организма: в этот год и у них смертность была выше рождаемости.

Если взять иные группировки и выделить период более благоприятный – от конца войны России с Наполеоном до начала тифозной эпидемии в Лапландии (1815–1857 г.), то для этих 45 лет получим следующие показатели: средняя годовая рождаемость – 28,1 на 1.000, средняя годовая смертность – 16,7 естественный прирост – 11,4.

Для сравнения приведём данные, относящиеся ко всей Архангельской губ., для близких к приведённым периодов. 1813–1815 гг. дали общую убыль населения 6,35%. Период 1815–1835 гг. дал ежегодный прирост 9,2 на 1.000; период 1836–1857 гг. дал 8,1 на 1.000, а по Кольскому уезду (для всего населения) – 5,3 на 1.000.

Из приведённых сравнений видно, что лопари вовсе не дали худшей картины, чем вся Архангельская губ. или хотя бы Кольский уезд, часть населения которого они тогда составляли.

Теперь посмотрим, каковы рождаемость и смертность у лопарей б. Ловозерского прихода (погосты Ловозерский, Воронежский, Семиостровский, Ляозерский) за период более близкий к нашему времени (1875–1919). Средняя годовая рождаемость для всего периода здесь равна 27,0 на 1.000; средняя смертность – 21,0; прирост – 6 человек на 1.000 в год. По периодам в других группировках получим следующие цифры: 1875–1900 гг. рождаемость – 24,7 смертность – 21,4; 1901–1915 гг. рождаемость – 32,5, смертность – 20,6.

В разных районах Лапландии и в разные периоды, как видим, показатели естественного движения лопарского населения являются показателями одного и того же порядка.

Приведённые цифры не только говорят против вымирания лопарской народности, но и указывают место, какое занимают лопари среди других народностей в отношении рождаемости и смертности.

Интересно сравнить показатель естественного прироста лопарей с таковым же малых народностей Сибири. С. Патканов в своей работе, посвящённой вопросу вымирания малых сибирских народностей, приводит следующие сделанные им на основании статистических данных выводы. Средний годовой прирост остяков Тобольского, Берёзовского и Сургутского округов за 57 лет (1845–1897) выражался лишь в 2 ½ человека на 1000. В Берёзовском округе население медленно вымирало. Остяки Нарымского края вымирали. Кочевые и бродячие вогулы нежизнеспособны. Средний годовой прирост самоедов Туруханского края был равен 3 на 1.000, а Берёзовские и Енисейские давали убыль. Карагасы ежегодно убывали. Енисейцы уменьшались в числе. Жизнеспособные якуты, буряты и тунгусы имели прирост от 2 до 3 на 1.000.

У лопарей, как мы выше показали, естественный прирост выражается в 6–7 человек на 1.000.

Некоторые исследователи, например, Харузин, указывают на высокую детскую смертность у лопарей. Да, она высока. По разработанным мною материалам на 1.207 случаев смерти вообще, относящихся к 1799–1862 и 1872–1919 гг., на долю возрастной группы от 0 до 10 лет приходится 492, или 40,8%. Высока она, если рассматривать вне сравнений, но если сравнить со смертностью в этом возрасте у населения РСФСР вообще, то увидим, что она мало отличается и если отличается, то скорей в сторону, благоприятную для лопарей: так, в период 1867–1890 гг. в России переживали 9-летний возраст мальчики 502,8 из 1.000, девочки – 535,6 из 1.000; по данным для 1896–1897 годов в европейской России доживали до 10-летнего возраста мальчики 521,3 из 1000, девочки 557,0 из 1.000. У лопарей, родившихся в Терской Лопи в 1799–1851 гг. и в Ловозерской в 1875–1910 гг., переживаемость 9-летнего возраста выражается в 618,6 из 1.000 обоего пола.

Показатель детской смертности, т.е. отношение числа умерших в возрасте до 1 года к числу родившихся также не будет выше общероссийского: для периода 1799–1862 гг. у лопарей выражается в 16,06%, для периода 1875–1919 гг. – 17,03%, для двух периодов вместе в 16,4%. Для России вообще в период 1867–1911 гг. по пятилетиям она колебалась от 24,4% (1907–1911) до 27,5% (1892–1896 гг.).

И в случае в детской смертностью существующее до сих пор мнение верно лишь относительно.

В заключение рассуждений о рождаемости и смертности лопарей хочется мне сказать несколько слов и о продолжительности прожитой жизни умерших и среднем возрасте живых. Средний возраст умерших лопарей, исчисленный мною на основании 1.534 случаев (период 1799–1925 гг.), определяется в 30,1 года. Средний возраст живших в 1897 году лопарей на основании данных переписи 1897 года исчисляется мной в 27,4 года. Для сравнения скажу, что средний возраст русских жителей Кольского полуострова, на основании той же переписи, определяется в 26,2 года.

Все эти сравнения приводятся мной исключительно для выяснения тёмного вопроса о том, вымирают лопари или нет, жиз-

неспособны они или нет. Но вовсе не для того, чтобы показать, что «всё обстоит благополучно». Нет, благополучного тут мало: детская смертность (до 10 лет), беря её безотносительно или в сравнении с западными государствами, очень высока; в борьбе с болезнями лопарь до сих пор бессилен, не обеспечен средствами борьбы. Положение лопаря мне известно, поэтому я почти не говорю о его болезнях, его культурной и экономической отсталости, так как полагаю, что об этом ещё придётся поговорить при практической деятельности.

Значительное влияние на рост численности лопарей оказывает явление, которому до сих пор придавали меньшее значение, чем оно на самом деле имеет – это ассимиляция. Буду краток. Укажу только, «куда деваются лопари». Почти всё русское население с. Поной – бывшие лопари. Обрусение понойских лопарей началось ещё с XVIII века, и особенно сильно оно было в 1840–1870 годы. На Терском и Мурманском берегах среди русского населения имеется значительное число потомков лопарей. Я приведу те русские фамилии постоянных жителей Кольского полуострова, которые, по-моему (для большинства имею доказательства), являются потомками лопарей. Это: Матрехины, Харлины, Горбунцовы, Даниловы, Дружинковы, Совкины, Долгие (Долгих) – в селе Поное; Лопинцевы, Лопиновы, Лопские, Лопичевы, Сверловы, Куимовы, Колданцевы, Куроптевы, раскиданные по Мурманскому и Терскому берегам. Некоторые, как большинство Лопинцевых, не помнят своего лопского происхождения – это доказывает, что обрусение их произошло несколько поколений назад. Мной перечислены не все фамилии. Обрусение обычно происходило таким путём: лопарь поселялся оседло среди русских, через некоторое время роднился с ними; уже второе поколение часто теряло многие особенности своего племени, а дальнейшие и забывали о своём лопском происхождении, окончательно уподобившись окружающей этнической среде.

На западе нашей губернии происходит процесс «финнизации» лопарей: там они, селясь оседло среди финнов суоми, смешиваются с ними, быстро уподобляясь им во всём. Так, например, фамилии Биргет и Уксхуд из лопарей превратились в финнов.

Таким образом, сравнительно низкая рождаемость и спутник её – малый естественный прирост, смешение с более сильными в экономическом отношении народностями и слабая обеспеченность средствами в борьбе за охранение своего здоровья сильно влияют на рост численности лопарей, племени жизнеспособного и невымирающего.

В заключение скажу несколько слов о хозяйстве лопарей. Харузин, бывший в Лапландии в 1887 г. и написавший известную книгу «Русские Лопари», разделял лопарей по занятиям на три группы: лопарей-охотников, лопарей-оленеводов и лопарей-рыболовов. Он говорил, что лопарей-охотников и лопарей-оленеводов среди русских лопарей крайне мало, а про оленеводство ещё добавлял, что оно – занятие, главным образом, фильманов. Рыболовству он придавал главное значение, так как оно давало деньги, необходимые на уплату податей и покупку необходимых предметов питания и хозяйства. Но для домашнего быта главное значение имело оленеводство.

Так, по словам Харузина, было в его времена, т.е. 40 лет назад.

И в настоящее время лопари занимаются оленеводством, рыболовством и охотой. Кроме этого, есть ещё и иные заработки.

Но, чтобы установить, какое значение как в хозяйственном балансе, так и в хозяйственном быте лопаря имеет та или иная отрасль его хозяйственной деятельности, придётся предварительно территорию лопарей разбить на несколько районов, ибо каждый район в хозяйственном отношении отличается от другого.

Территорию, лежащую на запад от линии Мурманской железной дороги, и населённые пункты, расположенные близ неё, а также территорию, находящуюся западнее Кольского залива, мы назовём Западной Лапландией; территорию, лежащую восточнее линии Мурманской ж.д., кроме погоста Кильдинского, находящегося вблизи Мурманска, назовём Восточной Лапландией. Восточную Лапландию, применительно к существующему административному делению, разделим на Ловозерскую и Понойскую («Терская Лопь» XVIII и в начале XIX века).

На западе, в лопарских сельских обществах Иокостровском и Нотозерском, занятиями лопарей являются рыболовство на вну-

тренних водоёмах (озёрах и реках), оленеводство, охота и, в значительной степени, личные заработки от работ по перевозке грузов и на лесозаготовках. Личные заработки во многих хозяйствах являются главной статьёй их денежного баланса. Рыболовство для большинства лопарских хозяйств имеет потребительское значение: рыба – один из главных (а летом, пожалуй, и самый главный) предметов питания; у хозяйств же, находящихся вблизи линии железной дороги, продукты рыболовства имеют хороший сбыт по сравнительно высокой цене. Оленеводство на западе не имеет такого, сравнительно большого, развития, какое оно имеет на востоке (о чём будет речь впереди). Олень здесь, главным образом, – средство передвижения и рабочая сила. Крупных оленеводов на западе не имеется: едва ли найдётся два хозяйства, имеющие свыше 200 оленей. Большая часть хозяйств имеет по 2–3 десятка оленей, а у значительного числа хозяйств – ещё меньше. До войны же оленеводство и здесь было значительно крупней, чем ныне. Упадок оленеводства заставляет некоторые хозяйства переходить к оседлой жизни. Оседлые лопарские хозяйства мы в настоящее время можем наблюдать только на западе: у лопарей Нотозерского и отчасти Кильдинского погостов: на реке Туломе, у устья реки Лоты, у ст. Шонгуй Мурманской жел. дороги. Охота даёт лопарю Западной Лапландии заработок только в годы, урожайные по пушнине. На личные заработки лопари отходят зимой с оленями – заготовлять дрова, перевозить грузы, работать по заготовке дров по линии Мурманской железной дороги. Железная дорога и город Мурманск в хозяйственной жизни западных лопарей в последний год (1925–1926) играли большую роль. Можно определённо сказать, что лопари Кильдинского погоста без заработков, полученных в городе Мурманске, находились бы в состоянии длительной голодовки. Мурманск в зиму 1926 года (январь-апрель) дал заработок 20 хозяйствам (т.е. почти всем) Кильдинского погоста. На дровозаготовках и перевозках грузов они, по моим подсчётам, сделанным по их показаниям, заработали около 6.000 рублей. Мурманская железная дорога дала возможность заработка лопарям Пулозерского, Иокостровского и Нотозерского сельсоветов (о востоке не говорим). Таким образом, отраслями хозяйственной деятельности

лопарей Западной Лапландии являются оленеводство, озёрное рыболовство (а у Нотозерцев и Кильдинцев – и семужий лов), охота и личные заработки при помощи оленей.

Несмотря на незначительное число оленей у западных лопарей, олень, как видим, всё-таки в общей массе хозяйств играет главную роль: он, во-первых, важен как средство передвижения, отчасти как пища и материал для жилищ, без него не обходится и охота (поездки для расстановки капканов), без него же немыслимы и главные денежные заработки хозяйства.

На востоке у лопарей те же отрасли хозяйства, что и на западе. Но соотношение отдельных отраслей в общей деятельности иное. В погостах Ловозерском, Семиостровском, Каменском оленеводство уже имеет иное значение. Здесь среднее число оленей на одно хозяйство для всего района уже близко к 80–90, конечно, есть и малооленные, но в среднем обеспеченность оленями лопарей Ловозерской волости раза в 2,5–3 больше, чем на западе, в Кольско-Лопарской волости. Озёрное рыболовство и здесь, как и везде, имеет для лопарей большое значение, но денежный заработок от него значительно меньше, чем на западе. Кроме озёрного рыболовства, часть лопарей Семиостровского и Воронежского погостов занимаются семужьим промыслом. Издавна ходят первые к устью рек Варзиной, Дроздовки, Сидорова ручья – у океана, вторые – к падуну на реке Вороньей вблизи русской деревни Голицыно, вёрстах в 15 от устья. В последние годы здесь у них идут постоянные споры из-за семужьих угодий с русскими колонистами. В последний год в лопарском рыбном промысле наблюдается интересное явление: некоторые лопари Воронежского погоста ходили на тресковый промысел в Гаврилово.

Охота у лопарей Восточной Лапландии так же, как и на западе, зависит от случая и удачного года. Последняя зима (1925–1926 г.) была удачна. Некоторые отдельные хозяйства Семиостровского и Каменского погостов имели порядочный заработок от охоты (главным образом, песца). Но далеко не все лопари занимаются охотой. Попутно необходимо сказать, что добывает пушного зверя лопарь, главным образом, капканом, а не ружьём.

Оленеводство, как я уже сказал, здесь развито в более крупных размерах, чем на западе. Этот район – центр оленеводства Кольско-

го полуострова. Но наиболее крупными оленеводами здесь являются не лопари, а зыряне-ижемцы, первые семьи которых пришли в Лапландию в 1887 г., а ныне составляющие национальное большинство Ловозерской волости. Всё же на Ловозерскую волость, вмещающую в себя 30% всего числа лопарей, приходится не менее двух третей всего числа лопарских оленей. Здесь олени дают лопарю больше, чем на западе. Потребление оленьего мяса в пищу здесь выше, чем там; продают мясо и на рынок: так, в зиму 1924–1925 г. было сдано в кооператив около 2000 пудов мяса, в каковом количестве значительная доля составляла продукцию лопарского оленеводства. Шкура оленя здесь идёт в продажу на замшевый завод. Делают на продажу и некоторые поделки из оленьих шкур: сапоги, шапки, туфли, сумочки.

Личные заработки при помощи оленей в Ловозерской волости составляют статью дохода, пожалуй, большую, чем в западных погостах. Но приходится этот заработок, главным образом, на Ловозеро. Оленеводы Ловозера, по моим подсчётам, в зиму 1926 года (февраль-апрель) заработали на дровозаготовках и перевозках грузов около 30.000 руб. Большая часть, конечно, приходится на долю ижемцев. Из общего числа хозяйств, участвовавших в ту зиму на отхожих заработках, не менее 1/3 составляли лопарские хозяйства (всего было около 70, из них лопарских около 25). Личные заработки при помощи оленей с каждым годом играют всё большую роль в хозяйстве Ловозерского лопаря.

Дальше к востоку, в Понойской волости, хозяйство лопарей уже несколько отличается от хозяйства Ловозерских лопарей. Там тоже можно насчитать те же отрасли, но опять-таки с иными коэффициентами, чем в других местах. Лопари Иокангского погоста – и оленеводы, и рыболовы – отчасти занимаются охотой; личные заработки тоже есть, но они случайны и малы. Рыболовство их – это семужий промысел на р. Иоканге и озёрной – по всем озёрам их территории. Участвуют они, хотя и мало, и в тюленьем промысле. Оленей имеют, по предварительным данным переписи, бывшей у них в сентябре 1926 года, по 55 голов в среднем на хозяйство; это почти вдвое больше, чем на западе, но процентов на сорок меньше, чем у лопарей Ловозерской волости. Олень и у них играет глав-

ную роль, но денежные заработки складываются и от сёмги, и от пушнины, и от случайных личных занятий.

Лопари Лумбовского погоста оленями беднее Иокангских. Кроме оленеводства, занимаются семужьим ловом, ходят «на тороса» бить тюленя, ловят для питания озёрную рыбу. Лопари Сосновского погоста живут тем же, чем и Лумбовские, кроме того промышляют пушниной и немножко зарабатывают на перевозках пассажиров, когда представляется случай.

Я не упомянул самых крайних западных лопарей – лопарей Мотовского погоста. Они живут в тундре, вблизи Финляндской границы, недалеко от впадения реки Лебяжьей в реку Зап. Лицу. Зимой занимаются оленеводством. Летом – семужьим промыслом и тресковым (на Титовом острове в Мотовском заливе). Это единственный погост, жители которого регулярно занимаются промыслом трески.

Вот краткое описание занятий современных лопарей. Наступающая Всесоюзная перепись населения в связи со сплошным подворным обследованием оленеводческих хозяйств, которое предпринимает Губстатотдел по постановлению Губисполкома, и данные Полярной переписи, несомненно, дадут богатый и точный материал о современном хозяйстве лопарей. В ожидании этого материала я всюду воздерживался от приведения подробных данных: но те, которые я всё же приводил, очень близки к истинным.

В заключение в виде иллюстрации хозяйственной деятельности тундрового жителя района, близкого к железной дороге, приведу некоторые элементы бюджета тундрового хозяйства вообще, без разделения по национальности. Бюджетные описания были произведены мной от имени Мурманского Губстатотдела и недавно разработаны Губстатотделом. Средние выведены по 5 хозяйствам, в которые вошли 2 лопарских хозяйства, 2 зырянских и одно самоедское. Относятся они к 1925–1926 годам. Вот цифры:

1. Среднее число душ в хозяйстве – 6, среднее число едоков в переводе на взрослых мужчин – 3,6; среднее число работников в переводе на взрослых мужчин – 2,9, среднее число оленей на хозяйство – 92.

2. Капиталы в среднем на 1 хозяйство, в рублях. В начале года, все капиталы – 3.176,2 – 100%, в том числе олени – 2.044,2, 60,3%.

В конце года, все капиталы – 3.434,9, 100%, в том числе олени – 2.196,4, 63,9%.

3. Доходы хозяйства в рублях в год. Условно чистый доход. От оленеводства – 290,50, 26,4%; от скотоводства и кормодобывания – 20,40, 1,9%; от полеводства – 7,60, 0,7%; от леса (дрова для себя, ягоды) – 101,80, 9,3%; от рыболовства – 101,40, 9,2%; от охоты – 12,00, 1,1%; от кустарных промыслов – 6,00, 0,6%. Весь условно чистый доход от своего хозяйства – 539 р. 60 к., 49,2%. Прочие доходы. Работы по найму в чужом хозяйстве – 12,00, 1,1%; работы по найму в предприятии – 84,20, 7,7%; лесозаготовки и извоз – 448,60, 40,6%; отдача оленей в наём – 8, 0,7%; прочие поступления – 4,80, 0,4%. Весь условно чистый доход – 1097 р. 20 к., 100%.

Из приведённых цифр видно, какую роль во всех капиталах хозяйства играют олени: стоимость их составляет почти две трети всех капиталов. Приведённые же данные о доходах хозяйства указывают, из чего слагается доход хозяйства или, другими словами, в чём заключается и как распределяется хозяйственная деятельность современного оленевода.

Личные заработки, как видим, дают половину всего дохода, оценённого в рублях. Если заработки, полученные при помощи оленей, присоединить к доходу, получаемому от оленеводства (главным образом, натурой: мясо, шкуры), мы увидим, что при помощи оленя получается две трети всего дохода хозяйства.

Приведённые данные, конечно, не являются средними для всех оленеводческих хозяйств, они только дают представление, как о строении хоз. капитала, так и о характере хозяйственной деятельности оленеводческого населения, тяготеющего к району, близкому к железной дороге и к городу Мурманску.

Позволю себе ещё привести, тоже в виде иллюстрации, бюджет времени лопаря-оленевода Кильдинского погоста, имевшего в начале бюджетного года 84 оленя, а к концу – 104.

Работников в семье было 4,6 в переводе на взрослых мужчин. Годовой запас рабочего времени исчислялся в 14.892 часа. Израсходовано – часов – в процентах ко всему затраченному времени: на оленеводство – 2.624 – 28,7, овец – 361 – 4, озёрное рыболовство (включая и ожидание рыбы у поставленных сетей) – 2.302 – 25,2, своё лесное

хозяйство (дрова, ягоды) – 331 – 3,6, домашнее хозяйство – 2.360 – 25,8, ремонт инвентаря – 64 – 0,7, поездки и собрания – 284 – 3,1, извоз и дровозаготовки (личный заработок) – 814 – 8,9.

Здесь видно, какое количество времени отнимает оленеводство и какое вообще количество времени расходуется в тундровом хозяйстве. Лопарь – как видно из приведённых цифр, далеко не беспечный номад: для того чтобы иметь возможность существовать в тундре не голодая, он должен затрачивать очень много времени. На необходимый дневной отдых от работ и на праздники ему остаётся лишь около 40 процентов всего своего времени.

Повторяю, это только частные иллюстрации тех сторон лопарского хозяйства, которые до сих пор не были освещены.

Заканчивая доклад, я ещё раз хочу сказать, что лопари – народ жизнеспособный, не вымирающий, несмотря не невысокую рождаемость и малый естественный прирост. Медленный прирост его численности до некоторой степени зависит также и от смешения его с окружающими его народностями. Лопарь жизнеспособен и в хозяйственном отношении, что видно из разнообразия его хозяйственной деятельности, и из того обстоятельства, что он быстро приспосабливается к новым видам этой деятельности (дровозаготовки, извоз, переход к оседлости).

Но необходимо также сказать, что лопарь малограмотен: грамотность у лопарей ниже, чем у какой-либо другой народности, обитающей на Кольском полуострове. Он ещё плохо защищён в борьбе за своё здоровье. Нуждается он и в защите своих хозяйственных интересов. И поэтому о нём ещё нужна забота. Необходимость заботы о народностях, подобных лопарям, уже стоит в порядке дня: в Сибири, на Дальнем Востоке и на крайнем северо-востоке европейской России. ВЦИКом уже созданы Комитеты содействия малым народностями Севера. *В. Алымов.*[17]

[17] Мурманское общество краеведения, доклады и сообщения, выпуск I, Мурманск, 1927, «Лопари Кольского полуострова», с. 7–22.

СЕВЕРНЫЕ СИЯНИЯ В МУРМАНСКЕ

В № 1 «Карело-Мурманского края» за 1927 год Б.Г. Островский в статье «Краса +Полярных ночей» познакомил читателей «Карело-Мурманского края», в кратких, но существенных чертах, с современными гипотезами происхождения северных сияний. В настоящей статье я хочу сказать несколько слов только о сияниях, наблюдавшихся в Мурманске в период с 27 августа 1927 г. по 30 марта 1928 года.

Молодое Мурманское о-во краеведения в декабре 1927 г. образовало из своих членов небольшую комиссию для наблюдения сияний и вошло по этому вопросу в контакт с Мурманской метеорологической станцией, ведущей регистрацию их. О-во, как и станция, могло ограничиться лишь регистрацией и описанием сияний.

Первое северное сияние в зимний период 1927–1928 года было 27 августа 1927 года. Всего с 27 августа 1927 г. по 30 марта 1928 г. отмечено 32 ночи с северными сияниями, в которое было 35 отдельных сияний, из них метеорологической станцией отмечено 26 ночей с 28 сияниями.

По отдельным месяцам сияния распределяются так: в августе было 3 сияния (27, 29, 30), в сентябре – 4, в октябре – 7, в ноябре не зарегистрировано, в декабре – 5, в январе – 5, в феврале – 7, в марте – 4.

Большая часть сияний начинается между 8 и 9 часами вечера: из 31 сияния, время начала которых отмечено, 16 приходилось на это время. Самое раннее начало приходится на время между 4 и 6 часами вечера – их было 2 (в декабре), самое позднее – между 11 и 12 ночи (отмечено 4, из них 3 в августе и 1 в марте).

Продолжительность сияний различна: от 5 минут до 5 с половиной часов. Наиболее краткие сияния были в августе и марте, наиболее продолжительные – в октябре, декабре и феврале. Но большая часть сияний всё-таки продолжалась свыше 1 часа: из 31 сияния их было 22. Из этого числа 7, или 23% всех сияний, продолжались свыше 3 часов. Краткие сияния (до 15 минут) составляют четвёртую часть всего числа сияний. Средняя продолжительность сияний была такова: в августе – 65 минут, в октябре – 161 минута, в декабре 152 – минуты, в январе – 58 минут, в феврале – 112 минут, в марте 56 минут.

Чрезвычайно интересно распределение сияний по формам их. В настоящее время существуют некоторые классификации сияний по формам, их различают 8–12 форм. Но необходимо сказать, что редкое сияние имеет одну выдержанную до конца форму; обычно сияние начинается в одном виде, потом переходит в другой, комбинируется с третьим и т.д. Разбираясь в описаниях сияний, бывших в 1927–1928 году, я нашёл мало сияний, сохранивших в продолжении всего времени одну и ту же форму. Большая часть из них или переходили из одного вида в другой, или комбинировались из разных форм. Считаю небезынтересным привести составленную мной табличку сияний, распределённых по формам: 1. Пятна («зайчики», «облака») – число сияний – 2; 2. Отдельные группы лучей («метлы», «снопы») – число сияний – 2; 3. Ленты, полосы, отд. «столбы» – число сияний – 7; 4. Пятна, переходящие в дуги, завесы и др. – число сияний – 5; 5. Дуги (Арка) – число сияний – 10; 6. Дуги, переходящие в завесы – число сияний – 4; 7. Дуги в комбинации с завесами, вихрями, столбами и др. – число сияний – 2; 8. Завесы («драпировки») – число сияний – 2. Всего – 34.

Чаще других встречающимися формами являются дуги и завесы. Дуги как самостоятельная форма или как один из элементов сложной формы сияний отмечены в 18 случаях, причём 3 из них были двойными, завесы встречались 14 раз (один раз – двойная), вихри отмечены 3 раза и короче (по существу, тот же вихрь) 1 раз.

Большая часть сияний локализуется в северной половине неба, но некоторые переходят через зенит в южную – таких отмечено 2. По личным наблюдениям, могу сказать, что высшая точка сияний, имеющих форму дуг, находится как раз на вертикали (меридиане) Полярной звезды. Описания сияний встречаются в литературе не редко. Но необходимо сказать, что из всех описаний явлений природы труднейшим является описание северных сияний, и едва ли когда оно будет лишено субъективности. Поэтому в интересах изучения их в высшей степени важно фотографирование сияний.

В целях ознакомления с картиной северных сияний, наблюдаемых под 69 градусов сев. широты, приведу описание («любительское») одного сияния, сделанное мною в Мурманске при непрерывном наблюдении его. Определение яркости – условное; приводится оно лишь для сравнения интенсивности свечения в разные фазы сияния.

Северное сияние 29 января 1928 г.

Замечено в 6 ч. 20 м. вечера. Арка (дуга).

1. 6 ч. 30 м. Арка, полная, от востока до запада. Высшая точка дуги на вертикали Полярной звезды.

Высота нижнего края около 30 градусов над горизонтом, верхнего – градуса на 2 больше. На востоке, над горой, низкая туча, сияние начинается здесь, ширина арки здесь большая, чем к западу. Яркость 2.

2. 6 ч. 35 м. В центре арка слегка раздвоилась, через 2 минуты (6 ч. 37 м.) соединилась вновь. На западе дуга арки становится волнистой.

Сияние протекает спокойно, поднимаясь выше; к 6 ч. 40 м. угол между горизонтом и нижним краем увеличивается градуса на 3. Яркость слегка увеличивается.

Луна, в первой четверти, находится на юге против сияния. В зените несколько перистых облачков.

3. 6 ч. 45 м. На востоке возникла 2-я параллельная дуга выше первой, наметились отдельные столбы в виде бледных лучей.

На западе, вслед за этим, также возникает 2-я параллельная дуга над 1-й.

На восточном горизонте (с.-в.) тучка.

Угол нижней части сияния около 40 градусов.

Дуги бледнеют.

4. 6 ч. 55 м. На востоке образовывается центр новой фазы сияния: выбрасывается из-за тучки вверх несколько снопов.

Ниже дуги, несколько западней восточного края, образовалось ядро прекрасного зелёного цвета; ядро быстро расширяется к западу и вверх, превращаясь в вихри. Вихри разрастаются. Арка поднимается до 45 градусов.

От верхнего края арки отщепляется лента по направлению с востока к западу, задираясь верхним концом в виде стружки.

Вся восточная часть сияния принимает вид вихрей.

Яркость достигает 3 ½.

На западе яркость также увеличивается. Дуга арки здесь искривляется. Отделяются отдельные бахромчатые лучи. Часть дуги принимает завесообразный вид.

5. 7 ч. На востоке сияние оторвалось от горизонта. Побледнело. Поднялось выше, покрыв 3 нижние звезды Б. Медведицы.

На западе отделился сноп, образовались горизонтальные полосы, светлые пятна; светящиеся облака, как продолжение сияния, протянулись (в зап. части) далеко к югу, до самого Юпитера.

Арка окончательно разрушилась.

6. 7 ч. 5 м. В центре 2–3 полосы, одна над другой. Яркость их 1–1,5.

7. 7 ч. 25 м. На вост. рассеялось, на с.-з. осталось в виде небольшой горизонтальной «льдинки».

В центре – светлая искривлённая полоска, выглядывающая из-за тучки. Яркость 1. Угол над горизонтом 20–25 градусов. В полоске зелёное ядрышко.

8. 7 ч. 35 м. На с.-з. – «льдинка». Яркость 1. Угол 20 градусов. На сев. – тоже, яркость 1 ¼. Остатки сияния продолжают быть деятельными, выбрасывая маленькие снопики лучей.

9. 7 ч. 41 м. На с.-з. «льдинка» неподвижна. В 7 ч. 42 м. она исчезла.

На сев. из-за тучи ещё видна светлая полоска на той же высоте.

Луна в противоположной части неба имеет вокруг себя цветной круг: в центре – жёлтый, слегка зеленоватый, средний – оранжевый, внешний – зелёный.

Диаметр всего цветного круга равен 7 диаметрам луны.

10. 7 ч. 50 м. Цветной круг луны искривился. Зелёного внешнего круга не видно. Через луну проходят облака.

На сев. бледный сноп сияния. Над ним – рассеянные бледные блики. На с.-з. – тоже, но ещё бледнее. Яркость приближается к 0 (нулю).

11. 8 ч. Сияние перестало быть видимым – прекратилось.

12. 10 ч. 15 м. – 10 ч. 25 м. Вновь вспыхнуло на с.-з. На 2–3 минуты яркость достигла 2 ½. Выбросилось несколько отдельных кривых полос в этой части неба.

К 10 ч. 25 м. побледнело. Рассеялось. Прекратилось.

За 6–7 часов до начала первого сияния на небе, в зените были перистые облака. *В. Алымов*.[18]

[18] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 4–5, 1928 г., «Северные сияния в Мурманске», с. 16–17.

ОСЕДЛЫЕ И ПОЛУОСЕДЛЫЕ ХОЗЯЙСТВА МУРМАНСКОГО ОКРУГА

Мурманский округ – единственное место в Ленинградской области, где до сих пор в значительной степени сохранились формы древнего хозяйственного быта. Шестая часть всего числа хозяйств округа принадлежит к хозяйствам, которые ни в коем случае не могут быть отнесены к оседлым. До сих пор эти хозяйства сохраняют в себе многие типичные особенности кочевого быта. Но к кочевым их также нельзя отнести, так как оседлый быт им далеко не чужд. Такие хозяйства удобнее всего определить термином «полуоседлые», т.е. занимающие положение, переходное от кочевого к оседлому.

Эти хозяйства, преимущественно хозяйства лопарей, зимою обитают в постоянных селениях – погостах, живут там в постоянных жилищах – деревянных избах. Весной, перед отёлом важенок, уходят в тундру – на озёра, где ловят рыбу. Летом, «комарное время», передвигаются на новые места, туда, где оленю легче пастись. В конце лета, когда в лесу много травяной и кустарниковой зелени, грибов и ягод, места стоянок меняются, хозяева следуют за оленем, для которого наступила лучшая пора жизни – период, богатый кормами. Осенью идут в новые места. На зиму съезжаются в погосты. Некоторые хозяйства раза 3–4 в год меняют место своего жительства, некоторые же только 2.

Особенности оленеводного хозяйства вызывают у оленевладельцев необходимость несколько раз в году менять места стоянок.

Но не все оленеводы ведут такой образ жизни. Наиболее крупные в округе оленеводы – зыряне «ижемцы» – являются оседлыми. Они имеют большие, крепкие, просторные дома, среди которых есть и двухэтажные. Имеют коров, некоторые даже разводят овощи. На пастьбу оленей у них выезжают часто только одни мужчины, женщины же не ведут домашнее хозяйство. Оленей пасут большей частью в сборных чумах, то есть объединив несколько оленных стад вместе. Такая организация хозяйства – ведение крупного оленеводства при оседлом образе жизни – представляет

чрезвычайный интерес для исследователей хозяйственного быта северных народов.

Из народностей, обитающих на Кольском полуострове, полуоседлый образ жизни ведут лишь лопари, самоеды и зыряне, и то не все: из 503 хозяйств, принадлежащих представителям этих народностей, лишь 180 являются оседлыми. Русские, финны, карелы и норвежцы, обитающие на Кольском полуострове, ведут только оседлый образ жизни.

Коренному различию между оседлыми и полуоседлыми – различию в хозяйственном быте – соответствует и различие в величине семьи, в грамотности, в размере применения наёмного труда, в степени обеспеченности домашним скотом, оленями, разным хозяйственным инвентарём, в составе валового дохода и даже в потреблении тех или иных предметов первой необходимости.

Разделив все хозяйства Кольского полуострова на эти две неравные основные части, мы увидим следующие свойственные им различия.

Средний состав семьи у оседлых – 4,9 человека, у полуоседлых – 4,5 человек.

Грамотных людей на 100 человек населения вообще у оседлых приходится 50, а у полуоседлых – только 9. На 100 женщин вообще у оседлых имеется 40 грамотных, а у полуоседлых только 2. У оседлых 96% хозяйств имеют грамотных членов, у полуоседлых – только 30%.

Своей рабочей силой, т.е. рабочей силой своей семьи, полуоседлые обеспечены меньше, чем оседлые. На 100 хозяйств у оседлых приходится 112 мужчин в возрасте от 18 до 59 лет, а у полуоседлых – только 103. 15% полуоседлых хозяйств совсем не имеют в своей семье взрослых работников мужчин, тогда как у оседлых таких хозяйств 11%. Свыше одного взрослого мужского работника имеют у оседлых 22 с половиной процента, хозяйств, а у полуоседлых – только 15%. Зато к найму рабочей силы полуоседлые прибегают чаще, чем оседлые: из них 11% хозяйств нанимают рабочих, а из оседлых – в полтора раза меньше (7%).

Меньшая обеспеченность собственной рабочей силой и условия оленеводного хозяйства, требующие большей затраты её,

заставляют хозяйства полуоседлых чаще прибегать к найму рабочих-помощников.

В снабжённости рыболовным инвентарём в Мурманском округе, где продукция рыболовства занимает по стоимости первое место в доходе всего сельского населения, разница между оседлыми и полуоседлыми невелика: и у тех, и у других около девяти десятых всего числа хозяйств владеют рыболовной снастью. Но так как объекты промысла в общем у тех, и других не одинаковые – у оседлых на первом месте стоит треска, а у полуоседлых – озёрная рыба, то сама снасть не одинакова и по стоимости, у полуоседлых она дешевле.

Транспортным инвентарём – оленным – полуоседлые, разумеется, снабжены больше, чем оседлые: у первых 86% хозяйств имеют оленьи сани, а у последних – только 62%, количество же этого инвентаря у полуоседлых в среднем вдвое выше.

Точно так же и охотничьим инвентарём у полуоседлых снабжена большая часть хозяйств, нежели у оседлых: у первых – 65%, у вторых – 52%.

В обеспеченности скотом и оленями состоит одно из самых ярких различий между этими двумя типами хозяйств.

Оленей, без которых немыслимо было бы хозяйничанье человека в тундре, у полуоседлых, в среднем, конечно больше, чем у оседлых, даже несмотря на то, что среди оседлых находятся наиболее крупные оленеводы – ижемцы, при исчислении средних дающие повышенные величины. На каждое оседлое хозяйство приходится в среднем 15 оленей, на каждое полуоседлое – 74. Но не все хозяйства полуоседлых имеют оленей. Около двух процентов (1,7%) являются безоленными. У оседлых же безоленных 38%. Необходимо сказать, что вообще в Мурманском округе две трети хозяйств имеют оленей. Почти каждое русское рыбацкое хозяйство стремится иметь оленей – эту единственную для диких мест полуострова живую тяговую силу.

Наличие оленей в хозяйстве, как видно, не является признаком полуоседлости. Но отсутствие молочного скота у полуоседлых есть самое существенное их отличие от оседлых. Молочное скотоводство несовместимо с сезонными передвижениями хозяйства по

тундре. Только в исключительном случае было отмечено, что полуоседлое хозяйство лопаря водило корову вместе с собою по тундре.

Мелкий скот – овцы – есть как у тех, так и у других. У лопарей они водятся издавна.

В хозяйственной деятельности различия между теми и другими ещё больше, чем в хозяйственном обзаведении, хотя отрасли деятельности и у тех, и у других одинаковы. И у тех, и у других в качестве занятий имеются и рыболовство, и морской звериный промысел, и охота, и оленеводство, и отход на работы вне своего хозяйства. Но соотношение этих отраслей, распределение отдельных элементов деятельности – у каждых своё. У оседлых главным источником существования является рыболовство, у полуоседлых продукция рыболовства и оленеводства оценивается почти в одинаковых суммах. Но если принять во внимание, что денежные заработки на лесоразработках и извозе получаются полуоседлыми, главным образом, при помощи оленей, то увидим, что олень, прямо или косвенно, даёт полуоседлому хозяйству наибольшую долю дохода. Для характеристики хозяйственной деятельности того и другого типа хозяйства приведу следующую таблицу: оседлые – рыболовство – 36,9%, сельское хозяйство (коровы, овцы) – 34,8%, денежные заработки: от работ на лесоразработках, извозе – 12,3%, от службы – 6,9%, от кустарных занятий – 0,8%, от батрачества – 0,005%, продукция оленеводства – 4,0%, морской зверь – 2,8%, лесная охота – 1,5%. Полуоседлые – продукция оленеводства – 29,5%, рыболовство – 29,0%, денежные заработки: от работ на лесозаготовках, извозе – 24,3%, от батрачества – 2,2%, от кустарных занятий (изделия из оленьих шкур) – 1,2%, от службы – 0,7%, охота – 7,4%, морской зверь – 3,5%, животноводство (овцы) – 2,2%.

Выше было указано на характер рыболовства у тех и других. Районами рыбной ловли у оседлых является главным образом Северный океан и Белое море, а у полуоседлых – тундровые озёра. Таким образом, из таблички видим, что относительно наибольший заработок оседлые получают от деятельности на море, полуоседлые же – от деятельности в тундре.

Характерной особенностью хозяйственной деятельности оседлых является занятие сельским хозяйством. Состоит оно почти

исключительно в домашнем животноводстве. Молочная продукция составляет крупный процент в валовом доходе этих хозяйств. Не менее 90% этой продукции потребляется самими хозяевами. На продажу идёт её мало. Большее товарное значение имеет продукция других отраслей хозяйства.

Четыре пятых всей продукции рыболовства оседлые отчуждают на рынок, полуоседлые же – только около половины. Необходимо заметить, что большая часть добываемой озёрной рыбы у полуоседлых идёт на личное потребление, на продажу же идёт преимущественно сёмга. Две трети продуктов оленеводства потребляется полуоседлыми также в своём хозяйстве. Продукция пушного промысла и морского зверя и у тех, и у других почти целиком идёт на рынок.

Продолжая сопоставление различий между оседлыми и полуоседлыми хозяйствами Мурманского округа, приведём данные и о потреблении теми и другими некоторых предметов первой необходимости.

Так, ржаной муки в год оседлыми расходуется на душу 13,1 пуда, а полуоседлыми – 10,9 пуда. Пшеничной муки и белого хлеба оседлые съедают 70 фунтов в год, а полуоседлые – 36. Сахару потребляют первые 26 фунтов, вторые – 21 фунт. Керосина расходуют первые 16–17 фунтов в год на душу, вторые – 9. И только чаю полуоседлые пьют больше, чем оседлые.

Из произведённых сопоставлений видны многие черты, отличающие один от другого два основных типа хозяйства внегородского населения Кольского полуострова.

Выше мы рассматривали все хозяйства Кольского полуострова, независимо от их народности. Теперь бросим беглый взгляд на одну из народностей, наиболее сохранившую особенности древнего народного хозяйства – лопарей.

Лопарских хозяйств в настоящее время насчитывается 371. Из них оседлых 75, в числе которых имеется 11 хозяйств фильманов – скандинавских лопарей, подвергшихся сильному влиянию финнов суоми.

Отличительными особенностями оседлых лопарей, кроме того, что они постоянно живут на одном месте, является повышенная,

по сравнению с полуоседлыми, грамотность, меньшая обеспеченность оленями и большая – молочным скотом.

У оседлых лопарей грамотных 23–24% всего числа, а у полуоседлых – 8–9%.

Оленей у оседлых в среднем приходится на хозяйство 21, а у полуоседлых – 71.

Половина оседлых лопарей имеют коров и даже в 3-х хозяйствах имеются лошади.

В остальном у так называемых русских лопарей (не фильманов) различия между оседлыми и полуоседлыми пока не велики.

Переход к оседлости у русских лопарей только начинается, и потому трудно ещё твёрдо установить основные направления их хозяйственной деятельности, тем более, что переход к оседлости часто является результатом обеднения оленями. Фильманы, обитающие по Мотовскому заливу, живут преимущественно от морского рыболовства. Русские оседлые лопари Кольско-Лопарского района кормятся от лесозаготовок, извоза, рыбной ловли и от охоты и от разных случайных заработков.

Кроме описанных выше двух основных типов хозяйств, имеются ещё несколько единиц с признаками настоящих кочевников, не имеющих постоянных жилищ, круглый год живущих в чумах, занимающихся пастьбой преимущественно чужих оленей. Но они не представляют собой типичного для Кольского полуострова явления. *В. Алымов*.[19]

[19] Алымов В.К., «Карело-Мурманский край», № 7, 1928 г., «Оседлые и полуоседлые хозяйства Мурманского округа», с. 29–31.

ЗНАЧЕНИЕ ОЛЕНЯ В ТУНДРОВЫХ ХОЗЯЙСТВАХ МУРМАНСКОГО ОКРУГА

Прежде всего, несколько слов о том, что такое «тундровое хозяйство».

Понятие это в значительной степени условное, как и условно слово «тундра». Почвоведы, ботаники, географы под словом «тундра» имеют уже вполне определённое понятие как о местности, в общем равнинной, в значительной степени заболоченной, скудно поросшей древесной растительностью. На Кольском полуострове тундрой часто называют горы и даже целые горные массивы, так, известны горы: Чуна-тундра, Монче-тундра, Волчья тундра, Лазарева тундра, Карпова тундра и т.п. Вообще же в Лапландии (но не у лопарей) в настоящее время под тундрой стали понимать места, лежащие в глубине полуострова, вдали от морского берега, независимо от рельефа земли. Приблизительно так понималась в Лапландии тундра и в давние времена: в писцовых книгах начала XVII века (Алая Михалкова) в описаниях хозяйств лопарей часто встречаются такие указания: «да на тундре зверь бьют, тем ся и кормят».

Под тундровыми хозяйствами в Мурманском округе мы понимаем такие хозяйства, которые, находясь внутри полуострова, в «тундре», занимаются, в качестве основных занятий оленеводством, охотой и озёрным рыболовством, т.е. занятиями, тесно связанными с тундрой, причём оленеводство является наиболее характерной отраслью хозяйственной деятельности. Конечно, хозяйственная деятельность этих хозяйств может не ограничиваться указанными тремя занятиями, она может быть многообразнее, могут быть занятия в отходе, служба, кустарные промыслы, морское рыболовство и другие, но без оленеводства нормальное тундровое хозяйство немыслимо.

Хозяйств, которые можно отнести к категории «тундровых», в Мурманском округе в настоящее время насчитывается около 500, из них около 360 – лопарские, около 110 – зырянские-ижемские и 30 – самоедские.

Во всех этих хозяйствах главнейшую хозяйственную роль после человека играет олень. Несколько кратких строк в дальнейшем и будет посвящено этой роли оленя.

Известно, как многообразно значение оленя в тундровом хозяйстве: он – и единственная тяговая сила, он – и поставщик одного из главнейших для жителей тундры предметов питания. Это многообразие хозяйственного значения оленя можно свести к двум основным значениям: оленя как тягового животного и оленя как животного продуктивного.

В каждом обладающем оленями хозяйстве олени добросовестно выполняют обе эти роли, причём тяговой силой являются преимущественно рабочие быки (холощёные). Важенки служат главным образом для продолжения оленьего рода; производители (хирвасы) – тоже; молодняк идёт на мясо и шкуры и является в будущем сменой для рабочих быков, важенок и производителей.

Состав оленьего стада Кольского полуострова по полу, возрасту и хозяйственному назначению, по Полярной хозяйственной переписи 1927 г., рисуется в следующем виде: рабочих быков – 22–23%, важенок – 41–42%, производителей – 3,3%, молодняка до 2 лет – 32–33%. Это – для всего округа. В наиболее типичном для оленеводства Ловозерском районе соотношение будет таково: рабочих быков – 21%, важенок – 45%, производителей – 3%, молодняка – 31%. В наименее типичном в отношении оленеводства рыбацком Гаерском районе с русским населением быки составляют уже – 31,6%, важенки – 38%, производители – 4% и молодняк – только 26%.

В Ловозерском районе в среднем на хозяйство приходится 130 оленей, в Терском – 6,6. Из приведённых сопоставлений видно, что в малооленном районе олень имеет значение преимущественно тягового животного.

Преимущественное значение оленя как тяговой силы типично для малооленных хозяйств. В хозяйствах, достаточно обеспеченных оленями, значение оленя как тягового животного уже уступает значению его как животного продуктивного. Следующие цифры, полученные при специальной разработке данных упомянутой нами Приполярной переписи, осветят высказанное сейчас положение.

На 1 оленя в 1926 г. приходилось в среднем дохода: у лопарей: имеющих до 50 оленей – от продукции оленеводства (включая стоимость прироста стада) – 3 р. 51 к., от работы с помощью оленей на лесоразработках и извозе – 5 р. 70 к., от 51 до 100 оленей – 4,56, 2,46; 101–200 – 4,84, 1,81; 201–300 – 4,39, 1,18; свыше 300 – 3,91, 0,20. У зырян-ижемцев: имеющих до 50 оленей – 2,28, 5,20; от 51 до 100 – 4,25, 2,77; 101–200 – 3,45, 1,80; 201–300 – 4,29, 1,07; свыше 300 – 4,15, 1,04.

Из приведённой таблицы видно, что в бедняцкой группе, имеющей до 50 оленей на хозяйство, как у лопарей, так и у зырян-ижемцев, доход, полученный при помощи оленя как тягового животного выше дохода, полученного непосредственно от него в виде шкур и мяса. Зато в высших группах соотношение обратное.

Удельный вес оленеводства в тундровом хозяйстве достаточно высок, в особенности у лопарей. Доход, непосредственно получаемый от оленеводства, т.е. стоимость продукции оленеводства плюс стоимость годового прироста стада, составляет у лопарей 36% всего валового дохода. Если же сюда прибавить заработки, полученные с помощью оленя, т.е. косвенно зависящие от оленоводства, то все эти доходы составят 56% всего валового дохода хозяйства (включая и прирост стада). У зырян-ижемцев эти статьи дохода составляют 37%. Значительное число зырянских хозяйств имеет коров, и наличие у них дохода, отсутствующего у лопарей, несколько изменяет относительное значение дохода, получаемого в связи с оленеводством, в общем валовом доходе зырянского хозяйства. Средний же доход на 1 хозяйство, полученный от оленоводства и эксплуатации оленей как тяговой силы у зырян значительно выше, чем у лопарей: так, у первых в 1926 г. приходилось 780 р. на хозяйство, а у последних – 419 р. Более высокая обеспеченность оленями зырянских хозяйств даёт и больший доход от оленоводства и занятий, связанных с ним (в среднем на 1 зырянское хозяйство приходилось 149 оленей, на 1 хозяйство полуоседлых лопарей – 70).

Интересно проследить значение оленоводства в хозяйстве тундровиков в зависимости от количества оленей в этих хозяйствах. Возьмём сначала лопарей. Хозяйства, имеющие до 50 оленей, большую часть своего валового дохода получают от рыболовства (42%).

На следующем месте идут заработки, полученные с помощью оленей на извозе и лесозаготовках (около 25%). Непосредственно от оленеводства получено лишь около 15% валового дохода. У зырян этой группы на первом месте стоят доходы от заработков на стороне, т.е. не связанные с оленеводством (30%), на втором – от сельского хозяйства (коров), далее – от работ с оленями на лесозаготовках и извозе; продукция же оленоводства составляет всего 11–12% всего дохода.

Группы хозяйств с количеством оленей свыше 50 имеют следующие показатели хозяйственного значения оленя у них: А. Лопарские хозяйства – имеющие от 51 до 100 оленей – продукция оленеводства (включая стоимость прироста стада) – 41,5 – заработки на лесозаготовках и извозе – 22,4 – всего в связи с наличием оленей в хозяйстве – 63,9, от 101–200 – 48,9 – 19,1 – 68; 201–300 – 60,7 – 16,5 – 77,2; свыше 300 – 80 – 4,2 – 84,2. Б. Зырянские хозяйства – имеющие от 51 до 100 оленей – 35,2 – 22,9 – 58,1; 101–200 – 49,9 – 26,2 – 76,1; 201–300 – 59,8 – 14,5 – 74,3; свыше 300 – 73 – 18,3 – 91,3.

Эти цифры показывают отношение дохода, полученного от указанных отраслей, ко всему валовому доходу хозяйства.

Из них мы видим, что чем больше обеспечено хозяйство оленями, тем больший доход оно получает непосредственно от оленеводства как животноводства, и вместе с этим понижается относительное значение заработков, получаемых с оленями вне своего хозяйства. Общий же доход, получаемый хозяйством от оленя как продуктивного и тягового животного, неуклонно повышается, составляя в высшей группе у лопарей свыше 80%, а у зырян свыше 90% всего валового дохода.

Из этих кратких данных ярко вырисовывается исключительное хозяйственное значение оленя для обитателей Лапландских тундр. *В. Алымов.*[20]

[20] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 9, 1928 г., «Значение оленя в тундровых хозяйствах Мурманского округа», с. 14–16.

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОМОРСКИХ РЫБАКОВ. ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователь быта беломорско-мурманского промыслового населения, интересующийся всеми сторонами этого быта, блуждая по местам погребения, не может не обратить внимания на своеобразную форму «крестов», поставленных над могилами отошедших в вечность представителей этого населения. Поморское население – русское, предки его в давние времена поселились на берегах Белого моря, по религии – христиане, значительное число из них были представителями «древлего благочестия», но надмогильные знаки их – это не христианские кресты, это что-то другое, существующее на Севере со времён более далёких, чем времена первоначального появления русских в этих местах. Эти знаки, вероятнее всего, – остатки былой культуры древнего поморского населения.

Внимательно всматриваясь в формы этих знаков, замечаешь, что они являются изображением древних промысловых орудий: гарпунов, «кутил», стрел, дротиков, копий, т.е. тех орудий, которые употреблялись в охотничьем, зверобойном и рыбном промыслах.

Эти надмогильные знаки русского беломорско-мурманского рыбацкого населения, надо полагать, заимствованы им от того древнего населения, которое встретило оно во время прихода своего сюда (к берегам Белого моря).

Знаки эти, водружаемые над могилами, в древности, вероятно, указывали на занятие, которым занимался погребённый при жизни: например, изображение гарпуна говорило, что умерший – морской зверобой или рыбак, наконечник стрелы указывал на занятие охотой. Впоследствии эти знаки превратились в символы, но недалеко уклонились от своего первоначального реального значения. Русское население, пришедшее сюда, бывшее христианским, заимствовав эти надмогильные знаки у древнего местного населения, с течением времени постепенно «христианизировало» их. Христианизация происходила так: в деревянный знак древней формы врезался крест или иконка, иногда же просто привязывалась икон-

ка, как это я видел в Гаврилове на некоторых знаках. Дальнейшая христианизация «языческого» знака шла уже по пути наибольшего употребления его кресту.

Подтверждение тому, что эти знаки являются изображением орудий промысла и что они первоначально указывали на занятие умершего, можно встретить и теперь. Так, например, находясь в Гаврилове, я поинтересовался у одного старого рыбака-помора, почему на одной свежей могиле поставлен простой «кол». Оказывается, что это не простой кол, а «палтух», т.е. жердь, на которой просушиваются яруса (рыболовная снасть) или сушатся сухие тресковые головы. Умершего рыбака на двух палтухах снесли на кладбище, и один из них послужил надмогильным знаком.

Первоначальное промысловое поморское население, вероятно, ставило над могилами промышленников подлинные орудия промысла, а в дальнейшем уже изображения их, или в подлинном виде, или в виде более или менее стилизованном.

Существующие надмогильные знаки поморско-мурманского промыслового населения, таким образом, являются живыми страницами из истории былой культуры. *В. Алымов.*[21]

[21] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 2, 1929, «Надмогильные памятники поморских рыбаков. Из истории северо-поморской культуры», с. 21–22.

ОЛЕНЕВОДСТВО У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЕРСКОГО БЕРЕГА

Терским берегом Белого моря издавна называлась приморская часть Кольского полуострова от Святого Носа, отделяющего воды Баренцева моря (Сев. Ледов. океан) от вод горла Белого моря и до устья реки Варзуги, на Белом море. Ныне, с образованием Терского района в Мурманском округе, и даже несколько ранее, под Терским берегом стали понимать и часть прибрежной полосы западнее реки Варзуги до границ Карельской республики. Таким образом, за всем Терским районом и прибрежной частью Понойского ныне установилось название Терского берега.

Население Терского района, за исключением нескольких человек, – русское. Население прибрежной части Понойского – русское и лопарское; русские живут в селе Поное, деревне Пялке и частью – погосте Сосновском; лопари – в погостах Сосновском (постоянно), Лумбовском и Иокангском (летом). Русское население начало оседать на Терском берегу в XV веке. К 1491 г. на реке Варзуге образовалось первое историческое русское селение Варзуга, в XVI веке возникли Умба, Порья Губа, Поной. В XVIII веке, кроме них, уже существуют Кузомень, Пялица, Тетрино.

Основное и издавнее занятие русского населения – морские, речные и озёрные рыбные промыслы и промысел морского зверя. Охота на пушного зверя и дикую птицу также имела немалое значение для него. В последние годы значение этих занятий несколько изменилось, промысел морского зверя катастрофически упал, а промысел сёмги значительно обесценился и сократился. Скотоводством население занимается уже давно, но в последние годы на эту отрасль хозяйства стало обращаться больше внимания, чем раньше. Огородничество, в виде посевов картофеля, вошло в необходимый обиход лишь недавно – с голодных 1918–1922 гг., раньше лишь редкие хозяева пытались разводить картофель. Посевы репы, правда, производились давно: так, в Писцовой книге 1608 г. говорится, что в Порьей Губе сеяли репу. В последние три года в западной части Терского района в жизни населения стали играть

большую роль работы по обслуживанию Умбского лесопильного завода: сплав, возка леса, перевозка грузов.

Занимается население Терского берега и оленеводством. Оленеводство русского населения Терского берега имеет особое значение: олени здесь до сих пор были важны преимущественно как тяговое животное, нужное для возки дров, сена и ягеля на корм коровам и овцам, для перевозки пассажиров и грузов и поездок по домашним делам и на торосовый тюлений промысел. Продукция оленеводства имела для населения малое значение.

Оленеводство русскими терчанами заимствовано от лопарей, вероятно, в первые же времена их поселения здесь. Все названия оленей у русских – лопарские или в чистом виде, или переделанные на русский лад. Так, телёнок-первогодок называется «лопанка», лопанца (по-лопарски – лыпаль), второгодок самец – урак (лоп. – варек, уырей), самка – вондельца (лоп. – вуньял, выньл), третьегодок самец – уборз (лоп. – уоберс, выбрась), самка – вондель-важенца (лоп. – выньл-вайч), самец по четвёртому году – шалмат (лоп. – тоже); по пятому году (а у некоторых – по четвёртому) самцы – кондус (лоп. – контес); самки с четвёртого года вообще зовутся важенками (по-лоп. – ваачь). Быки кастрированные называются просто – быки, а по-лопарски: ерькь. Нехолощёные быки – хирвасы, по-лопарски – сарьвесь, цервас (сравните с латинским – цервус и немецким – хирш). Дикий олень у русских – шардун, у лопарей – конте (дикарь) или коньцервас. Такие же названия имеются и у скандинавских лопарей, разница лишь диалектическая. Заимствована была от лопарей и кережка. Теперь она вышла из обихода, её заменили сани – или простые, для перевозки лёгких грузов, без задков и передков, или «самоедские» – более лёгкие, с узкой и низкой спинкой. Кережка же выродилась в «ведулицу» – маленькую без кормы лодочку, с которой охотники ходят в лес на охоту, влача её за собой на верёвке, нагруженную съестными припасами и прочим необходимым скарбом.

Порядок содержания оленей, способы пастьбы их и вообще ухода за ними также заимствованы от лопарей.

Русские нынешнего Терского района не пасут оленей. С весны и до снежной осени или до начала зимы олени ходят без призора

в «суземке» (в лесу) или в тундре, осенью олени или сами выходят ближе к селениям, или их разыскивают хозяева. Отправляются хозяева на лыжах или просто пешком в лес, в те места, где обычно можно ожидать найти своих оленей. Ищут их по следам на снегу. Найдя одного, они привязывают его к дереву на длинную «хигну» (вожжу) и идут собирать других, или впрягают в оставленные где-нибудь вблизи сани и на них разыскивают других оленей. Собак при разыскивании оленей не применяют, так как «русские» собаки – враги оленей: они их распугивают, загоняют иногда до смерти. Поэтому русские или не держат собак в селениях совсем, или держат их на привязи. Часто в целом селении нет ни одной собаки.

Выходят олени к «дому» вместе с приплодом. При важенках находятся их дети-лопанки. Часто хозяева недосчитываются осенью оленей, они не «выходят». Либо от хищного зверя погибают, либо от болезни, либо просто теряются. Олени, купленные у ижемцев и лопарей, часто уходят к своим старым хозяевам. «Своеродных» оленей, т.е. таких, которые родились у хозяина, а не куплены на стороне, недосчитываются редко, они не «выходят» лишь по случаю гибели. Оленей, присоединившихся к чужим стадам, владельцы этих стад пригоняют к хозяевам. В Варзуге такая выгонка приурочивается к «Никольской ярмарке» – 19-го декабря. За пригонку оленей берут от 2 рублей (Умба) до 4 (Варзуга, Кузомень) с головы. Бывает, что олени пропадают по два-три года и только потом возвращаются.

Чтобы олени не затерялись и каждый мог знать, чьи олени встретились ему в лесу или пристали к стаду, у жителей Терского района, от Порьей Губы и до Пулоньги, существует обычай привязывать оленям на шею особые деревянные значки – «кейкола». Знаки эти бывают разной, часто очень затейливой формы, на них вырезываются: название деревни, фамилия, инициалы или домовое клеймо хозяина оленя. Кроме этих знаков, на которых указан адрес владельца оленя, знаков, которые всё-таки неспособны быть для оленей постоянными, неотъемлемыми, имеются на оленях другие, постоянные знаки – «ушепятна». «Ушепятна» – это вырезы на ушах оленей. Вырезы бывают и на одном ухе, и на обоих.

Основных знаков – «пятен» – десять: рубежи, выверты, четверти, порины, пластины, сорочьи лапы (мыслете), вилки, напалки, покои, косяки. Ставятся знаки и отдельно, и в различных комбинациях. Если принять во внимание, что вырезы бывают и спереди уха, и сзади, на целом ухе и на «резаном», причём резаное бывает на треть сверху и пополам, то число комбинаций вполне достаточно, чтобы при нескольких сотнях знаков избежать повторений. Знаки регистрируются в сельсоветах и районном исполкоме. Осенью, когда часто одиночки олени выходят не по адресу, попадая в чужое селение, сельсоветы сообщают в другие селения по телефону о выходе оленя, подробно описывая «ушепятна». В это время часто можно видеть кого-нибудь из администрации поясняющим по телефону: «вышла важенка – правое ухо: на целом два рубежа спереди, один сзади; левое – сорочья лапа, сзади и спереди по рубежу» или что-нибудь в этом роде. Получивший сообщение сверяет сообщённые знаки с знаками, употребляемыми в своей деревне. Таким путём разыскивается хозяин. Целоухие лопанки, вышедшие без матки и неизвестно кому принадлежащие, продаются администрацией с торгов в пользу комитетов крестьянской взаимопомощи.

Зимой оленей держат «на руках», т.е. вблизи селений, а некоторых и при доме. В лесу привязывают на длинной «хигне» (ременной или верёвочной вожже) к дереву одного или нескольких оленей. Привязанный кормится у места привязи, другие вблизи него. Каждый день хозяева выезжают в лес для перевязи оленей на другое место. В некоторых селениях «на руках» держат не полную зиму, а периодами: от осени до начала января «на руках», от начала января до середины февраля (до выезда на «тороса») «спускают», от середины февраля опять берут на руки, а некоторые уезжают на них «на тороса» – для промысла тюленя. В начале апреля, а там, где есть работа на оленях, и в конце апреля, оленей опять «спускают» – уже на всё лето.

Весной олени уходят в «суземок» – в западной части Терского района – где пасутся до «комара». С появлением «комара» выходят к морю. Олени деревни Оленицы, Кашкаранц, Кузомени и некоторых восточных селений всё лето пасутся вблизи моря. Самыми

хорошими летними пастбищами являются места близ деревни Кашкаранцы. Сюда летом сходятся олени многих деревень, ходят у самого моря. Свежая трава, свежие ягели, мелкие кустарники, ягодники – всё с солоноватым привкусом от морской воды – являются прекрасным кормом для оленей. Кашкаранские олени сытые, плодятся хорошо. Такая пастьба – вольная пастьба, без присмотра человека.

Но в Терском районе бывали попытки применения и культурных способов пастьбы. В течение продолжительного времени почти каждое селение имело «огороды» для оленей: большие ягельные пространства, огороженные жердями. В настоящее время только в одной огороде у Турьего наволока пасутся олени, да деревня Пялица собирается строить огороду. Все другие селения бросили пастьбу в огородах, признав огороды вредными для оленеводства: в одних огородах олени выходили «сухие» (не жирные), приплод получался мелкий, в других – медведь много оленей уничтожал. В некоторых огородах было даже поставлено наблюдение – были нанимаемы «обходные», которым платили от 20 коп. (Оленица) до 80 копеек (Кузрека) с оленя в лето. Неудачи с огородами зависят несомненно от того, что огораживались сравнительно небольшие пространства, где оленю мало было «разбега» и поэтому быстро вытаптывались корма; кроме этого, недостаточен был присмотр за пастьбой в отношении регулирования её, да и плоховата была охрана. В хорошей огороде, как, например, между р. Рындой и р. Харловкой на Мурманском берегу, результаты пастьбы получаются великолепные.

Значительная часть оленей в зимнее время содержится при доме. Почти каждый хозяин, имеющий оленей, держит при доме одного-двух-трёх оленей. Особые «пригоны» устраиваются для них только в Поное, где вообще оленеводство поставлено по-другому, о чём будет речь впереди. Во всех других селениях олени держатся около дома там, где удобно их в данный момент держать и кормить. Для оленей, содержащихся при доме, заготовляется ягель. На одного оленя в зиму требуется ягеля от 120–150 пудов (Варзуга, Кузомень и ближайшие к ним селения) до 250 пудов (Умба, Оленица). Большой расход ягеля происходит от того, что

олень ест его не весь, отбросов бывает до половины. Олени очень разборчивы в корме: так, одним нравится «боровой» ягель больше, другим «моховой» (низинный). Некоторые приучены к хлебу. В некоторых селениях мне пришлось видеть, как олени ели сено. Это обстоятельство чрезвычайно интересно и важно, так как вопрос о кормах имеет одно из главных значений в оленеводном хозяйстве. Необходимо отметить, что прибрежное сено, подсоленное морской водой, нравится оленям. Я видел во многих местах что «заколины» сена, расставленные вдоль зимней дороги у края моря, были объедены оленями.

Истощение ягельников на Терском берегу не столько зависит от пастьбы, сколько от заготовок его для домашнего содержания оленей, для корма коровам и овцам. При заготовке ягеля он выдирается целиком, с корнем, до самой земли. Возобновление ягеля на таких местах происходит в значительно больший период, чем на выбитых пастбищах. Терский район ежегодно заготовляет около 4.000 тонн ягеля, опустошая таким образом 6–7 кв. километров ягеленосной площади, если считать её сплошь покрытой ягелем.

Оленеводство Терского берега, за исключением некоторых хозяйств Поноя и одного-двух хозяйств других селений, – мелкое оленеводство, но большая часть хозяйств всё-таки имеет оленей. Из 693 коренных хозяйств Терского района в 1927 г. имели оленей 529, или 76%. Всего оленей тогда было 3.500 голов, т.е. в среднем по 6–7 оленей на хозяйство. Состав всего стада района был таков: важенок – 38%, рабочих быков – 31–32%, прочих 30–31%. Из этого видно, что установка оленеводства рассчитана, главным образом, на использование оленя в качестве рабочего скота, а не продуктивного животного. Продукция оленеводства в 1926 г., по данным Приполярной переписи, составляла всего лишь 0,6% всего валового дохода, полученного населением Терского района, тогда как заработки, полученные при помощи оленя, на разных перевозках составляли приблизительно 19%.

За последние два года в оленеводстве всего Терского берега, как Терского, так и Понойского районов, произошли заметные изменения к лучшему. Прежде всего, увеличилось общее количество оленей Терского района с 3.500 до 4.200 голов, т.е. на 20%. Повысился

процент годового прироста в 1,5 раза. С повышением цен на оленьи шкуры и вообще на оленя олень в некоторых хозяйствах стал уже приобретать значение продуктивного животного. Некоторые хозяева приступили уже к «реконструкции» своего «стада» (насколько можно говорить в мелком хоз-ве о стаде); стали заботиться об увеличении числа важенок. Возможность большого заработка с оленями также увеличилась в связи с развитием работы Умбского лесопильного завода. Во время объезда берега в декабре 1928 г. мне приходилось на пути встречать людей, едущих с райдами оленей, для работ при заводе, из мест, отстоящих от завода на 250 вёрст. Селение Пялица в целях развития оленеводства решило устроить новую «огороду» на 60 вёрст длиной для пастьбы своих оленей.

Возможности для развития оленеводства на Терском берегу имеются значительно большие, чем само население предполагает. Население, издавна живущее «дарами моря», до самого последнего времени не обращало серьёзного внимания на оленеводство. Теперь же, когда эти дары начинают иссякать и становятся непостоянными, часто не окупающими затрат на получение их, некоторая часть населения в поисках новых источников существования внимательнее стала относиться к оленеводству. Вполне возможно, что во многих хозяйствах бывших зверобойных селений, как, например, в Чаваньге, Тетрине, Чапоме, Пялице, не говоря уже о Поное, оленеводство может превратиться в занятие, дающее больший доход, чем морские промыслы. Всё зависит от постановки дела, от организации его. В этих селениях олень может играть роль преимущественно продуктивного животного, так как заработки на перевозках здесь не могут быть значительны.

Значительно может развиться оленеводство в западной части, а именно в Кашкаранцах, так как здесь для этого благоприятные природные условия. Необходима лишь твёрдая организационная сила.

Особый интерес представляет оленеводство русских села Поноя, как и само русское население этого пункта.

Здешние русские – почти все лопарского происхождения. Некоторые во втором поколении, некоторые – в третьем и в четвёртом. Обрусение лопарей в этом пункте началось давно, но массовый характер оно имело в 50–70-е годы прошлого века. Оно совсем

не было принудительным, оно произошло путём перехода к оседлости, к другим формам быта, и далее путём браков с русскими.

С оленями это население всегда имело дело и с тундрой никогда не порывало связей.

Сами поноянe не пасут оленей, а нанимают для этого пастуха. В 1922–1924 гг. пас их общее стадо один богатый ижемец, но и при нём стадо не росло и находилось в плохом состоянии. К апрелю 1924 г. у них было всего от 800 до 1.000 оленей. В это время предложил поноянам свои услуги пришедший с Печоры один старый пастух самоед. Этот пастух оказался великим мастером оленного пастушьего искусства: с начала 1924 г. до конца 1928 г. (5 отёлов) он увеличил стадо Поноя до 3.000 голов. В 1928 году стадо выросло на 30%, и, кроме этого, продукции (мяса и шкур) было получено на 6.000 рублей, из которой продано тысячи на три с половиной. Это для Мурманского округа исключительный результат. Понойский пастух Илья Васильевич Ледков – природный, потомственный оленевод, он родился в тундре и всю жизнь провёл около оленей. Приходится ему бывать и акушером – помогать важенкам при трудных родах, приходится бывать и ветеринаром, и охотником, и зоотехником. Он пасёт оленей, перегоняя их с места на место в зависимости от наличия корма, «гнуса» и иных обстоятельств, он охраняет их от волков, кастрирует быков, «клейнает» (клеймит уши) телят, ведёт оленям учёт. Жители Поноя высоко ценят Илью Васильевича за его трудолюбие, искусство и высокую добросовестность, относясь к нему с предупредительностью и уважением. Летом, когда пастуху очень много работы, разрешается ему брать двух помощников; кроме этого, помогает ему в работе и молодой сын. Между пастухом и всем обществом села Поной ежегодно заключается договор, где предусмотрены во всех подробностях интересы обеих сторон. Платят ему за пастьбу по 1 рублю с головы.

На примере Поноя видно, каких результатов можно достигнуть в оленеводческом хозяйстве, если его поставить на рациональных началах, даже и при отсутствии помощи со стороны науки. Если же присоединить сюда эту помощь, то результаты, несомненно, будут ещё крупнее.

В оленеводном хозяйстве Поноя в текущем хозяйственном году необходимо отметить ещё одно новое явление: группа местных бедняков и средняков образовала оленеводческую артель для перевозки по району грузов и пассажиров по определённой таксе. Работы, правда, в районе для артели немного, но всё же в дело, где раньше был хаос, ныне вносится порядок.

Оленеводство в Поное, несомненно, разовьётся в крупную отрасль хозяйства и в недалеком будущем в состоянии будет занять то место, которое занимали пришедшие в упадок семужий и тюлений промысла.

Таково в кратких чертах современное состояние оленеводства у русского населения Терского берега. *В. Алымов.*[22]

[22] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 4–5, 1929, «Оленеводство у русского населения Терского берега», с. 31–34.

ЖИВАЯ ЛОПАРСКАЯ ДРЕВНОСТЬ

Народ самь, или как обычно у нас его называют – лопари, издревле обитающий на крайнем европейском Севере к западу от горла Белого моря, до сих пор таит в себе остатки древнейших представлений человека о природе, осколки исчезнувших мифов, обрывки былого эпоса. Несмотря на быстрое проникновение культуры в дебри Лапландии, на вовлечение этой древней народности в современную жизнь, в настоящее время ещё можно найти много остатков глубокой лопарской старины. Многие лопари до сих пор ещё находятся в тех взаимоотношениях с природой, в каких находились их отдалённые предки, впервые освоившие дикие места Севера. Ещё живы многие примитивные представления о мире, о хозяевах вод и гор, о подземных жителях, о покровителях промыслов и охоты, о священных камнях и деревьях. Но всё это скоро должно исчезнуть. И исчезает, забывается, утрачивается по мере наступления социалистической культуры на дикие дебри и тундры, или в некоторых случаях приспособляется к новым событиям и темам.

Так как все лопарские сказания, мифы и исторические воспоминания имеют огромное значение для сравнительного изучения первобытной человеческой культуры – приходится торопиться хоть как-нибудь зафиксировать все эти фрагменты сказаний и тем спасти от исчезновения из памяти драгоценные перлы первобытного народного творчества.

Одним из реликтов, ценнейшим для изучения первобытных верований, является исчезающий культ сейдов, известных в настоящее время исключительно в виде камней, с которыми связаны какие-нибудь культовые или иные особые сказания.

Что такое сейды? Каждый исследователь, когда ему приходится сталкиваться с вопросом о сейдах, пытается дать себе тот или иной ответ на этот вопрос. Иоанн Шеффер, написавший в 1673 году интереснейшую книгу о лопарях, в значительной части вполне современную и для нас, называет сейдов лопарскими богами. Русский исследователь Харузин, ознакомившийся с верованиями лопарей преимущественно по иностранным источникам, культ

сейдов связывает с культом предков. Сами лопари с трудом объясняют, что такое сейд – «Сейд, Сейдушко, «он», тот, который живёт в скале, в камне, помогает лопарям в рыбном промысле, на охоте, в оленеводстве». Под влиянием христианских проповедей некоторые лопари стали называть сейда – чортом (церт, цырт), иногда смягчая это слово в «чортушко».

Прав и Шеффер, называющий сейдов богами, имеет свои основания и мнение Харузина, и объяснения самих лопарей тоже дают некоторый ответ. Но более определённый и более широкий ответ на этот вопрос дают те сохранившиеся у лопарей сказания, которые связаны с сейдами, несмотря на обрывочность этих сказаний.

Уцелели указания на былые культы и в легендах о маленьких добрых людях, живущих под землёй, название которых нотозерскими лопарями произносится в виде одного слова: чахкли (одинаково для единственного и множественного числа), слова, по-видимому, составного.

В названии радуги «тирмес юкс» (тармас юкс, тярмес юкс) скрывается также воспоминание о былом культе, об исчезнувшем несколько столетий назад из лопарского пантеона боге-громовержце Тьермесе, однородном со скандинавским Тором, славянским Перуном, индийским Индрой. Тирмес юкс – это «лук Тьермеса». Радуга у лопарей связывается с громом, она, по их замечаниям, бывает или перед громом, или после него. Гром же называется так, как назывался бог-громовержец: тирмес.

Культ сейдов – это остаток глубочайшей древности. Мне думается, что этот культ когда-то имел распространение среди многих племён, занимавшихся охотой (во всех её видах, включая и рыболовство), и являлся он известной стадией в развитии религиозных представлений, стадией, свойственной охотничьему быту. Чрезвычайно интересно отметить, что нечто подобное лопарским сейдам имеется в далёкой Индии. Путешественник по Индии, пробывший там около 10 лет и изучивший быт различных тамошних туземных племён А.М. Мерварт, говоря о мифологии и обрядах населения Индии, приводит следующие любопытные сведения: «Большое значение для жизни лесных племён имеет успех на охоте. Многие племена думают, что духи мёртвых могут способствовать такому

успеху и стараются поэтому умилостивить этих духов. Эти духи по вере первобытного человека часто обитают в скалах или особой формы камнях. Так, лесные племена Пальнийских гор ставят в лесу под деревьями своеобразной формы камни… которым они приносят жертву для обеспечения успеха на охоте».

Чтобы дать представление о лопарских сейдах, я приведу здесь несколько из записанных мною сказаний о них. Приведу также некоторые лопарские сказания и не относящиеся к сейдам, но для изучения лопарской культуры имеющие значение. Все записи сделаны мной на русском языке со слов лопарей, которые хорошо знают русский разговорный язык и которых я знаю. Я не старался записывать слово в слово, так как это и не имело смысла: один и тот же рассказчик через час то же самое может рассказать, заменяя одни слова другими. Я умышленно не разукрашивал слышанное никакими искусственными литературными цветами, чтобы не заглушить ими аромата первобытной простоты сказаний. Простейшее я старался запечатлеть в простейшем виде. Легенды, переданные мне как рассказ о действительных событиях, с указанием определённых мест, времени и лиц, мной передаются так, как они были рассказаны.

Вот некоторые из этих сказаний:

1. «Сейд-Калесь» на Акки-явирь

На берегу Акки-явирь (Бабьего озера), у истока реки Бабьей, на правом её берегу возвышается гора «Сейд-Калесь». Называется она так потому, что в ней обитает «сейдушко» – старик (калесь). На горе ещё в очень недавние времена приносились сейду жертвы и происходили моленья. Моленья, может быть, и теперь бывают. Молились сейду обычно «по-православному», так же, как молились дома или в церкви. Моленье совершалось перед охотой на диких оленей, в молитве обещалась жертва. Молились только мужчины, так как женщины на охоту не ходят. Перед выпуском ручных оленей на лето просили сейда, чтобы олени вернулись невредимыми и с приплодом.

Перед отправлением к сейду с молитвой лопари умывались, чтобы предстать пред ним чистыми. После молитвы пред сейдом о даровании хорошей охоты на диких оленей лопари «сразу встре-

чали их». После удачной охоты приносили сейду в жертву рога диких оленей вместе с чашей (частью черепа), приносили также цветные кисти от одежды, головных уборов или сбруи и бисер.

Некоторые лопари говорили, что они видали калеся: одежда на нём вся сделана из чистых чёрных долгошёрстных неблюев.

Сейдушко-калесь – добрый. Дяде Киприяну Данилову (ныне 70-летнему старцу) он указал дикого оленя. Дикий олень подошёл к дяде Киприяну так близко – «хоть руками бери». Киприян убил оленя, а рога принёс сейдушке в жертву.

Иногда сейдушко гневается. Дядя сосновского лопаря Петра Телышева вздумал смерить глубину Акки-явиря около сейда, но не достал до дна. Когда же вернулся домой и заснул, то старик (калесь) явился ему во сне с палкой, чтобы наказать его. Телышев больше не ходил беспокоить сейда и своим племянникам заказал.

Егор Егорович Друженьков когда-то был богатым лопарем в погосте. Это сейдушко ему помог разбогатеть. Явился он Егору во сне, взял чивастегу (аркан для ловли ручных оленей) и, набросив её на плывущий по морю корабль, сказал Егору: «Иди к морю, будет там тебе и твоим детям». Егор пошёл на Бабий Нос и нашёл там разбитый корабль. С этого он разбогател.

Перед войной с англичанами (1854 г.) сейдушко стрелял из пушки – лопари слышали выстрелы. После этого через 2 месяца началась война. Савелий Петрович Матрехин, сосновский лопарь, слышал у сейда три выстрела перед последней войной.

Слышали лопари вблизи сейда и звон колоколов.

На вершине горы «Сейд-Калесь» раньше было много жертвенных оленьих рогов. Теперь ижемцы всё разорили, растащили хорошие рога себе на поделки для сбруи да на ручки для ножей. (Рассказали сосновские лопари Койвин и П. Телышев 17-18/XII-1928 г.).

2. Сейд-Кетьке на Иоканге

У реки Иоканги, в одной версте от погоста, в месте, называемом Лыхтэ-пайк, имеется Сейд-Кетьке (Сейд-камень). Этому сейду иоканчане приносили жертвы. Выбирали лучшего неезженого целоухого «обетного» оленя, резали его так, чтоб кости остались целыми. Варили его в котле и ели всем обществом, костей не дробили. После трапезы собирали все кости оленя и складывали у

Сейд-Кетьке так, как будто бы это был целый олень. Это была жертва сейду. Шкуру оленя также оставляли сейду.

Перед тем как резать оленя, молились у сейда («по-православному»).

Перед началом семужьего промысла весной все иоканчане молились реке Иоканге о даровании хорошего промысла. После молитвы заборщик черпал из Иоканги чашкой воду и пил, после этого пило воду из реки Иоканги всё общество. Из первой попажи брал две рыбины – сёмги. Первая делилась между всеми и съедалась, вторая приносилась в жертву сейду – клалась в целом виде у камня.

В Сейд-Кетьке, говорят лопари, жил мужчина. Мужчину этого люди иногда встречали в тундре и в лесу; спрашивали его о судьбе и о том, что делается на свете. Он всё знал и отвечал. (Записано со слов Матрехина, который вёз из Иокангского в Каменский пог. 29/XII-1928 г.) и со слов секр. Иокангского совета Матрехина).

3. Чельм-Ристым-Кетьке

«Молельный камень» Чельм-Ристым-Кетьке, с ровной, «как стол» вершиной, находится на правом берегу реки Каменки, у Летнего Лумбовского. Ранее у этого камня молились, зажигали свечу, приносили жертвы: деньги и «всё». (Со слов возницы Матрехина).

4. Таппе

К востоку от Сосновского погоста, на берегу Белого моря, есть семужья тоня Красные Щолки. Там имеется «Таппе» – гурий (сложенная неправильным конусом куча камней). Под этим гурьем имеется клад золота в 12 человеческих нош. Золото это взято с разбитого бурей корабля. Клад можно добыть, если разобрать гурий и потом сложить его так, как он есть сейчас, т.е. каждый камень положить на прежнее его место.

В Иванову ночь внутри гурья виден огонь, как будто горит свеча. Последний раз огонь видели лет 20 назад. (П. Телышев и Койвин. Этот гурий я видел издалека 18/XII-1928 г. По-моему – это древний опознавательный знак, имеющий значение маяка для мореходов. В.А.).

5. О двух колдунах

Охотились два колдуна в Хибинских горах. Нужно им было после охоты возвращаться на Чухькь-сулло (Екостров). Один ска-

зал, что он переплывёт Имандру через Екостровскую салму (чуэльм-пролив), и нырнул. Другой же остался сидеть на берегу и смотреть, где вынырнет первый. Первый колдун всё время плыл под водой. Когда стал подплывать к острову и стало уже мелко, он повернул под водой кругом острова, что бы не увидел другой колдун, где он выйдет из воды. Так как было мелко на том месте, где плыл первый, то его спина показалась из воды. Это увидал другой и закричал: «Вижу, вижу, где ты, не обманешь!»

В это время оба превратились в камни: у острова из воды виден камень, похожий на человека вверх спиной, а на материковом берегу – похожий на сидящего человека, наклонившегося вперёд и смотрящего вдаль на тот берег Екостровской салмы, где виден из воды камень. (Рассказал Изосим Куимов, екостровский лопарь 29/VIII-1929 г.)

6. Леушк-Кетьке на Имандре

На Чухькь-сулло (Екострове) жили когда-то лопарь с женой. Лопарь этот был большой колдун. Он летом ездил по Имандре (Чухькь-сулло Оэверь) на оленях, как будто бы зимой по льду. Запряжёт в кережку оленя, положит в неё топор, сядет в неё и поедет по воде, как по льду.

Однажды он собрался ехать: запряг в кережку оленя, положил в неё топор и сам сел. Жена незаметно для него вынула топор из кережки. Погнал колдун оленя, но только выехал на воду, тут же и утонул. Теперь он в виде камня находится в воде около Чухькь-сулло (Екострова). Зовётся этот камень Леушк-Кетьке (Леонтьев камень). (Рассказал бабинский лопарь Артамон Сергин 3/VIII-1929 г.)

7. Корв-Кетьке на Пиренгозере

На Пиренгозере (Пыренчь-явръ) у наволока Навчик, невдалеке от островка, на глубоком месте из воды возвышается камень – Корв-Кетьке – с растущей на нём сосной. Когда лопари проезжают мимо этого камня, просят у него попутного ветра. При этом надо, подъехав к камню, чем-нибудь ударить по нему.

Однажды Онисим Сергин (в 1929 году ему лет 85), проезжая мимо Корв-Кетьке, снял штаны, намочил в озере и ударил ими по камню, прося у него попутного ветра. После этого поднялся такой

сильный ветер, что разорвал парус на карбасе, и Онисим едва добрался до Николая Чорного (верхний порог реки Пиренги, в 20 вёрстах от камня к северо-востоку). (Со слов предыдущего. 1929 г.).

8. Маресь-аканчь (бабушка Марья) (Легенда о происхождении острова Кильдина)

Записи легенды об острове Кильдине имеются и даже известны в литературе (напр. в Северных сказках Ончукова). У меня имеется 3 варианта. Самый интересный, самый полный и самый старый, по-моему, тот, который я слышал от культурного лопаря, хорошо знающего свой язык, жителя Кильдинского погоста Александра Афанасьевича Яковлева, моего старого знакомого. Этот вариант я привожу здесь.

«Маресь-аканчь» – старушка Марья – сейд на острове Кильдине. Стоит он – теперь уже обломок – на скале у моря в западной части острова. Под ним в море обнажается из воды небольшой камень в виде пашки (маленькой лодки) – это приметный знак для нахождения сейда.

Маресь-аканчь была колдунья и захотела запрудить Кордиок – реку Воронью, чтобы сёмга не ходила в реку. Оторвала от Рыбачьего полуострова кусок и поплыла на нём к востоку. Чтобы никто не видел, как земля плывёт по морю, она напустила туману. Но в тумане сама потеряла направление, и плывший кусок земли задел дном о мелкое место. Увидели это люди и стали удивляться, откуда земля в море появилась. Тогда земля остановилась на месте. Земля эта – остров Кильдин.

Маресь-аканчь окаменела вместе с дочерью на краю острова наверху скалы.

Несколько лет назад одно военное судно, стоявшее в Александровске, подошло к Кильдину и выстрелило в Маресь-аканчь из пушки. Выстрелом сбило часть камня, теперь сейд Маресь-аканчь стоит разбитый. (14/I 1929 года).

9. Цэлей (Легенда о происхождении острова Сосновца в Белом море)

Колдун, живший на берегу моря, где теперь погост Сосновский, однажды, ложась спать, сказал другим жителям: «Когда утром проснётесь, не дивуйтесь тому, что увидите, и никому про то ничего

не говорите». Люди проснулись наутро, глядят – по морю кусок земли идёт; все зашумели – земля и остановилась. Этот кусок земли – остров Сосновец, по-лопски Цэлей – колдун оторвал от Семи островов, что у Мурманского берега, и тянул его к Архангельску, чтоб запереть реку Двину. (Со слов Койвина и П. Телышева – сосновских лопарей 20/XII-1928 г.)

10. О Чуэрвь-картах и жертвенных оленях

Колдунам раньше жертвовали оленей. Олени эти были обетные, самые лучшие – белые или пёстрые. У колдунов составлялись большие стада.

…Один лопарь пообещал пожертвовать колдуну самого лучшего оленя, когда он родится. Родился красивый пёстрый олень, такой красивый, что лопарю жалко было отдать его колдуну. Он оставил его себе, а колдуну отдал другого. После этого у лопаря погибло много оленей.

…Чуэрвь-карты (чуэрвь-гарты, чуэрвь-гартушки, чарв-карты) – это места, где колдуны колдовали об оленях, молились об увеличении стада; сюда приносили все оленьи рога в жертву – и домашних, и диких оленей. И сейчас во многих местах есть кучи оленьих рогов. Такая куча (по свидетельству жены Изосима) – чуэрвь-гарт – имеется на правом берегу реки Кицы, недалеко от впадения её в реку Колу. (Рассказали екостровский лопарь Изосим Куимов и его жена из семьи Дмитриевых 29/VII 1929 г.)

11. Чарвь-карт на Вул-яур (нижнем озере)

На старом кентище у Вулозера имеется камень, около которого множество рогов. Лопари просили (у камня) хорошего улова или охоты и приносили в жертву оленьи рога или связанных оленей. После принесения жертвы уловы бывали хорошие. (Авдотья Парфентьевна Герасимова из Ристикента, 28/VIII-1929 г.).

12. Чудны-мыр

«Чудны-мыр» – чудное дерево, единственная на Кольском полуострове лиственница. Находится она в двух километрах к северо-востоку от Сосновского погоста. Молились около этого дерева, когда терялись олени. Оленя к нему привязывать нельзя – олень удавится той верёвкой. Самоед Ванюта в 1918 году захотел срубить это дерево, но не мог. Ванюта вскоре умер от испанки.

Сейчас это дерево частью подсохло. Лопари не знают, что это за дерево. (Записано со слов П. Телышева и Койвина 17-18/XII-1928 г.).

13. Чадць-Илле (Водяной Житель)

Бабинский лопарь Артамон Сергин рассказал о «водяном хозяине» следующее.

У нотозерцев есть озеро, где было запрещено женщинам ловить рыбу. Жила в тех местах колдунья. Не захотела она соблюдать запрещенья и стала на озере ловить рыбу. Тогда из озера вышел чорт Чадць-Илле, Водяной Житель, хозяин озера и сказал: «Что это случилось, что женщины стали в этом озере рыбу ловить?» Колдунья ответила: «Кто не боится, тот пусть ловит, а кто боится, пусть уходит». Рассердился Чадць-Илле и пошёл от озера на тундру (гору). Там, где он прошёл по тундре, осталась на ней глубокая трещина. Было всё это недавно. Об этом хорошо знает Самсон Глухих (с Качкимозера).

А нотозерская лопарка, родившаяся на Гирвасозере, Авдотья Герасимовна, из семьи Глухих, рассказала о Чадць-Илле вот что.

Это было на Саптозере. Когда плавали по озеру и ловили рыбу, то в карбасах находились только мужчины, а женщины шли по берегу и тянули карбас на верёвке. Наконец женщинам это надоело. Одна из них оделась в хорошие одежды, села в карбас и стала ловить рыбу. Увидел это Чадць-Илле, хозяин озера, и очень обиделся, что женщина едет в карбасе и ловит рыбу. Вышел он из Саптозера и пошёл через гору Саптотундру. На Саптотундре, где он прошёл, стала большая трещина. Самсон Глухих этого не видел, и отец его тоже не видел. Это было очень давно. (Рассказано 3/VIII и 28/VIII-1929 г.).

14. Чахкли

Охотился охотник в лесу и встретил Чахкли. Он был маленький, как ребёнок, и совсем без одежды – голый. Хотел охотник убить его. – «Не убивай меня, – сказал Чахкли. – Я тебе дам, что хочешь: и золота, и серебра, и денег, но когда лопари увидят, что я им посылаю на верёвке деревянные ложки, то это значит, что у меня уже больше ничего нет».

Повёл Чахкли охотника к Чахкли-пахте и показал место, где он живёт. Чахкли не один, у него есть жена, маленькие дети – все тоже голые. Чахкли – добрые, они долго помогали лопарям. Спустят лопари с пахты верёвку в щель, привяжут узел, и Чахкли им посылал всё, что было нужно. Долго так получали лопари от Чахкли поддержку в жизни, но когда стали на верёвке поднимать деревянные ложки, то перестали обращаться к Чахкли.

Чахкли живут под землёй. Чахкли-пахта (скала Чахкли) находится близ Нотозера, недалеко от нынешней финской деревни Ниванкюля. (Авдотья Герасимова. 29/VIII-1929 г.).

Из этих сказаний без комментариев вырисовываются некоторые черты былых мировоззрений лопаря – сына лесов, тундр и гор, рыболова, охотника и оленевода.

У сейда – хозяина озера, реки, охотничьего места – просили помощи в охоте, рыбной ловле, а позднее – и в оленеводстве. Ему жертвовали из своей добычи или из хозяйственного прибытка. Сейды по преимуществу были добрые, но иногда и сердились на лопаря. Они не любят шума. На некоторых сейдов женщинам нельзя было смотреть. Проезжая мимо сейдов-камней, лопари иногда и теперь бросают кое-что в их сторону: крошки хлеба, табак. Сейд – это человекоподобное божество. Его жилище – почти всегда камень. Но сейдами называют и камни, с которыми связаны сказания о сейдах. В настоящее время при воспоминании о прошлом сейд часто понимается как каменный бог или чорт. Слово «сейд» тесно связано со словом «сийть», «сейт», означающем населённое место, «погост». Сейды-камни – не изделие рук человеческих, это «дикие камни». Нужно обладать большим художественным воображением, чтобы в очертаниях и формах их уловить что-нибудь, напоминающее человека, какое-нибудь существо или определённый предмет. Так как сейды-камни обычно лишены какой-нибудь обработки, можно предположить, что культ поклонения им появился в те далёкие времена, когда большой камень ещё с трудом поддавался творческому воздействию руки человека.

Из приведённого небольшого числа сказаний можно сделать много интересных выводов. В них можно найти и указание на существование некогда первобытного коммунизма у лопарей: об-

щий лов рыбы, общая трапеза после улова. В них видно и бывшее неравенство между мужчиной и женщиной, основанное на разделении труда в промысле (легенда о Чадць-Илле, о Калесе). В них находится и источник рассказов о гномах (Чахкли). Находим и магическое значение топора – одного из главнейших орудий в быту лесного жителя, орудия, которое и сейчас кладут в могилу лопаря при погребении. Есть и указание на когда-то бывшее поклонение деревьям.

В короткой статье многого не скажешь, а сказать есть что. В следующий раз приведём несколько исторических сказаний – у лопарей тоже была своя история, да забыли они её. Но поэтически оформленные лоскутки её всё же уцелели. Их мы и продемонстрируем в следующий раз.

В заключение же повторим, что ныне, с наступлением социалистической культуры на тундры и леса Лапландии, верования и мифы превращаются в сказки для детей, старина модернизируется. Историческая неизбежность делает воззрения лопарей на природу рационалистическими. Когда нужна помощь его оленеводству, он обращается уже не к сейду, а к ветеринару и в кредитку, а в случае каких-либо обид или утеснений с чьей-либо стороны – в совет, в свой туземный лопарский или сельский совет.

Пятилетним планом намечается провести всеобщее обучение у лопарей. Тогда лопари целиком приобщатся к советской культуре, и все сказания их, как и быть должно, превратятся с сказки для детей и в поэтические предания – элементы былого эпоса. И вот, по мере сил помогая внедрению культуры в Лапландию, мы, чтобы не дать исчезнуть чудесным поэтическим сказаниям древнейшего народа Европы, пытаемся запечатлеть их на бумаге – ведь некоторые из них могут явиться ключом к пониманию «доисторической истории» северного человека. *В. Алымов*.[23]

[23] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 8–9, 1929, «Живая лопарская древность», с. 23–26.

ЖИВАЯ ЛОПАРСКАЯ СТАРИНА
(ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЛОПАРЕЙ)

Лопари – народ бесписьменный. Поэтому у них нет своей писаной истории, нет свода последовательно изложенных исторических причин и следствий. Но история у них есть, давняя история борьбы с природой и соседями-иноплеменниками, сохранившаяся в виде эпических сказаний, частью запечатлённых в литературе разных времён и разных культурных народов, частью в виде устных преданий. Есть и исторические документы современников разных эпох, сохранившиеся в виде описаний лопарского быта.

В первом историческом свидетельстве о лопарях, у римского историка Тацита, в его книге о Германии, написанной 1831 год назад (в 98 г. х.л.), лопари упоминаются под именем феннов, геллузиев и оксионов. О первых он говорит, что живут они в шалашах, ведут кочевой образ жизни, занимаются охотой, одеждой, имеют звериные шкуры; что кочевую жизнь свою они считают большим счастьем, чем жить оседло и трудиться над возделыванием полей, постройкой домов или заниматься торговлей. О геллузиях и оксионах он говорит, что они, по слухам (в которых он сомневается), имея человеческие лица, имеют туловище и члены звериные.

В старых исландских сагах XI–XIII веков и у историка XII–XIII века Саксона Грамматика лопари, под именем финнов, представляются охотничьим народом, меткими стрелками из лука, быстрыми лыжебежцами, искусными чародеями. Чародейством они боролись с врагами. А совершалось ими чародейство посредством пения. Саксон Грамматик об этом говорит так: когда неприятель начинает их одолевать, они прибегают к своему искусству: сразу изменяется ясное небо, портится погода, надвигаются тучи, льёт дождь.

И в ныне сохранившихся у лопарей исторических воспоминаниях чародейство часто имеет значение, как одно из сильных средств борьбы с сильнейшим врагом. У разрозненно жившего, малочисленного, не имевшего ни воинского вооружения, ни военной организации народа в его эпосе борьбы с врагами чародейство как

способ борьбы, конечно, должно было занимать одно из главных мест. Даже в исторических воспоминаниях, относящихся к событиям сравнительно недавнего времени, к нашествиям «шведов» XVI–XVII веков, фигурирует чародейство.

Здесь я хочу привести несколько сказаний о борьбе нотозерских и сонгельских лопарей со «шведами».

Нашествия «шведов» на лопарские погосты – одна из самых главных тем лопарских исторических сказаний. Это – действительные события. Воспоминания о них живут не только у лопарей всей нашей Западной Лапландии, но и в восточных погостах: так, мне приходилось слышать о борьбе со «шведами» лопарей Каменского погоста, находящегося в «Терской лопи». Борьба лопарей со «шведами» и другими былыми врагами не была борьбой целого племени с организованным врагом, а была рядом эпизодов защиты того или иного погоста против нашествия банд авантюристов, полярных искателей лёгкой добычи.

Под именем «шведов», «немцев», «шишей» чаще всего нужно понимать финнов Финляндии. Это подтверждается, например, таким историческим фактом: 30 июня 1589 г. была разграблена Кандалакша, разгром был совершён бандой в 90 финнов под предводительством Весайнена, уроженца местности Уйо в Финляндии. В писцовых же книгах 1608–1611 гг. разграбление Кандалакши приписывается «свейским немцам». Необходимо также указать, что у наших западных лопарей – нотозерских и бабинских – финны, живущие в Финляндии, называются руотс (ruots), т.е. так же, как у финнов называются шведы (руотси, руотсолайнен). Так, например, жители финской деревни Ионы близ озера Имандра, образовавшейся из смешения финнов Финляндии с лопарями Бабинского погоста, этими лопарями называются «юон руотс». Кстати заметим, что финны, живущие среди лопарей, «свои», называются «лайтыш» (латыши).

Приводимые ниже исторические сказания нотозерских лопарей, помимо эпической красоты их, примечательны тем, что в них совсем отсутствует элемент чародейства. Исторические эпизоды разыгрываются в реальной обстановке полярной природы и своеобразного быта.

Сказания эти я слышал от нотозерского лопаря Ивана Андреевича Осипова, работающего по ликвидации неграмотности среди своих соплеменников. Слышал он эти рассказы от стариков. Я записал их, придав отдельным отрывкам цельность и логическую последовательность, и, сохраняя каждую деталь повествования, облёк их в простейшую литературную форму. Вот эти сказания (ограничусь четырьмя).

1. Разорение погоста на Туломе

Приходили в старину к лопарям шведы, разоряли лопарей, отбирали у лопарей сильных людей и уводили с собой. Им нужны были сильные люди.

Чтобы спастись от шведов, сильные люди из лопарского племени прятались под землёй. У Туломского падуна (туаллэм-кеунис) были подземные избушки. Здесь когда-то был погост. До сих пор здесь имеются ямки, давно заросшие травой, а некоторые и кустами.

Пришли однажды к лопарям шведы. Они знали, что те живут под землёй, но не могли найти их, не знали хода в подземные жилища.

Нашлась одна женщина, которая указала шведам, где живут лопари.

Шведы отобрали из лопарей сильных людей, а мелочь убили. Сильных они увели с собой.

Когда ушли шведы, лопари казнили предательницу такой казнью: набили ей рот горячими угольями и раскалёнными камешками.

2. Нял-парны

У устья реки Лоты, на Нотозере, когда-то был лопарский погост. Там жили лопари, сильные люди: старик Нял (песец) и два его сына – Нял-парны.

Ехали они однажды в Сонгельский погост – два брата сидели в одной кережке, а старик отдельно. Подъезжая к погосту, видят – на озере женщины играют в круговую верёвочку (нуарре сиррэдь).

В погосте были шведы, а Нял и Нял-парны не знали этого. Подъезжают к женщинам, узнают, что шведы искали Няла и его сыновей, но никто не сказал им, где они. Шведы тогда убили всех мужчин в погосте, а женщин выгнали на озеро играть в верёвочку. Женщины посоветовали Нялу и его сыновьям уезжать скорей. Они послушались совета и поехали через озеро.

Из шведов один сильный назывался Чуэт-Ахкам, что значит Сто Женщин. Назывался он так потому, что имел в себе силу ста женщин.

Увидел Чуэт-Ахкам Няла с сыновьями и побежал за ними по озеру на лыжах. У старика Няла не мог олень бежать по льду, скользил, спотыкался. Добрался Нял до матерого берега, залез на высокую сосну.

Подошёл Чуэт-Ахкам, выстрелил в Няла из лука (вехкерь нюлынь). Старик упал с дерева. А Чуэт-Ахкам взял старикова оленя, одел на себя печок старика и поехал вслед за Нял-парны.

Младший оглянулся и говорит: «Это отец едет». А старший отвечает: «Нет, это не отец». Младший стал править оленями, а старший повернулся назад лицом и приготовился стрелять из лука. Сначала он думал, что за ними едет отец, но вблизи увидел, что у едущего за ними борода не седая, не такая, какая была у отца. Выстрелил он в него из лука и остановил своего оленя.

Вслед за Чуэт-Ахкам шла пешком вся его мелкая сила (мав вихк).

Был мороз. У старшего сына нож примёрз к ножне; он не мог вынуть его из ножны и сорвал его с пояса вместе с ней. В левую руку взял он толстую палку вместо щита, а ножом стал бить шведов. Сперва бил, не снимая ножны, но потом ножна сама разрезалась.

Перебил он часть шведов, а остальные сами разбежались.

3. Тениси-парны

Тениси-парны жили у устья маленькой речки Чил йок, вблизи того места, где теперь находится финская деревня Ниван-кюля. Жилище их было построено из толстых брёвен и покрыто землёй. Жили они с жёнами, и был у них работник.

Послали Тениси-парны работника ловить силками куропаток и сказали ему: «Не ходи на Нота-реку (Нётйок)», – а сами занялись изготовлением кережек и лыж…

Жена одного из Тениси-парны во время работы бросала щепки на лед Чил-йок. В то время ходили по Лапландии шведы. Тениси-парны не советовали женщине бросать щепки на лёд реки, пото-

му что весной поплывут они по реке, и шведы по щепкам узнают, что вблизи живут лопари. Но женщина не послушалась совета и продолжала бросать щепки на лёд Чил-йок.

Летом пришли с запада по Нота-реке шведы, вышли к Нотозеру (Нёт-яурь) и увидали на воде свежие щепки. Пошли пешком по берегу Чил-йок и нашли жилище Тениси-парны. Дверью жилища была большая каменная плита, приваливалась она изнутри жилища. Шведы никак не могли найти входа в жилище и стали заглядывать сверху через дымовое отверстие – ряппень.

Тениси-парны были в жилище и попеременно стреляли из лука в тех, кто заглядывал в ряппень.

Среди шведов был Чуэт-Ахкам. Увидели лопари, что Чуэт-Ахкам как будто бы протягивает сквозь ряппень руку в рукаве. На самом же деле это был пустой рукав от шубы, но в нем находился острый кинжал.

Старший из тениси-парны дернул за рукав и порезал себе руку кинжалом.

У Тениси-парны вышли почти все стрелы, лишь у младшего осталась одна стрела, потому что он не хотел тратить её на мелкую силу (мав вихк), а ждал, когда в ряппень заглянет Чуэт-Ахкам. Но не мог дождаться и последнюю стрелу пустил в одного обыкновенного шведа.

После этого пришлось Тениси-парны сдаться шведам. Шведы увели Тениси-парны с собой, потому что шведам нужны были сильные люди. Захватили они с собой и жён Тениси-парны.

То место, где было жилище Тениси-парны, хорошо знает лопарь Назар Андреевич, живущий в Ниван-кюле.

4. Семилетний стрелок из лука

На Нотозере есть место, называемое Сейт-нярк – Погостовый мыс. Здесь когда-то был лопарский погост. Жили лопари в землянках.

Пришли в лопарскую землю шведы и остановились выше погоста, в четырёх вёрстах от него. Послали разведчика разузнать о лопарях. Тот отправился на лыжах и пришёл в погост вечером. Залез он на одну вежу и стал смотреть через ряппень (дымовое отверстие) внутрь её.

В то время в веже женщина варила рыбу в котле. Заглянула в котёл и увидела лицо человека.

Рядом в веже находился свёкор. Она тихо сказала ему: «Кто-то смотрит в ряппень». Свёкор незаметно достал одной рукой лук, вложил стрелу, прицелился в лицо человека, смотрящего в ряппень, и выстрелил в него. Тот из-за дыма не мог видеть этого. Он упал с крыши, но остался жив, потому что лопарь его только ранил стрелой.

Стали лопари спрашивать шведа, как он попал сюда: «Если расскажешь, то отпустим, а если не скажешь, то убьём тебя», – добавили. Швед рассказал всё, как было.

В то время не все лопари были дома. Среди оставшихся был один меткий стрелок – семилетний мальчик. Лопари дали мальчику хороший лук, принадлежавший его деду, и все вместе пошли на лыжах к шведам. Был вечер.

Среди шведов был Чуэт-Ахкам. Он одет был в кольчугу, так что трудно было убить его стрелой. Когда подошли лопари, Чуэт-Ахкам обедал: ел мясо; он держал большой кусок мяса в зубах, придерживая с другого конца рукой, и перед самым ртом по кусочку отрезал его ножом. Чуэт-Ахкам не заметил, как приблизились лопари.

Сказал дед мальчику: «Прицеливайся прямо в ножик». Мальчик прицелился и выстрелил. Ножик попал шведу в рот. Швед упал. После этого подбежали к нему на лыжах лопари. Старик сорвал с Чуэт-Ахкам колпак и стал бить его палкой по голове.

Когда был убит Чуэт-Ахкам, мелкая сила (мав вихк) сказала: «Раз убили старшего, то нам нечего воевать, уйдём отсюда». И ушли.

После этого приходили шведы ещё раз на Сейт-нярк и уничтожили весь погост. В. Алымов.[24]

[24] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 1, 1930, «Живая лопарская старина (Исторические воспоминания лопарей)», с. 29–30.

МУРМАНСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО В 1931 ГОДУ

I. До пятилетки.

Накануне войны, в 1914 году, число оленей на территории нынешнего Мурманского округа приближалось к 75.000. В период империалистической войны, интервенции и тяжёлых для восстановления хозяйства 1920–1922 годов число оленей катастрофически понижалось и в 1922 году достигло 28–30 тысяч голов, т.е. 37–40% довоенного числа. На этом числе упадок оленеводства приостановился. Оленеводство медленно начало оправляться.

В 1924 году Мурманский Губисполком наметил в декларативном виде ряд мер по восстановлению и развитию оленеводства. Признавалось необходимым произвести ряд исследовательских работ по экономике оленеводства, по изучению оленьих кормов, учёту и определению ёмкости пастбищ; по изучению болезней оленей, борьбы с паразитами и т.п. Признавалась необходимость устройства опытно-исследовательского оленного хозяйства, где ставились бы опыты по рациональному ведению оленеводного хозяйства, рациональному использованию продуктов оленеводства, по применению новых методов обработки шкур, утилизации отходов. Среди подобных мер намечалась постановка опытного молочного хозяйства. Кроме этого, выдвигалась необходимость мероприятий по борьбе с волками, организации долгосрочного и дешёвого кредита на развитие оленеводства, организации ветеринарных пунктов, освобождение туземцев от военной службы, освобождение туземных и других тундровых оленеводов, имеющих менее 200 оленей, от налогов, регулирование убоя и пастьбы и ряд других мер.

Намеченные мероприятия проводились медленно. Но всё же кое-что постепенно нарождалось. В зиму 1925–1926 гг. был основан в Ловозере зоотехнический оленеводческий пункт, началась работа по исследованию оленя и оленеводства. В начале 1927 года была произведена первая сплошная хозяйственная перепись оленеводческих хозяйств (т.н. «приполярная»). Материалы её разработаны Мурманским окружным статотделом и изданы ЦСУ СССР. В 1926

и 1927 гг. произведены выборочные исследования бюджетов оленеводов. Материалы переписи и бюджетных исследований осветили совершенно тёмное до того времени место – оленеводное хозяйство – и послужили основанием для плановых построений.

В 1926 году возникли учреждения сельскохозяйственного кредита, предоставлявшие оленеводам ссуды на покупку оленей. Оленеводческое население было освобождено от налогов (до 1930 г.), а коренное население – лопари – и от военной службы.

С каждым годом оленеводство привлекало всё большее внимание и местных, и областных, и центральных организаций. С учреждением комитета Севера при ВЦИК и расширением его работы вопросы оленеводства как основной отрасли хозяйства северных туземцев стали предметом его особых забот на всём севере РСФСР. В НКЗ РСФСР весной 1931 года организован сектор северного хозяйства, на который возложено руководство оленеводством РСФСР.

II. Оленеводство в 1931 году.

В настоящее время в Мурманском округе имеется, по исчислениям, 67.000 оленей, не считая приплода текущего (1931) года. Это большое стадо состоит из 30.000 важенок (производящих самок в возрасте 2 лет и старше), 2.000 хирвасов (производителей), 11.000 рабочих быков (кастрированных), 8.000 самцов в возрасте до 2 лет и 16.000 самок до 2-летнего возраста. Как видно, важенки составляют около 45%, а все самки – около 69% всего стада.

По отдельным районам олени распределяются так: в Ловозерском и Понойском районах, в отношении пастбищ представляющих единое целое, находится около 52.000 оленей, в Кольско-Лопарском – около 4.500, в Полярном (бывшем Александровском) – 4.000, в Териберском – 1.500 и в Терском – 5.000.

Всё это оленье стадо по социальным категориям владельцев на 1 июля 1931 года распределялось в таких соотношениях: в 3 оленеводческих совхозах имеется 10.500 оленей; в 4 оленеводческих и двух смешанных туземных колхозах – 16.000; у членов рыбацких колхозов, где олени не обобществлены, и у трудовых единоличников около 35.000 – эти олени принадлежат 1.130 хозяйствам; кулацких оленей приблизительно 4.000.

Таким образом, на долю обобществлённого сектора приходится 41% всего числа оленей в округе.

Молодняка – приплода текущего года – сверх указанных количеств, по исчислению, имеется 25.000. Если учесть непроизводительный отход (гибель, утраты) и убой для получения продукции, то, как предусматривается планом, к концу текущего года всего оленей в округе будет 77–78 тысяч.

Десять лет потребовалось для того, чтобы восстановить поголовье оленьего стада до того уровня, на котором оно находилось в 1914 году. Только в текущем году удастся превысить довоенный уровень.

Но несмотря на то, что только в этом году заканчивается процесс восстановления количества оленьего поголовья, процесс коренной реконструкции всего оленеводного хозяйства уже происходит и идёт быстрыми темпами, что видно из приведённых выше цифр.

III. Пятилетка.

Пятилетним планом развития оленеводного хозяйства в Мурманском округе приняты такие основные установки.

1. Реконструкция оленеводческого хозяйства на началах коллективизации. Коллективизация оленеводческих бедняцких, батрацких и середняцких хозяйств в 1933 году заканчивается на 100%.

2. Увеличение количества оленьего поголовья.

3. Качественное улучшение породы оленя и оленеводческой продукции.

4. Увеличение валовой продукции оленеводства с доведением товарности её до возможно высокого предела.

5. Промышленное использование всех продуктов и отходов оленеводства.

Из пунктов 2–5 видно, что общее производственное направление оленеводного хозяйства устанавливается как животноводческо-промышленное.

Перевод оленеводного хозяйства на социалистические рельсы совершается по двум направлениям: совхозному и колхозному.

Рост совхозных стад определён в таких темпах: к началу 1931 года – 8.000 оленей, к 1 января 1932 г. – 12.800, к 1 января 1933 г. – 19.000 и к 1 января 1934 г. – не менее 25.000.

Рост коллективизации оленеводческих хозяйств и обобществления оленей намечен в таких цифрах:

В 1931 г. 8 оленеводческих колхозов объединяют 270 хозяйств с 23.000 оленей, в 1932 г. 11 оленеводческих колхозов объединяют 340 хозяйств с 35.000 оленей, в 1933 г. 14 оленеводческих колхозов объединяют 410 хозяйств с 50.000 оленей.

Рост всего поголовья в округе запроектирован в следующих размерах: в начале 1931 г. – 67.000, в начале 1932 г. – 77.000, в начале 1933 г. – 88.000 и в начале 1934 г. – 101.000.

Из этих цифр можно заключить, что к концу пятилетки остаётся 16.000 оленей необобществлённых. Почти все они принадлежат членам рыболовных колхозов – приблизительно 900 владельцев, и поскольку в рыбацких колхозах скот пока не обобществляется, – эти олени условно не включены в обобществлённый сектор.

Валовая продукция оленеводства по отдельным годам пятилетки выражена такими показателями: мяса – тонн: 1931 г. – 460; 1932 г. – 590; 1933 г. – 670; шкур – штук: 1931 г. – 14 тыс.; 1932 г. – 18 тыс.; 1933 г. – 20 тыс.; всего на сумму: 1931 г. – 366 руб.; 1932 г. – 467 руб.; 1933 г. – 530 руб.; товарный выход: 1931 г. – 203; 1932 г. – 276, 1933 г. – 336, % товарности: 1931 г. – 55,4; 1932 г. – 50,7; 1933 г. – 63,3.

Если принять во внимание стоимость ежегодного прироста, то доходность оленеводства можно изобразить такими цифрами: в 1931 г. – 619 тыс. руб., в 1932 г. – 717 тыс. руб., в 1933 г. – 842 тыс. руб.

Необходимо указать, что при исчислении доходности средняя стоимость оленя принята в 25 рублей. Но уже в 1930 году цены на оленей поднялись, и в настоящее время средняя цена оленя не ниже 35 рублей. Таким образом, доход от оленеводства в 1933 году, по ценам 1931 года, будет около 1 миллиона 200 тысяч рублей.

В 1927 году, когда впервые было произведено подробное обследование оленеводческого хозяйства, оленей было 49.000 голов, и вся валовая продукция оценивалась в 120.000 руб., а включая стоимость прироста – около 200.000 руб. В первый год пятилетки – 1928–1929 г. (вернее – 1929 г.) оленей было 56.000, а весь доход от оленеводства оценивался в 360.000 руб. Таким образом, за 5 лет доход от оленеводства в неизменных ценах вырастает на 134%. Число оленей за это время вырастает на 80%.

Чтобы осуществить всё, намеченное планом, необходимо провести ряд мероприятий.

Мероприятия эти такого порядка.

1. Земельное устройство пастбищной территории (неправильно некоторыми называемое «ягелеустройство»). До тех пор, пока не учтены и не исследованы кормовые ресурсы и неизвестно точное распределение их по территории, невозможно планомерное регулирование пастьбы. Регулирование же пользования пастбищами – одно из главнейших условий планового ведения и быстрого роста оленеводного хозяйства. На выполнение этой работы потребуется 300.000 рублей, и полностью осуществлена она должна быть уже в 1933 г.

2. Организация ветеринарно-зоотехнической сети, усиление научными сотрудниками и материальными средствами существующего в Ловозерском районе оленеводческого пункта, постройка ветеринарной лечебницы, организация диагностического кабинета, организация различных зоотехнических и технологических опытов, зоокультурная работа и т.п.

3. Борьба с волками и другими хищниками, борьба с кожным и носовым оводом. Ежегодный убыток от волков равняется 50-60 тыс. руб. Поэтому плановой задачей должно явиться полное уничтожение волков. Разрешение этой задачи повысит темп роста оленьего стада на 2–2,5%. Кожный овод, образующий свищи в оленьей шкуре, понижает ценность её. Ежегодно от этого в округе теряется 15–20 тыс. руб. Носовой овод крайне обессиливает оленей и иногда является причиной гибели их, борьба с ним – борьба за улучшение жизни оленя, за улучшение его продуктивных качеств.

4. Организация предприятия – комбината для переработки продуктов и отходов оленеводства. Мыслится производство замши в виде полноценного фабриката, очистка и сортировка шерсти, клееварение из рогов и копыт, утилизация кишок и др. внутренностей и переработка крови.

5. Подготовка кадров специалистов по оленеводству. Кроме ветеринаров и зоотехников высшей и средней квалификации, нужны квалифицированные пастухи – в настоящее время это самая дефицитная профессия в оленеводстве; нужны организаторы, счётные работники.

6. Для правильной организации колхозного строительства необходимы значительные капитальные вложения. Колхозам нужны олени. Чтобы оленеводное хозяйство сделать животноводческим,

т.е. чтобы главная установка в хозяйстве была на получение продукции, а не на заработки при помощи оленей на транспорте, необходимо колхозу сразу же иметь достаточное число оленей: колхоз в 30–40 хозяйств должен в самом начале своей организации иметь 3–4 тыс. оленей. У объединяющихся же обычно бывает значительно меньше. Поэтому приходится приобретать оленей на стороне. Для этого нужны значительные кредиты. Нужны кредиты и на другие капитальные вложения: устройство загородок, загонов, хозяйственных построек. Кредиты должны быть долгосрочными – не менее 5 лет, так как в короткое время больших сумм погашений колхозы не в состоянии будут выплачивать.

Кредиты на коллективное оленеводство намечены в следующих суммах: в 1930 г. – 65.000 руб., в 1931 г. – 250 тыс. руб., в 1932 г. – 100 тыс. руб., в 1933 г. – 200 тыс. руб.

Кроме капитальных вложений по колхозной линии, потребуются вложения и по совхозной. По плану, разработанному ленинградским Госторгом, который первоначально явился организатором оленьего совхоза, на 1931 г. определено 196.000 руб. (без стоимости покупаемых в округе оленей), на 1932 г. – 171.000 руб., на 1933 г. – 121.000 руб. Эти наметки по совхозу, в виду перехода совхозов оленетресту, могут измениться.

IV. Что из намеченного выполняется.

Так намечено по плану. Что же и как осуществляется из намеченного?

1. Одна из главнейших мер – земельное устройство оленеводческой территории – в текущем году начала проводиться в жизнь. В настоящее время в Понойском районе работают землеустроительные партии Госземтреста. Задание этого года – снять 1 миллион гектаров тундровой территории и нанести на карту. Одновременно там же работает геоботаник. Его дело – определить состав кормов на снимаемой площади, их запасы, распределение, качество – и всё нанести на карту.

2. Правильно организованной ветеринарной сети ещё нет. В совхозных стадах работают 1 вет. врач и 2 фельдшера. Зоотехников, работающих по оленеводству, имеется 6, из них 4 – высшей квалификации. Зоотехническая работа в оленеводстве только начинается.

3. Стационарная исследовательская работа пока поставлена слабо. Ведёт её только Ловозерский оленеводческий пункт, ныне помещающийся в деревне Краснощелье по верхнему течению реки Поной. После почти двухлетнего перерыва, когда работа пункта почти замерла, в текущем году она возобновилась и отчасти перенеслась непосредственно в стада. Произведена работа по определению среднего веса оленей разного пола и возраста, роста новорождённых, ведутся непрерывные непосредственные наблюдения над колхозным стадом (поведение оленя, пища, пастбища, пастьба, болезни и пр.).

4. Дело с подготовкой кадров пока обстоит неудовлетворительно. Подготовка на месте мыслится в виде создания краткосрочных курсов пастухов и счётных работников. Организует их окружной оленеводческий колхозсоюз в зиму 1931–1932 г.

5. Кредиты на организацию оленеводческих колхозов отпускаются в мере полной потребности, но, к сожалению, отпускаются только на покупку оленей, без учёта нужд строительства капитальных сооружений. Постройка изгородей на огромных пастбищных пространствах, а также загонов (кораллов) необходима одновременно с организацией стада. Изгородь и загоны уменьшают потери оленей, сокращают затраты труда на пастьбу и наблюдение за стадом, т.е., другими словами, повышают рентабельность оленеводства.

6. Наиболее крупным достижением в развитии оленеводного хозяйства является коллективизация оленеводства, несмотря на всю слабость только что возникших оленеводческих колхозов. Об этом скажем подробнее. Скажем несколько слов и об оленеводческих совхозах.

V. Оленеводческие колхозы.

Начало первому оленеводческому колхозу было положено в марте 1929 г. Тогда объединилась в колхоз группа из 9 лопарских хозяйств Каменского погоста и 1 самоедского из деревни Ивановки. У объединившихся было около 500 оленей. Столько же было приобретено за счёт долгосрочного сельскохозяйственного кредита. Место, где возник колхоз, находится по соседству с деревней Ивановкой, в тогдашнее время – средоточением крупных оленеводов-кулаков.

Вследствие наличия по соседству крупной кулацкой группы, а также и того, что в колхозе не было постоянного руководителя, а с наступлением весны и лета порвалась и связь тундры со всем миром до самой зимы, – колхозники, недостаточно знакомые даже с сущностью коллективного хозяйства, почти ничем не отличались от единоличников. Они по-старому продолжали считать тех оленей, с которыми вошли в колхоз, своими оленями, а тех колхозных, которые были приобретены за счёт кредита, «казёнными», и вели отдельный учёт «своим» и «казённым». К началу 1930 г. колхоз фактически был распавшимся. И только в марте 1930 г. он вторично возродился в более крупном виде и охватил все селения, входящие в Ивановский сельсовет. Колхоз этот в настоящее время называется «Красная Тундра». Подробности о нём будут дальше.

Вторым по времени возникновения является Ловозерский колхоз «Тундра». Возникновение его относится к началу 1930 года. Третьим возник колхоз в Лопарском погосте Воронежском, по-лопарски называемом Кордйогсийт, в марте 1930 года. При возникновении в него вошли 19 хозяйств с 900 оленей. Вследствие кулацкой агитации, а также отсутствия руководства и материальной помощи в виде кредита он постепенно начал ослабевать, и к началу 1931 года в колхозе оставалось 4–5 хозяйств. Весной этого года колхоз начал оправляться, в него вернулось несколько хозяйств, и он приобрёл путём покупки около 900 оленей.

Слабое руководство колхозами в значительной степени было следствием того, что до начала 1931 года они не имели своего постоянного руководящего центра. В апреле 1931 года образовался окружной оленеводческий колхозсоюз, в сферу работы которого вошли Кольско-Лопарский, Ловозерский и Понойский районы. Появились инструкторы, получены крупные кредиты на покупку оленей, установилась связь с местами.

В настоящее время (август 1931 года) в Мурманском округе имеется 4 оленеводческих колхоза, 2 смешанных (с обобществлёнными оленями) и переходят на устав Северного смешанного колхоза с обобществлением оленей лопарские рыбацкие колхозы и артели в Иокангском, Лумбовском, Сосновском и Пулозерском лопарских погостах и в русском селе Поной. По завершении этого

перехода, в конце 1931 года, в Мурманском округе будет 8–9 оленеводческих колхозов.

Наиболее крупным по числу хозяйств является Ловозерский колхоз «Тундра», наиболее мелким – Воронежский. Наиболее крупным по числу оленей – «Красная Тундра», наиболее слабым – Кильдинский, возникший в апреле 1931 года.

Вот данные о числе колхозов, коллективизированных хозяйств и оленей по состоянию на 1 июля 1931 г. Название колхоза и селений, объединяемых им: 1. «Красная Тундра» – Каменный погост, деревня Ивановка и Краснощелье…, число коллективных хозяйств – 43, число обобществлён. оленей – 7.800; 2. «Тундра» – село Ловозеро…, 69, 6.600; 3. Воронежский – погост Воронежский, 8, 1.150; 4. Кильдинский – погост Кильдинск…, 19, 310; 5. Рыбацко-животноводческо-оленеводческий колхоз «Восмус» (первый) – верхнее течение реки Туломы…, 16, 190; 6. Тоже «Юркин» – среднее течение Туломы…, 27, (200). Всего – 182, 16.250.

Степень коллективизации в районах действия 4 названных оленеводческих колхозов определяется такими цифрами: в районе колхоза «Красная Тундра» коллективизировано 83% бедняцко-середняцких хозяйств, в районе «Тундры» – 60%, Кильдинском погосте – 80%, в Воронежском – 36%. Среднее для всех местностей – 66%.

В оленеводческие колхозы входят представители 4 народностей: лопари, коми-ижемцы, самоеды и русские. В смешанные же колхозы на Туломе – лопари, финны, русские, карелы, шведы.

Проиллюстрируем табличкой национальной состав этих колхозов.

«Красная Тундра»…, лопари – 16, ижемцы – 13, самоеды – 10, русские – 4, «Тундра»…, лопари – 6, ижемцы – 50, самоеды – 12, русские – 1, «Воронежский»…, лопари – 8, «Кильдинский»…, лопари – 19, «Восмус»…, лопари – 9, русские – 1, финны и карелы – 6, «Юркин»…, лопари – 7, финны и карелы – 18, шведы – 2. Всего: лопари – 65, 35,7%, ижемцы – 63, 34,6%, самоеды – 22, 12,0%, русские – 6, 3,3%, финны и карелы – 24, 13,2%, шведы – 2, 1,2%.

Два из оленеводческих колхозов – «Тундра» и «Красная Тундра» – подсчитали уже результаты первого (1930) года своей работы, имеют бухгалтерские балансы, имеют производственные

планы на 1931 год, по которым ведут свою работу. Можно уже дать некоторую оценку их работы.

Число хозяйств, объединяемых этими двумя колхозами, с марта 1930 и до 1 июля 1931 года выросло с 95 до 112, но в течение 1930 г., с марта по декабрь, оставалось неизменным; прилив новых членов начался в 1931 г.

Число оленей за 1930 год возросло с 7.556 до 11.159, т.е. На 3.603 головы. В течение года было куплено 2.490 голов, 1.113 прибыли за счёт естественного прироста.

Посмотрим, как работали эти два колхоза в главнейшей своей производственной отрасли – оленеводстве. Лучше всего это видно из движения оленьего стада за отчётный период.

Движение оленьего стада в 1930 г. в оленеводческих колхозах Ловозерского района: 1. Было всего оленей в III/1930…, колхоз «Красная Тундра» – 4.812, колхоз «Тундра» – 2.714, в двух колхозах вместе – 7.556. 2. Куплено…, колхоз «Красная Тундра» – 560, колхоз «Тундра» – 1.930, в двух колхозах вместе – 2.490. 3. Получено приплода…, колхоз «Красная Тундра» – 2.235, колхоз «Тундра» – 1.522, в двух колхозах вместе – 3.757. 4. Заедено волками…, колхоз «Красная Тундра» – 24, колхоз «Тундра» – 23, в двух колхозах вместе – 47. 5. Пало от болезней…, колхоз «Красная Тундра» – 31, колхоз «Тундра» – 1, в двух колхозах вместе – 32. 6. Пало от прочих причин (гололедица, весенние холода, тяжёлая работа) и потерялось…, колхоз «Красная Тундра» – 441, колхоз «Тундра» – 222, в двух колхозах вместе – 763, в том числе телят…, колхоз «Красная Тундра» – 242, колхоз «Тундра» – 118, в двух колхозах вместе – 360. 7. Отдано членам колхозов…, колхоз «Красная Тундра» – 14, колхоз «Тундра» – 133, в двух колхозах вместе – 147. 8. Продано…, колхоз «Красная Тундра» – 79, колхоз «Тундра» – 3, в двух колхозах вместе – 82. 9. Убито для получения продукции…, колхоз «Красная Тундра» – 747, колхоз «Тундра» – 827, в двух колхозах вместе – 1.574. 10. Состояло на I/1931 г…, колхоз «Красная Тундра» – 6.272, колхоз «Тундра» – 4.887, в двух колхозах вместе – 11.159.

В этой табличке обращает на себя внимание высокий процент потерь от «прочих» причин. Больше всего в эту рубрику вошло

прямых потерь – пропажа. Это отчасти объясняется тем, что часть купленных оленей ушла на свои родные места. Часть из них после вернулась к новым хозяевам. Но всё же в цифре этих потерь имеется гибель 189 молодых телят в колхозе «Красная Тундра». Гибель телят больше всего бывает весной при возвращении холодов: слабый организм новорождённых часто не выдерживает суровости полярных погод. 189 телят составляют 8,5% приплода. Зооминимумом по оленеводству, утверждённым недавно НКЗемом РСФСР, принято 10%.

Весь непроизводительный отход в обоих колхозах составляет 6,1% относительно стада с приплодом.

В 1926 году, когда все олени принадлежали единоличникам, непроизводительный отход составлял 8,4%. По пятилетнему плану, на 1930 год такой отход был запроектирован в 5,4%, при условии проведения ряда вет.-зоотехнических мер.

Небольшой процент (около 0,4%) гибели от волков является результатом пастьбы – постоянного нахождения пастухов при стаде. В 1926 г. в стадах единоличников погибшие от волков олени составляли 2,9% стада с приплодом.

Доходы, полученные непосредственно от оленеводства, и расходы по обоим колхозам можно представить в следующей краткой табличке: «Красная Тундра»…, расход – 57.545 руб., приход – 35.911 руб., прибыль – 21.634 руб. «Тундра»…, расход – 44.191, приход – 30.929, прибыль – 13.263 руб. В обоих…, расход – 101.737, приход – 66.840, прибыль – 34.897.

Приход слагается из стоимости продукции (мяса и шкур), стоимости прироста стада и разности (повышения) стоимости оленей вследствие перехода из низших возрастных групп в высшие.

Главнейшие статьи расхода – пастьба оленей и потери. На оплату пастухов в обоих колхозах израсходовано 27.608 рублей.

Пастьба одного сохранившегося до конца года оленя (включая и убитых для получения продукции) в колхозе «Красная Тундра» обходилась в 1 руб. 60 коп., а в колхозе «Тундра» – 2 руб. 84 коп.

Кроме оленеводства, оленеводческие колхозы занимаются рыболовством, перевозкой грузов на оленях и другими работами. Но все эти занятия по сравнению с оленеводством в этих двух

колхозах имеют небольшое значение. Так, на рыболовстве в 1930 году оба колхоза потерпели убыток: «Красная Тундра» – 3.244 р., а «Тундра» – 512 руб. На перевозках грузов «Красная Тундра» получил прибыли 214 руб., а «Тундра» – 560 руб. От прочих работ прибыли получено обоими 644 руб.

Весь баланс по счёту прибылей и убытков на 1/I-1931 г. в «Красной Тундре» равнялся 175.565 руб., а в «Тундре» – 6.653 р. Чистая прибыль от всех отраслей работы в первом колхозе была 18.123 руб., а во втором – 12.032 руб.

Так подробно я остановился на хозяйственной деятельности этих колхозов затем, чтобы дать представление о том, что из себя представляли первые оленеводческие колхозы как хозяйственные единицы в первый год своей работы.

Из приведённого видно, что это уже достаточно крупные и экономически достаточно сильные организации. Но при внимательном рассмотрении приведённых цифр не трудно заметить, что в отчётный период (1930) они ещё хромали на все ноги. Почему, например, в одном колхозе пастьба с головы оленя обходилась 1 руб. 60 коп., а в другом – 2 руб. 84 коп.? Почему оба колхоза на рыболовстве потерпели убыток? Почему потерялось значительное число оленей? А потому, что организация труда и в том, и в другом колхозе поставлена была неудовлетворительно. Пастухи находились на жалованьи, как чиновники. Каковы бы ни были результаты пастьбы, определённая поденная плата им была обеспечена. То же и рыбаки – они были поденные работники, получали не по результату работы, ни с количества улова, а за определённое число дней, проведённых на ловле.

В 1931 году все работники колхозов – пастухи, рыболовы и другие – перешли на сдельную плату. Всюду организовались бригады.

Пастьба колхозных оленей организована так: к стаду в 200 оленей прикрепляется бригада пастухов в 6 человек, из которых 1 старший. Бригада обязана сохранить стадо в определённых количествах. Непроизводительный отход в этом году определён для взрослых оленей в 5%, а для приплода этого года – 10%. Таким образом, нормой признаётся сохранение 90% молодняка и 95% оленей старше 1 года.

За каждого сохранившегося взрослого оленя пастухи получают 1 руб. 75 коп., а за каждого теленка по 1 руб. За каждого сохранившегося оленя сверх этой нормы выдаётся премия по 5 рублей. Оплата рассчитывается на всю бригаду, а между пастухами распределяется по числу проработанных трудодней, причём труд старшего пастуха оценивается выше труда младших.

При такой системе организации и оплаты труда результаты, несомненно, будут лучшие, чем были в 1930 г.

Оленеводческие колхозы только начинают жить. Но уже по началу видно, что очень скоро они превратятся в мощные организации социалистического хозяйства полярной тундры.

VI. Оленные совхозы.

Организация оленного совхоза началась в феврале-марте 1930 г. В настоящее время совхозных оленей имеется 10.500, не считая приплода этого года. Совхозных стад – 6. Одно из них находится на западе – в Полярном районе, к западу от Кольского залива. Остальные – на востоке – в Ловозерском и Понойском районах. Постановлением ОИК Мурманского округа организованы 3 совхоза.

Вся работа совхозов до настоящего времени заключалась в собирании оленей, в сколачивании стад, причём стада формировались из таких оленей, какие находились «под рукой». Поэтому состав общего совхозного стада, хотя и отличается от состава стад единоличников, но ещё не настолько, насколько это нужно совхозу: процент важенок в совхозных стадах перед отделом этого года был не больше 52% (считая и первородящих), тогда как нормально для начала работы совхоза нужно было бы 60%. Переконструировать стадо нужно в ближайшие 2 года. Чем выше процент важенок в стаде, тем рентабельнее хозяйство.

При организации совхозов у некоторых было стремление создать из него хозяйство с преобладающим коммерческим уклоном. Назначение, цели и задачи оленеводческого совхоза Мурманским Окрпланом в декабре 1930 г. сформулированы, а Мурманским Окрисполкомом утверждены в таком виде: «Задачи оленеводческих совхозов в округе – быть культурными оленеводческими хозяйствами, применяющими рациональные ме-

тоды ведения оленеводства с целью улучшения породы оленя, получение, возможно, большей и, возможно, лучшего качества продукции, при непрерывном росте стада. Совхозы должны быть образцами культурного оленеводческого хозяйства для оленеводческих колхозов, должны снабжать племенным материалом колхозы, попутно вести опытно-исследовательскую работу над своими стадами, результаты которой должны иметь значение для всего оленеводства. Кроме этого, оленные совхозы должны служить культурной базой для окружающего оленеводческого населения».

В настоящее время совхозы переходят в систему недавно организованного оленеводческого треста при НКЗеме РСФСР.

VII. Несколько слов о будущем.

По исчислениям, сделанным в 1926 г. (конечно, неточным, но других пока нет, и они могут быть лишь в результате съёмки и учёта пастбищ), в Мурманском округе может прокормиться триста тысяч оленей. 300.000 оленей в год могут дать 5.000 тонн мяса и 150.000 шкур, по современным ценам – всего на сумму 4,5–5 миллионов рублей.

Этого одного примера достаточно, чтобы понять, что всякие капитальные затраты на оленеводство, на его изучение, на постановку опытов по рационализации, как бы велики ни были, окупятся с большим избытком и в короткое время.

В оленеводстве Севера в настоящее время происходит огромный переворот. Тысячелетние традиции, живущие от времён каменного века, рушатся. Обычаи и навыки древних прадедов сменяются методами социалистического труда.

В этой отрывочно написанной статье я хотел дать краткое представление о происходящем перевороте в оленеводстве на примере Мурманского округа. *В. Алымов*.[25]

[25] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 7–8, 1931 г., «Мурманское оленеводство в 1931 году», с. 38–42.

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ЯРУСНОГО ЛОВА
(О ТЕКУЩИХ РАСХОДАХ ПРИ ЯРУСНОМ ЛОВЕ И О ВЕЛИЧИНЕ УЛОВОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПОКРЫТИЯ ИХ)

В настоящее время на Мурмане в так называемом «кустарном» тресковом промысле происходят коренные изменения. Коллективизация рыбацкого хозяйства по всему океанскому побережью – в Полярном и Териберском районах – в основном закончена. Производство – рыболовный промысел – целиком стало социалистическим. Но в технике промысла реконструкция происходит значительно медленнее. В особенности это имеет место в отношении перехода на новые орудия лова. В этой части реконструкция находится ещё в стадии опытов. Ещё до сих пор существует и широко распространён «подлев» – орудие, не изменившее своей конструкции со времён каменного века. Более быстро происходит реконструкция техники промысла в отношении рыболовных судов: парусный флот заменяется моторными судами. Как быстро растёт моторный рыбацкий флот, видно из следующих цифр: в 1925 году моторных судов всего было 34, в 1926 г. – 43, в 1927 г. – 68, в 1928 г. – 90, в 1929 г. – 100, в 1930 г. – 114, в 1931 году, в сентябре – 171. Растёт не только количество, но и качество судов. До 1931 года тоннаж моторного рыболовного судна редко превышал 10 тонн, с двигателем 15 сил. С этого же года в промысле стали участвовать моторные палубные бота грузоподъёмностью в 20 тонн и с двигателями в 30–35 сил. Эти бота изготовляются Мурманской судостроительной верфью. В 1931 году (до октября) ею уже сдано рыбацким колхозам не менее 30 судов и до конца года будет выпущено ещё около 50.

Но наряду с новыми моторными судами в промысле ещё участвует значительное число судов менее совершенных типов: открытые (беспалубные) парусные ботики, елы и даже карбаса. В этом году приходится констатировать полное исчезновение древней северной рыбацкой посудины – шняки, той самой шняки, о которой 30 лет назад исследователи промысла писали, что она – самое лучшее промысловое судно и что она является «мечтой рыбака».

От типа судна зависит промысловая мощность его, а от этого и производительность лова с него и, в связи с этим, конечно, и рентабельность работы на нём.

Производительность лова настолько тесно связана с типом судна, что даже уловистость, т.е. попадание рыбы на определённую единицу крючковой снасти, тем выше, чем совершеннее тип судна. Исследованиями 1925 года установлены такие цифры: на 1 тюк (150 крючков) моторный бот в среднем вылавливал 52 кг живой (нешкереной) рыбы, парусная ела и беспалубный парусный бот – 44 кг, а карбас – ещё меньше.

Величина уловистости на единицу снасти – основная величина для расчётов производительности того или иного типа судна, при том или ином количестве снасти. Например: парусная ела, работающая в среднем с 20 тюками и делающая за всё промысловое время 30 выездов, при средней уловистости в 44 кг, может всего за всё время выловить 20x30x44=26.400 кг.

Стоимость этого улова (по 11 коп. за кг) = 2.900 рублей. Это валовой доход. Но промысел требует затрат на наживку, на горючее для моторов, на снасть, на амортизацию судна и пр. Поэтому чистый доход, т.е. заработок рыбака (включая и отчисления в колхоз), будет ниже приведённой в примере цифры валового дохода.

В настоящей статье мы хотим вкратце познакомить с тем, из чего слагаются затраты на ярусный лов, в каких размерах распределяются они на единицу снасти и при какой средней величине улова на единицу снасти окупаются расходы на производство. Эти исчисления сделаны нами на основании существующих бытовых норм расхода горючего, расхода снасти, расхода наживки и на основании существующих цен – всё это для каждого типа судна отдельно. На первом примере приведём и метод исчисления. Для этого примера возьмём моторный бот грузоподъёмом 10–12 тонн, с машиной 15 сил, со средним числом работающих тюков 45. Исчисление сделаем на единицу снасти – 1 тюк (180 крючков).

Расход наживки исчисляется таким способом: по статистическим исследованиям 1925 г., на 1 тюк (150 крючков) расходовалось 2,6 кг мойвы, или одна рыбка весила 17,2 грамма. На современный тюк (180 крючков) нужно 3,1 кг мойвы. Стоимость 1 кг мойвы – 10 коп.

Стало быть, стоимость наживки мойвы, расходуемой на 1 тюк – 31 коп. Другой вид наживки – песчанка – весит меньше, но она стоит дороже, и стоимость этой наживки для тюка равна стоимости мойвы.

Дальше идёт обработка тюков: отбивка их, т.е. распутывание после предыдущего лова и развеска для просушивания и наживление, т.е. насаживание наживки на крючки. Этим делом занимаются маленькие рабочие – «зуйки», дети 11–15 лет, редко – взрослые. В последние годы за отвивку 1 тюка зуйкам платят 20–25 коп., за наживление – столько же; в среднем то и другое вместе обходится 45 коп.

Расход снасти исчисляется из расчёта службы её 2,5 года, т.е. годовой процент амортизации равен 40. Это при прежней интенсивности лова, когда в сезон судно в среднем делало 20 выездов в год. Другими словами, расход снасти за 1 выезд в море составляет 2%. Средняя стоимость тюка снасти – 18 руб. Следовательно, на 1 тюк за 1 выезд приходится расхода 36 коп.

Горючее и смазка, по бытовым нормам расхода, обходится 6 коп. сила-час. При средней длительности выезда 15 часов весь расход на 15-сильный мотор составит 13 р. 50 к. Это при работе 45 тюков. На 1 тюк приходится 30 коп.

Таким образом, все текущие расходы по данным статьям составят 1 руб. 42 коп.

Расход по амортизации судна вместе с такелажем и мотором, стоющего 8.000 руб., из расчета службы его в 525 выездов составит для 1 выезда 15 руб. 20 коп. На 1 тюк придётся 34 коп.

Кроме этого, есть ещё расходы по страхованию судна (полтора процента стоимости) и особый сбор (последний не всегда). Эти расходы составят около 25 коп. на 1 тюк.

Таким образом, все расходы могут быть представлены в следующей табличке: 1. Набивка – 31 коп., или 15,4%. 2 и 3. Отвивка и наживление – 45 коп., или 22,4%. 4. Расход снасти – 36 коп., или 17,9%. 5. Горючее и смазка – 30 коп., или 14,8%. 6. Амортизация судна – 34 коп., или 16,9%. 7. Платежи и по сборам – 25 коп., или 12,6%. Руб. 2.01, или 100%.

Таким образом, все расходы на 1 тюк (180 крючков) снасти на моторном 10–12-тонном боте при машине в 15 сил в среднем равны 2 рублям.

Средняя стоимость 1 килограмма рыбы (трески и её спутников), добываемой рыбаками, равна 11 коп.

Следовательно, чтобы оправдать все текущие расходы (кроме оплаты самих рыбаков), нужно, чтобы средний улов на 1 тюк был не ниже 18 килограммов.

Аналогично рассуждая относительно судов других типов, увидим, что затраты на 1 тюк для моторной елы составят 1 руб. 80 коп., для парусной елы – 1 руб. 55 коп., для карбаса – 1 руб. 48 коп.

Минимальный улов на 1 тюк, оправдывающий затраты на производство, для этих судов должен быть для моторной елы 16 кг, для парусной – 14 кг, для карбаса – 12 кг.

Большие моторные бота выпуска 1931 года ещё недостаточно испытаны на промысле, но и для них при работе 60 тюков в среднем можно приблизительно определить затраты на 1 тюк в 2 руб. 50 коп. (высоки амортизационные расходы). Необходимый же минимальный улов на 1 тюк должен составить 23 кг свежей (нешкеренной) рыбы.

Если заработок 1 ловца определить в 25 рублей за выезд, что не явится высокой оплатой, то стоимость рабочей силы на 1 тюк составит: на 20-тонном моторном боте при 7 работниках и 60 тюках – 2 р. 93 к., при 6 работниках – 2 р. 50 к.; на 10-тонном, при 5 людях и 45 тюках, – 2 р. 78 к., на моторной еле, при 3 людях и 30 тюках – 2 р. 50 коп., на парусной еле и парусном беспалубном боте, при 3 людях и 25 тюках – 3 руб.; на карбасе при 2 людях и 16 тюках – 3 р. 12 к.

Для получения такого заработка и покрытия всех перечисленных выше расходов необходимо на 1 тюк в среднем вылавливать: на 20-тонном моторном боте 45–49 кг, на 12-тонном – 43 кг, на моторной еле – 39 кг, на парусной еле – 41 кг, на карбасе – 42 кг.

Эти средние величины для моторных судов немного ниже средней уловистости, определённой исследованиями экономики промысла в 1925 году (Мурманский губстатотдел) и в 1930 г. (ГОИН), а для парусной – почти совпадают. По этим данным средний для всего сезона улов был: на моторных ботах 50–63 кг, на моторной еле – 51–52, на парусной еле – 39–44, на карбасе – около 40.

Из приведённых цифр, на первый взгляд, можно сделать ложный вывод, что лов на судах худшего типа одинаково рентабелен с ловом на судах высшего типа, потому что они требуют приблизительно

одинакового количества добычи для покрытия всех расходов и для получения достаточного заработка, приходящихся на единицу снасти.

Но это, конечно, не так. Чем судно мощнее, тем больше оно делает выездов в море в течение года, тем больше оно имеет снасти, и, стало быть, добыча его значительно больше добычи маломощного судна.

Например, большой моторный бот может сделать в год 50–60 выездов (на удебный и ярусный лов), моторная ела – 30–35, парусная ела – 25–30, карбас – 20.

Приведённые исчисления средних расходов на 1 тюк-снасти дают возможность ознакомиться, из чего состоят расходы на прибрежный ярусный лов, как велики они, и сколько в среднем нужно добыть рыбы, чтобы покрыть их и обеспечить рыбаку достаточный заработок, что очень важно знать при хозяйственном расчёте. Но необходимо добавить, что часто в течение длительных периодов рыбакам приходится работать при малой уловистости, едва оправдывающей текущие затраты. Смущаться этим не приходится, так как сплошного неуловистого времени не существует – плохие уловы сменяются хорошими. Кроме этого, при большой частоте выездов имеется больше шансов попасть на хорошие косяки рыбы, не прозевать подхода их.

Ловить нужно во всякое время – и в периоды малой уловистости, и в периоды большой. В особенности это важно теперь, при сплошной коллективизации рыбачества, когда десятки судов и сотни рыбаков представляют единое целое, способное непрерывно следить за ходом рыбы и вовремя захватывать движущиеся косяки. При таком положении невозможно будет прозевать подхода рыбы, как это часто бывало «в старину».

Непрерывный лов, невзирая на степень уловистости, – одно из главных условий выполнения плана. *В. Алымов.*[26]

[26] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 9–10, 1931, «Рентабельность ярусного лова (О текущих расходах при ярусном лове и о величине уловов, необходимых для покрытия их)», с. 39–40.

МУРМАНСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО В 1932 ГОДУ

В предыдущей статье о мурманском оленеводстве (Карело-Мурманский край № 7–8) уже были указаны общие установки пятилетки по мурманскому оленеводству. В настоящей приведём контрольные цифры на 1932 год, предварительно принятые мурманской окружной плановой комиссией, а также приведём и некоторые комментарии к ним.

Пятилетним планом число оленей на начало 1931 г. исчислялось в 67.000 голов, а на начало 1932 года – в 77.500. Но в последнее время у некоторых организаций, имеющих дело с оленеводством, стали возникать сомнения относительно точности этой цифры. Таким образом, прежде чем устанавливать контрольные цифры, необходимо было проверить исходную для этих цифр величину поголовья стада на 1 января 1932 г. Самым лучшим способом поверки явилась бы перепись оленей, но так как, по бытовым условиям оленеводческого населения, перепись возможно произвести только в период январь-март, то нужно было прибегнуть к другому способу исчисления, хотя бы и приблизительному.

Весной 1931 года в Мурманском округе введено страхование оленей. По данным РИКов, составленным для целей страхования, по районам имелись такие цифры (в круглых сотнях) поголовья оленей: в Ловозерском районе – 30.200, Понойском – 7.200, Кольско-Лопарском р. – 3.400, Полярном – 2.200, Терском – 4.300, Териберском – 1.400 = 48.700.

В Ловозерском районе были подсчитаны олени только старше 1 года. Если же прибавить первогодков – минимум 10% (фактически их больше), то получим в Ловозерском районе не менее 33.600 оленей, находящихся в колхозном и единоличном секторах, всего по округу в этих двух секторах было минимум 52.000 голов. В оленьих совхозах было 10.300, у разных организаций – около 1.000. Всего, таким образом, в округе, в начале 1931 года (до отёла) насчитывалось минимум 64.000 оленей, т.е. Около 96% – цифры, определённой пятилетним планом. 50% этого числа составляют

матки (путём запрещения убоя самок в последние 2 года удалось повысить процент маток). Из них яловых максимум 10%. Следовательно, весенний приплод составлял около 29.000 телят. Отход (гибель и пр.) в 1931 году определялся для взрослых 5%, а для молодняка – 10%. Убой местными регулирующими организациями в 1931 г. определён всего в 9.000 голов. Таким образом, на начало 1932 года можно исчислить всего оленей в 76.000 голов или 98% – цифры, определённой 5-летним планом. Эта цифра и принята исходной на 1 января 1932 г. Это – общее поголовье оленьего стада в округе.

Всё это количество по специальным секторам распределяется так: в колхозах – 25.000, в совхозе – 19.000, необобществлённых (у единоличников и рыбаков-колхозников) – 37.000. В процентном отношении это будет иметь такой вид: совхозы – 18,4, колхозы – 32,9, единоличники – 48,7.

По пятилетке на 1 января 1933 г. нужно иметь 87.000 оленей. Чтобы достигнуть этой цифры, годовой прирост стада необходимо принять в 14,5%, против 11,5% принятых 5-леткой. Но прирост этот в разных социальных секторах будет различный.

В частном секторе вследствие меньшего % маток он будет значительно ниже, чем в обобществлённом. Поэтому процент естественного прироста в общественном секторе надо поднять возможно выше. В предыдущие 2 года оленеводческие совхозы и колхозы покупали значительное число оленей. В совхозе и некоторых колхозах это необходимо было для создания основного стада. Но в 1931 г. главная установка роста стада должна быть на развитие внутренних ресурсов – на повышение процента естественного прироста. Покупка же оленей со стороны может быть допущена в минимальных размерах.

Повысить естественный прирост стада в 1932 году можно не только путём сокращения убоя, но и другими организационными мерами. Все намеченные к закупке олени должны быть приобретены в период январь-март, чтобы важенки могли телиться у нового хозяина.

Кроме этого, необходимо вести более энергичную борьбу с волками и болезнями и улучшить уход за молодняком.

Олентрестом (центральный орган оленных совхозов) намечены для мурманских совхозов такие цифры: на 1 января 1932 г. оленей 14.000, годовой прирост 10%, или 1.400, покупка – 3.600, на 1 января 1933 г. – 19.000 голов.

При повышении процента естественного прироста и при рациональном календарном распределении закупки оленей этого же эффекта можно достигнуть со значительно меньшими затратами. Наличие оленей на 1 января 1932 г. – 14.000, покупается в январе-марте 1932 г. – 1.500, состоит перед отёлом – 15.500, в том числе маток (52%) – 8.135, приплод (91% маток) – 7.400, не произв. отход (взросл. 3,5%, молодн. 10%) – 1.280, убой (самок % самц. стар. 1 г. – 10%, до года 50% – 2.620, наличие на 1 января 1933 г. – 19.000.

Естественный прирост стада при таком обороте его будет равен 22,6%. Продукция оленеводства (мясо и шкуры) дают более 80.000 рублей. Весь же годовой доход, если учесть стоимость естественного прироста 3.500 голов по 30 р. будет не менее 180.000 рублей. Такой хозяйственный эффект для оленного совхоза, только что выходящего из периода организации, будет достаточно хорошим. Получен он будет главным образом на базе внутренних ресурсов. Покупка оленей сокращается с 3.600 только до 1.500 голов.

Движение стада в оленеводческих колхозах намечается аналогично этому, причём годовой естественный прирост устанавливается в 18,9%.

Основные цифры движения колхозного стада таковы: на 1 января 1932 г. – 25.000, обобществляется в январе-марте – 3.800, покупается в тот же период – 1.200, приплод – 13.650, обобществляется после отела до конца года – 4.350, отход – 2.500, убой – 5.500, состоит на 1 января 1933 г. – 40.000.

Распределение оленей по социальным секторам на 1 января 1933 г. сравнительно с состоянием на 1 января 1932 года должно иметь такой вид: социальный сектор – совхозы – в январе 1932 года – 14.000 – 18,4%, в январе 1933 года – 19.000 – 21,8%, годовой прирост в % +35,8%. Колхозы – 25.000 – 32,9%, 40.000 – 46%, +60%. Единоличники – 37.000 – 48,7%, 28.000 – 32,2% -24,3%. Всего – 76.000 – 100%, 87.000 – 100%, +14,5%.

В оленеводстве завершается фундамент социалистического хозяйства. Оленеводство перестраивается коренным образом. Поэтому необходимы в этот период и значительные капиталовложения в него, обеспечивающие в дальнейшем и более быстрые темпы развития его и большие экономические эффекты.

В 1932 году все капитальные затраты, кроме затрат на покупку оленей совхозами и колхозами, предварительно намечаются в 800.000 рублей. По оленным совхозам они намечаются в размере 443.000 рублей, по колхозам – в 168.000 (не считая стоимости труда самих колхозников, по капитальным сооружениям в колхозах). По госбюджету – 198.000 рублей. Главнейшие капитальные затраты намечаются: 1) на земельное устройство территории, на которой распространено оленеводство; 2) на создание в совхозах центральной и районной баз, боен, морозилок, складов; 3) на строительство ветеринарных пунктов.

Коллективизация оленеводческих хозяйств в основном должна быть закончена в 1932 году. Таковы предварительные намётки главнейших контрольных цифр оленеводного хозяйства в 1932 году. В процессе дальнейшей проработки эти цифры будут уточняться. *В. Алымов*.[27]

[27] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 11–12, 1931, «Мурманское оленеводство в 1932 году», с. 58–59.

О БЫЛОМ ЕДИНСТВЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА «ГИПЕРБОРЕЕВ» И ЮЖАН

(ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ДРЕВНЕГО БЫТА, СУЩЕСТВУЮЩИХ В ЯЗЫКЕ ЛОПАРЕЙ)

В лопарском языке – этом языке охотников, рыболовов и оленеводов – до сих пор живут слова – свидетели того отдалённого хозяйственного быта, которым когда-то жили не только теперешние «отсталые» народы Крайнего Севера Евразии, но и нынешние обитатели южной Европы, обладающие высокоразвитой техникой. Слова эти говорят о когда-то бывшем единстве хозяйственного быта у этих, ныне далеко отстоящих друг от друга, групп.

Возьмём названия оленей. У лопарей олени имеют много названий: по полу, возрасту, хозяйственному назначению, масти, нраву. У меня записано до 50 названий, из которых около 30 – только по полу и возрасту. Я здесь возьму только три основных названия: самца-производителя, самки-производительницы и вообще оленя.

Самец-производитель (олень) у лопарей называется «сарьвесь», с различными лёгкими отклонениями в разных диалектах вроде: сарвес, сарвесь, цервас (Сосновский погост) и т.п. У русских это название вошло в обиход в виде «хирвас» (или «гирвас») и получило право литературного гражданства. У финнов оно имеет форму «хирви» и этим именем называется не олень, а лось.

Название «сарьвесь» олень-самец получил по своей самой выдающейся особенности – рогам. Олений рог у лопарей называется «чуэрв» или «чарв». По рогам же получил название и лось, которого лопари называют «сарв».

Латинское название оленя «цервус» (cervus) – это не простое совпадение с лопарским. Это – наиболее древнее европейское название оленя. Оно сохранилось и в других европейских языках, как памятник далёких времен. Но в лопарском языке происхождение этого слова ещё так ясно и до сих пор свежо: сарьвесь – рогатый.

Оленья самка, родящая и выкармливающая телят, по-лопарски называется «вааджь», «вайчь», «вайгь». Теперешнее русское ли-

тературное название оленьей самки «важенка» – переделка этого лопарского слова.

Сравнивая это лопарское слово с названиями коровы у романских народов: «вакка» (vacca) в латинском или «ваш» (vache) – во французском, приходится склониться к выводу, что последние имеют происхождение от лопарской важенки. Но здесь уже название оленьей самки, производящей и воспитывающей потомство, перенесено на другое домашнее животное, выполняющее такие же функции.

Олень вообще у лопарей называется «пуатц», «поадз», «боадз», «боадзай». И это лопарское слово имеется у южных народов, конечно, в изменённом виде. Латинское и греческое название быка «бос» (bos), «бус» (bous), а также и происходящие от него в других языках, по-моему, есть разновидности слова, существующего по настоящее время у лопарей для видового обозначения оленя. Лингвисты индоевропейской школы производили европейские названия быка и коровы от санскритского «го» (корова). Но это менее доказательно, чем связь латинского, греческого и других родственных им названий быка с лопарским названием оленя.

Олень – древнейшее из прирученных домашних животных (эту древность оспаривает только собака). Основные названия его, сохранившиеся до сих пор в лопарском языке, перешли на других, позднее прирученных животных, в том или ином отношении выполнявших те функции, которые первоначально выполняло единственное прирученное животное – олень, или же в каком-нибудь существенном отношении сходных.

Далее. У лопарей есть древнее слово «карт» или «гарт». Означает оно ограду, загородку, вообще огороженное место. Это слово имеется во множестве языков в форме: град, город, гард, гарден, гартен, кор, кур, хард и т.д. – в значении «город», «ограда», «огород», «двор» и т.п. Просматривая года три назад «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения», я нашёл там слово «карт» и у ингушей в значении «плетень» и даже каменной ограды для домашних животных.

Первоначальное значение слова «карт» – прототипа всех слов, означающих «город», «ограда» и т.п., – вероятно, было «огородка

для прирученного скота». И по тому, что у лопарей, очень долго не знавших никакого домашнего животного, кроме оленя, это слово до сих пор живёт в своей первоначальной чистоте, можно заключить, что первоначальное прямое значение слова «карт» было – «загон для прирученных оленей», впоследствии – загон для домашнего скота вообще, а далее – огороженное место, «огород», «город» и т.д.

Таким образом, это один из терминов первоначальной оседлости, возникших на первых ступенях её. Впоследствии, с развитием и усложнением хозяйственной жизни, этот термин перешёл и на более сложные понятия, сохраняя основное значение – охранять, огораживать, ограничивать территорию оседлости, концентрировать животное, растительное и человеческое население на сравнительно небольшой площади.

Далее. Кто, знакомясь с лопарями и их хозяйственным бытом, не удивлялся их оригинальной оленной повозке «кережке», саням в виде лодочки?

Эти сани-лодочка по-лопарски называются «кересь» или «керресь». Такой «посудины», как лопарская кережка, нет ни у одного другого народа. Несомненно, она развилась из лодки. Древние рыбаки-охотники, до приручения оленя пользовавшиеся лодкой как средством передвижения по воде, приручив его, приспособили лодку для передвижения по земле.

Приручение первого животного – оленя имело целью пользоваться им для передвижения по земле. Первым «экипажем» была «керресь».

И это слово, означающее первую повозку, в которую человек запряг первое прирученное им транспортное животное, явилось родоначальником многих европейских (и других) слов. Латинское слово «каррус» (carrus), французские carrosse, cariole, немецкие karosse, karre, русское – «карета» и т.д., имеющие значение повозки, тележки, тачки и даже вагона, суть потомки до ныне сохраняющейся у лопарей «керресь».

Далее. Лопарские селения – погосты, деревни, даже небольшие посёлки в два-три жилища – называются: «сейт», «сийт», «сит». И это живое лопарское слово имеет многих родственников в европейских языках. И первоначальный смысл этих слов одинаков с лопарским.

В родстве с этим «сийт» находятся многие слова, означающие место жительства, понятие сидеть на одном месте, вообще сидеть и т.п.

Первоначальное значение этого слова (сийт) – место оседлости, место наиболее продолжительного пребывания. Этот термин возник в эпоху перехода охотников от кочевой жизни к полуоседлой. Иллюстрации к такому переходному состоянию имеются и сейчас. У большинства наших лопарей погосты-сийты служат местом сезонных пребываний, например: зимний Семи-островский погост – Вэрьял сийт – служит местом обитания с декабря по апрель, летний Семи-островский на реке Варзиной – Арсйок-сийт – с мая до сентября. В прочие времена лопари этого погоста передвигаются по тундре или за оленем, или за рыбой. Места постоянной оседлости также называются «сийт».

Таким образом, слова, обозначающие термины первоначальной оседлости: первое прирученное животное (сарвесь, ваджь, боадз), первое сооружение для охраны этого животного (карт), повозку (керресь), в которую впрягалось это первое прирученное животное, первоначальное оседлое поселение (сийт), – слова, живущие в своём более чистом виде в лопарском языке, имеют родственников у народов далёкого юга.

Это указывает на то, что когда-то, в отдалённые времена и те, и другие народы – и теперешние «гипербореи», и теперешние южане – одновременно жили одним хозяйственным бытом, переходным от кочевого к оседлому. Они, вернее всего, были охотники и рыболовы, приручившие оленя для целей хозяйственного освоения наибольших промысловых территорий.

Жить единым хозяйственным бытом – охотника, рыболова, оленевода – эти народы могли тогда, когда и природные условия были для тех и других одинаковы или, во всяком случае, не имели резкой разницы. А это могло быть в эпоху одного из оледенений европейско-азиатского материка, когда северные льды простирались далеко на юг, а с горных цепей и массивов – Альп, Пиренеев, Кавказа, Урала и др. – сползали ледники, и всё это вместе значительно сокращало площадь обитания людей и делало климатические условия суровее и однообразнее.

Последнее движение льдов с севера на юг и с гор в долины было уже после того, как ледниковый период в общем закончился. Это была так называемая «бюлльская стадия» движения ледников. В Европе тогда преобладала тундра. Главным зверем тундры был северный олень. У историков культуры это время называется «мадленской эпохой» каменного века (названа так по пещере Мадлен во Франции, где были найдены типичные для той эпохи орудия) и ещё «эпохой северного оленя». Последнее название дано по обилию остатков северного оленя и обилию изделий из кости северного оленя, находимых на стоянках человека той эпохи.

Возможно, что к этой эпохе и относится близкое сожительство, единство хозяйственного быта и единство языка народов, ныне далеко отстоящих друг от друга. Возможно, что в эту эпоху и зародилось в Европе оленеводство – приручение северного оленя с целью освоения возможно больших охотничьих территорий.

С отступанием льдов и изменением климатических условий дифференцировалось и хозяйство. Охота, рыболовство и транспортное оленеводство продолжали сохраняться, но вместе с их сохранением возникли и новые отрасли – степное скотоводство, земледелие. Оленные охотники-рыболовы двигались следом за тундрой и лесотундрой, по мере их продвижения всё дальше на север, сохраняя в основном свой прежний хозяйственный быт и свой язык, соответствующий этому быту. Оставшиеся в «тёплых краях» развивали скотоводство и земледелие. Язык их изменялся, совершенствовался, благодаря развитию техники делался богаче словами, расслаивался соответственно социальным группировкам населения; но на многие новые предметы и явления переносились старые термины, имеющие аналогичное значение. Корова назвалась именем оленьей самки-производительницы, селение – город – именем оленьего «огорода» или «сийта»; первого селения оленных охотников-рыболовов; повозка, даже колёсная – именем саней-лодочки и т.д. Все приведённые выше слова, существующие до сих пор в языках южан, – пережитки отдалённых эпох и того хозяйственного быта, которым в эти эпохи жило население Европы и который в настоящее время в существенных частях ещё

сохраняется у многих приполярных северян, в том числе и у лопарей Мурманского края.

P.S. На днях мне пришлось ознакомиться с книгой А.Р. Зифельдт-Симумяги Uralo-altaica, «изд. Общества обследования и изучения Азербайджана в Баку в 1928 г. В этой книге автор, на основании сравнительного изучения терминов, относящихся к природе и первобытной культуре, многих урало-алтайских языков, приходит к такому же выводу относительно былой совместной жизни многих южан и северян. Совместную жизнь в прошлом урало-алтайцев, тунгусов и монголов он относит к ледниковому периоду. Пользование одинаковым методом приводит к одинаковым выводам. *В. Алымов.*[28]

[28] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 3–4, 1932, «О былом единстве хозяйственного быта «гиперборeев» и южан (По поводу некоторых терминов древнего быта, существующих в языке лопарей)», с. 78–79.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У ЛОПАРЕЙ К 15-Й ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ

В 1932 г. в истории саамского (лопарского) народа, живущего на Кольском полуострове, произошло событие большой важности – появились первые школьные учителя, вышедшие из его среды. Саамский народ до сих пор не имел своей интеллигенции. Ни педагогов, ни медицинских работников, ни техников не выходило из среды этого полуоседлого рыболовно-оленеводческого народа.

До последнего времени саамский народ был наименее грамотным народом из всех народностей, населяющих Кольский полуостров: 6 лет назад, во время переписи, только 16,5% населения (старше 8 лет) были грамотными. У других народов, рядом с ним живущих, – ненцев (самоедов), коми (ижемцев) – грамотность была выше: у первых – вдвое, у вторых – втрое.

Школьное дело у этого древнего народа не насчитывает и 50 лет существования. Первая школа возникла в феврале 1888 г. – в Пазрецком погосте (ныне находящемся в Финляндии); вторая – в январе 1889 г. – в Нотозерском; за ними, спустя 10–12 лет, открылись школы в погостах Ловозерском и Кильдинском. Накануне революции были школы, кроме этих, в погостах: Сонгельском (ныне в Финляндии) и в Иокангском. Во всех школах обучалось 30–35% детей школьного возраста.

С первого взгляда, дело обстояло как будто бы удовлетворительно. Но если вспомнить, что это были школы церковно-приходские, с поповским «уклоном», то увидим, что внешнее благополучие не соответствовало внутреннему. Перед нами лежит один из «учебников», по которым обучали лопарей в этих школах: «Азбука для лопарей, издание православного миссионерского общества 1895 г.». То, что приведём из этого учебника, может иллюстрировать всё преподавание в этих школах. На стр. 17 и 18 этого «учебника» предлагалось маленьким лопарским детям выучивать такие названия одежд: «риза, подризник, стихарь, орарь, епитрахиль, митра, камилавка»… и т.д. Или названия книг:

«библия, апостол, часослов, октоих, минея»… и т.д. Или такие слова: «просфора, миро, елей»…

Комментарии к этой иллюстрации не нужны.

Октябрьская революция уничтожила поповскую школу. Но ещё долго не удаётся поставить саамскую школу на нормальные рельсы. Ещё долго школа носит тип сезонной школы, зависимой от полукочевого быта саамов – работающей 4–5 месяцев в году. Преподавание, вследствие отсутствия письменности у саамов и учителей, знающих саамский язык, до сих пор ведётся на русском языке. Только в 1929 г. появляются школы-интернаты, что даёт возможность охватить большее число детей полуоседлого населения и удлинить учебный год. В 1931–1932 учебном году почти осуществлено всеобщее обучение; вне школы находились несколько детей Понойского района.

В истекшем году саамские дети обучались в следующих школах:

1. В Кольско-Лопарском районе: в Кильдинской, Нотозерской, Пулозерской, Бабинской.

2. В Ловозерском районе: в Ловозерской, Ивановской, Семиостровской, Воронежской.

3. В Понойском районе: в Иокангской и Сосновской.

Кроме этих, по несколько детей было в школах Полярного и Кольско-Лопарского районов (в Озерках, Зап. Лице, Грязной губе, на Имандре).

Интернаты находятся при школах Нотозерской, Бабинской, Ловозерской и Ивановской. Во всех школах в 1931–1932 г. обучалось около 200 детей.

Но, несмотря на такие благоприятные количественные показатели, качественная сторона ещё далеко не удовлетворительна: вследствие ненормально короткого учебного года и слабого охвата детей школой в предшествующие годы ещё очень незначительно число детей, окончивших школу первой ступени, и до последнего времени не было окончивших школу повышенного типа.

Обучение саамских детей в школах повышенного типа начинается с 1925–1926 г. В этот год был направлен на учебу в Институт Народов Севера (в Ленинград) один саам – это был первый студент из саамского народа. В следующие годы за ним последовали дру-

гие. В 1931–1932 г. в Институте уже обучалось 18 представителей саамской народности, в числе которых было 6 женщин.

До 1931 г. Институт Народов Севера был единственным учреждением, где могли подготовляться кадры культурных работников из саамского народа. В этом (1931) году возник второй очаг – уже для подготовки специальных кадров: при Мурманском педагогическом техникуме, по постановлению СНК РСФСР, было открыто саамское отделение.

Как уже сказано, среди саамов не имелось людей с достаточной школьной подготовкой, поэтому при саамском отделении педтехникума были образованы подготовительные группы. В этом году (1931–1932) на саамском отделении обучалось 11 подростков (10 мальчиков и 1 девочка).

В курс преподавания, кроме обычных для такой школы предметов, были введены занятия родным – саамским – языком. Это были первые систематические школьные занятия саамов родным языком. Занятия эти заключались в ознакомлении с только что выработанным Институтом Народов Севера и тогда ещё не опубликованным северным алфавитом и в обучении письму на родном языке. Саамская народность, как и другие северные народности, до 1931 г. была бесписьменной. Поэтому эти занятия приобретали особую важность.

Ученики очень быстро освоились с латинизированным северным алфавитом, который они сразу же назвали «лопарскими буквами», быстро научились излагать свои мысли своими словами, на своем языке, своими буквами. Писали сочинения на заданные или выбранные самими темы.

Саамское отделение Мурманского педтехникума стало пользоваться популярностью среди саамского населения – правда, пока ближайших погостов. В октябре 1932 г. на нём обучается уже 29 человек, из них 7 – девочки. В числе преподавателей имеется 1 саам – первый лопарский (саамский) учитель, в 1932 г. окончивший Институт Народов Севера.

Кроме Института Народов Севера и Мурманского педтехникума, имеется ещё 3 саама в Мурманской Совпартшколе. Таким образом, к 15-летию Октябрьской Революции на повышенной учебе

находилось 46 представителей саамской народности: в Институте Народов Севера – 14, из них 8 – женщины, в Мурманском педагогическом техникуме – 29, из них 7 – женщины, в Мурманской Совпартшколе – 3. Всего – 46, из них 15 – женщины.

Бросая беглый взгляд на состояние народного образования у саамов, видим, что несмотря на многие, пока ещё не изжитые недостатки, имеются неоспоримые крупные достижения: введено всеобщее обучение, строятся школы-интернаты, появились школы повышенного типа, имеется свыше 40 студентов – представителей этой народности, появились первые два учителя, вышедшие из среды её. Из этих двух учителей одна – женщина, первая лопарская учительница. Это последнее явление необходимо отметить особенно, как первую победу саамской (лопарской) женщины в борьбе за социалистическую культуру.

Настоящая статья начинается сообщением о появлении первых учителей-саамов. В конце её необходимо сообщить некоторые данные об этих первых учителях. Первый саамский учитель – Иван Андреевич Осипов окончил Институт Народов Севера в 1932 г. Он был первым студентом из лопарей. Происходит из рыбацко-оленеводческой семьи Нотозерского саамского национального сельсовета Кольско-Лопарского района. До 1925 г. занимался рыболовством, охотой и оленеводством. В настоящее время преподаёт на саамском отделении Мурманского педагогического техникума. Первая саамская учительница – Анастасия Лукинична Матрехина состоит с 1927 г. студенткой института Народов Севера, находится в Округе на годичной педагогической практике. Происходит из рыбацко-оленеводческой семьи Иокангского Национального Саамского сельсовета Понойского района. В 1931 г. работала по организации культштаба и культработы среди саамов Понойского района.

Вместе с ними необходимо также отметить и другого из первых двух саамов, окончивших Институт Народов Севера, – Адриана Ионовича Герасимова. Он работает по коллективизации среди оленеводов и состоит заместителем председателя Кольско-Лопарского Райколхозсоюза.

Преобладающее мнение, существовавшее до революции относительно саамского народа, сводилось к тому, что этот народ –

вымирающий, неспособный к дальнейшему развитию. Вот как формулировал взгляд на судьбу лопарей (саамов) один из учёных начала 1900-х годов «…в один прекрасный и неизбежно близкий день он (лопарский народ – В.А.) исчезнет совершенно незаметно… Никто не будет сожалеть об исчезновении ленивого нетрудоспособного, грязного лопарского племени, их место будет занято более сильной человеческой расой…»

Идеологи «сильных рас», пророчествовавшие и приветствовавшие близкую гибель саамского народа, ошиблись. Они не могли предвидеть одного обстоятельства – Октябрьской революции и национальной политики ленинской большевистской партии, открывшей новый путь развития малым народностям. *В. Алымов*.[29]

[29] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 7–8, 1932, «Народное образование у лопарей к 15-й Октябрьской годовщине», с. 17–19.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МУРМАНСКОГО ОКРУГА В ПЕРВОМ ПЯТИЛЕТИИ

До начала выполнения первого пятилетнего плана в 1928 году промышленность Мурманского округа была представлена следующими отраслями: рыбной, лесной (лесозаготовками), лесопильной, строительных материалов, металлической (механические судоремонтные мастерские), деревянного судостроения и ещё двумя-тремя отраслями. Наиболее крупными отраслями промышленности были рыбная и лесная (лесозаготовки). Продукция этих двух отраслей в 1928 году составляла 90% всей продукции промышленности округа. Рыбной промышленностью (включая и рыбные промысла) занимались Севгосрыбтрест (ныне Севтралтрест), несколько мелких организаций и около 3.000 ловцов, частью объединённых в мелкие артели – уставные и бытовые, частью единоличников. Рыбацких колхозов тогда ещё не было. У Севтралтреста было несколько тральщиков, ловивших рыбу в море, и небольшой комплекс рыбообрабатывающих предприятий Траловой базы, причём обработка рыбы преимущественно состояла в посоле – выпуске солёного товара. Кроме этого, у Севтралтреста, Севзапсоюза и Желрыбы были фактории на Мурманском берегу, также занимавшиеся разделкой и обработкой скупленной у рыбаков трески. Лесная промышленность состояла в заготовке леса б. Колонизационным отделом Мурманской ж.д. Прочая промышленность за исключением одного чисто фабрично-заводского предприятия – Умбского лесопильного завода – носила характер подсобных или обслуживающих предприятий и была представлена мелкими заведениями с небольшим числом рабочих. Вот данные о численности рабочих в промышленности округа в 1928 году (кроме рыбной и лесной).

Умбский лесопильный завод – 288 чел. Шонгуйский кирпичный завод (сезонно) – 75 чел. Механические мастерские порта – 45 чел. Механические мастерские Севтралтреста – 79 чел. Судоверфь (дерев. судостр.) – 62 чел. Городская электростанция – 35 чел. Типография – 9 чел.

Были ещё ж.-д. мастерские в Мурманске, водопровод с 14 рабочими и несколько предприятий мелкой промышленности с незначительным числом рабочих.

В рыбной промышленности было занято всего вместе с сезонными ловцами 6.600 человек, в лесной – 800 человек. Из 6.600 человек, занятых в рыбной промышленности, на тральщиках было не более 450, в обрабатывающих предприятиях – 200.

Продукция каждой отрасли в 1928 году в ценах 1926–1927 года определялась в таких цифрах (в тысячах рублей).

Отрасль промышленности. Рыбная продукция – 7.942 – удельный вес в проц. – 62,4%. Зверобойная (морская) – 1 – 0,2%. Лесная – 3.494 – 27,5%. Лесопильная – 785 – 6,2%. Металлическая – 58 – 0,4%. Кирпичное производство – 58 – 0,7%. Деревянн. судостроение – 27 – 0,2%. Полиграфическая – 11 – 0,1%. Мелк. кооперированная – 100 – 0,7%. Электроснабжение – 150 – 1,2%. Водоснабжение – 53 – 0,4%. Всего: 12.729 – 100%.

Такова в кратких чертах была промышленность Мурманского округа накануне первой пятилетки.

Несмотря на значительное развитие тралового рыбного лова в 1928 году, всё же рыбную промышленность Мурмана в то время скорей можно было назвать промыслами, чем промышленностью: большая часть людей, занятых в рыбной промышленности, была занята на прибрежном лове, работала сезонно, занималась добыванием рыбы. Ловецкий флот был преимущественно парусный, малой грузоподъёмности.

С начала первой пятилетки рыбные промыслы быстро развиваются в промышленность. Растёт число тральщиков, усиленным темпом моторизируется рыбацкий флот, возникает ряд рыбообрабатывающих предприятий.

Округ быстро становится промышленным районом, индустриализируется. Возникает непредусмотренная первыми вариантами пятилетнего плана горная промышленность, вызывающая к жизни горно-химическую; расширяется лесопильная промышленность, судостроение, производство кирпича.

В 1928 году всего было 10 промышленных предприятий, с общим числом рабочих менее тысячи человек.

В период первой пятилетки (1929–1932 гг.) возникло 28 промышленных предприятий, представляющих собою, по принятой классификации промышленности, 15 отраслей. По отдельным годам промышленные предприятия возникали в таких количествах: 1929 – число предприятий – 1 – число рабочих на них в конце 1932 года – 70, 1930 – 4 – 1.604, 1931 – 12 – 1.543, 1932 – 11 – 949 (в 10). За 4 г. – 28 – 4.166.

Кроме того, за 4 года вошли в строй более 40 новых тральщиков отечественного и иностранного производства. Каждый тральщик по существу является отдельной плавучей фабрикой: он не только ловит, он и обрабатывает рыбу, и перерабатывает рыбные продукты.

По отдельным отраслям промышленности возникшие в период первой пятилетки предприятия распределяются так: добыча руды – 1, обогащение руды – 1, обработка рыбы и выработка рыбных продуктов – 5, химическая и химико-фармацевтическая – 2, металлическая и судоремонтная – 3, производство кирпича – 4, лесопиление – 2, обработка дерева – 4, подсобные к рыбной промышленности – 3, электростанция – 2, прочие – 1.

Всеми этими предприятиями за 1932 год выработано продукции на сумму 26.328 тысяч рублей по ценам 1926–1927 г., или 43% продукции всей промышленности округа, исключая стоимость добычи тральщиков, но включая стоимость готового товара рыбной продукции. Со времени своего возникновения все эти предприятия дали всего продукции на 42.451 тыс. рублей. Из этой суммы свыше 26 миллионов приходится на долю апатитовой промышленности и около 10 миллионов рублей на долю новых рыбообрабатывающих (без тральщиков) и вспомогательных предприятий Севтралтреста.

Последний 1932 год пятилетки в 4 года даёт картину коренного изменения экономического лица Мурманского округа.

Вновь возник целый ряд новых отраслей, высокий процент роста говорит о реконструкции или крупном расширении ранее существовавших производств. Рыбная промышленность Севтралтреста в настоящее время представляет целый комбинат предприятий и производств. Тральщики – мощные плавучие предприятия – ловят рыбу, обрабатывают её частью или полностью, вытапливают жир

и т.д. На берегу, на Траловой базе происходит дальнейшая обработка привезённой тральщиками рыбы, изготовление рыбных продуктов, переработка отходов. На базе имеются: посолочный завод, холодильник, фабрика для изготовления рыбного филе, коптильный завод, завод для фильтровки рыбьего жира, завод рыбной муки и утилизации рыбных отходов, деревообделочный комбинат для изготовления тары и пр., механические мастерские, развивающиеся в мощный судоремонтный завод, тралово-такелажные мастерские, электростанция мощностью 1.000 киловатт, угольная база, транспорт водный и сухопутный.

Трест «Апатит» – тоже комбинат производств: рудодобыча, обогатительная фабрика, фосфорный завод, электростанция мощностью свыше 6.000 кВт, ряд изыскательских предприятий и экспедиций.

И тот, и другой развивают огромное промышленное, коммунальное, социально-культурно-бытовое и жилищное строительство.

И расширение первого комбината, и возникновение второго – всё это происходит в период первой пятилетки.

По натуральным показателям рыбная промышленность росла в таких размерах: 1928 – всего добыто рыбы в тыс. тонн – 35,8 – в том числе траловым ловом – 22,6. 1929 – 54 – 37,4. 1930 – 51 – 39. 1931 – 84,7 – 54. 1932 – 86 – 54,2.

Сельдь, ранее вылавливаемая в ничтожных количествах, в последние годы стала добываться в больших, до сего времени никогда неизвестных размерах:

В 1928 году было добыто сельди 0,8 тыс. тонн, в 1929 году – 0,3 тыс. тонн, в 1930 году – 1,1 тыс. тонн, в 1931 году – 21 тыс. тонн, в 1932 году – 28 тыс. тонн.

По горной и горно-химической промышленности до 1930 г. нет промышленной добычи апатитовый руды, выработка концентрата («апатитовой муки») начинается только с 1931 г., а уже в 1932 году добыто 385 тыс. тонн руды и 158 тыс. тонн концентрата.

Продукция всей промышленности округа в первой пятилетке и удельный вес каждой отрасли в этот период характеризуются следующими цифрами: отрасли: рыбная (добыча, обработка, переработка) – продукция за 4 года (1929–1932 гг.) в тыс. руб. по ценам 1926/27 г. – 76.982 – процент к общему итогу – 47,8%. Под-

собная к рыбной (тралово-такелажная, сетевязальная, паросиловая) – 1.371 – 0,8%. Зверобойная – 1.465 – 0,9%. Горно-химическая (добыча апатитовой руды, её обогащение) – 26.144 – 16,2%. Лесная (лесозаготовки) – 24.537 – 15,3%. Лесопильная – 7.759 – 4,8%. Деревообрабатывающая – 2.820 – 1.6%. Деревянное судостроение – 4.380 – 2,7%. Металлическая (механ. мастерские, судоремонт и т.п. – 6.623 – 4,1%. Производство кирпича – 790 – 0,5%. Полиграфическая – 596 – 0,4%. Мелкая кооперированная – 3.353 – 2,1%. Прочая – 1.231 – 0,8%. Электростанции – 3.121 – 2%. Всего – 161.162 – 100%.

Таковы цифровые показатели промышленности первой пятилетки Мурманского округа.

Кроме промышленности, в округе есть и сельское хозяйство, есть оленеводство, пушной промысел. Но всё это в сравнении с промышленностью невелико по своей продукции. Их рост – во второй пятилетке. Продукция сельских хозяйств, главным образом, возникших в последние 2 года первой пятилетки совхозов, в 1932 году составляла около 900 тыс. рублей по ценам 1926–1927 г., продукция оленеводства – около 350 тыс. рублей, охоты – около 50 тыс., а всего – около 1.300 тыс. рублей. Удельный вес продукции всех этих отраслей в 1932 г. составлял около 2%.

Из этих сопоставлений видно, что Мурманский округ – не только промышленный район, но район индустриальный. *В. Алымов.*[30]

[30] Алымов В.К. «Карело-Мурманский край», № 9–10, 1933, «Промышленность Мурманского округа в первом пятилетии», с. 4–8.

МУРМАНСКИЙ КРАЙ

Мурманский округ занимает Кольский полуостров и территорию к западу от него до границы с Финляндией. С севера его ограничивает Баренцево море, с востока и юга – Белое. На юге он соприкасается с Карельской АССР. За исключением части Терского района на Белом море округ лежит за полярным кругом. Его площадь – 117 тыс. км.

На западе округ представляет собой озёрную, горную и лесную страну, изрезанную невысокими горными массивными, носящими названия «тундр»: Чуна-тундра, Монче-тундра, Волчья тундра, Сальная тундра и ряд других. Здесь находится самое большое озеро на Кольском полуострове – Имандра, его площадь – 852 км^2. На востоке от оз. Имандры возвышается самый мощный на полуострове горный массив, недавно ставшие знаменитыми Хибинские горы, по-саамски называемые Умптек. Хибины – щелочный массив с практически неисчерпаемыми запасами фосфоросодержащего минерала – апатита (миллиарды тонн), нефелина, сфена, редких земель и др.

Далее к востоку за озером Умпьявр высится горный массив Луяврурт – Ловозерские горы. Он также хранит в себе большие богатства: эвдиалит, содержащий цирконий, породы, содержащие ниобий, тантал и другие редкие металлы. Далее к востоку горы становятся ниже, местность – менее пересеченной, озёра – меньше, лес переходит в лесотундру, ещё далее простирается каменистая тундра с типичной тундровой растительностью: карликовыми берёзами и ивой, низкорослыми кустарниками, ягодниками; необъятные пространства покрыты ягельниками. Здесь в широтном направлении протекает самая крупная река полуострова Поной с десятками притоков.

Эта восточная часть полуострова представляет обширные оленьи пастбища. Здесь живёт и кормится большая часть оленьего стада округа.

Северная и северо-восточная части территории округа безлесны, растительность тут тундровая. Мурманский берег у моря – оголённая скала, рассечённая реками и ручьями. Вглубь материк покрыт тундровой растительностью, по узким долинам рек и ручьёв – заросли кустарников, встречаются рощи кривых невысо-

ких берёз, группы сосен. У устьев наиболее крупных рек, впадающих в море, расположены селения мурманских рыбаков.

На этом побережье живут рыбаки, преимущественно ловцы сёмги, потомки первых постоянных русских поселенцев на Кольском полуострове (XV–XVII вв.).

Внутри полуострова на обширных тундровых пастбищах развито оленеводство, которым занимаются исконные жители европейского приполярного севера и в частности Кольского полуострова – саами и пришлые с Канина полуострова и Печоры оленеводы – коми и ненцы. Они переселились на Кольский полуостров между 1887–1920 гг.

В северо-западной части округа, по побережью западного Мурмана, а также в некоторых местах западной части округа живут финны, выходцы из Финляндии, заселившие эти места между 1860–1920 гг.

На рыбачьем полуострове, на открытом берегу Баренцева моря, обитают норвежцы; первые поселенцы пришли сюда из Норвегии между 1860–1870 гг. Селение Цыпнавалок – единственное в СССР норвежское селение с единственным в мире норвежскими сельсоветом и колхозом.

До империалистической войны Мурманский округ – тогда Александровский уезд Архангельской губернии – представлял отдалённую от административных и культурных центров, не связанную постоянными путями сообщения окраину. Издавна, со времён Ивана Грозного, эта окраина служила местом ссылки. Сюда ссылались деятели раскола середины XVII в. Здесь отбывали ссылку восставшие против Москвы соловецкие монахи, участники «соловецкого сидения» (1660–1670 гг.). Сюда по сентенции Верховного суда в 1776 г. после наказания были сосланы ближайшие сподвижники Емельяна Ивановича Пугачёва. Здесь перебывали и семидесятники и революционеры 1906–1910 гг.

Главные занятия жителей этого округа накануне войны составляли морской лов трески вблизи Мурманского побережья, лов сёмги и озёрной рыбы, оленеводство и охота. Фабрично-заводская промышленность состояла из двух лесопильных заводов с общим числом рабочих 350–450 чел.

Главной отраслью хозяйства были морские рыбные промыслы трески. Местных рыбаков было мало, большую часть составляли приходившие на лов из Карелии и Поморья. Лов производили на крючковую

снасть – «яруса» (переметы с 3.000–8.000 крючков) и «поддевы» (голый крючок без наживки); рыбацкие суда были, за редким исключением, беспалубные древнего образца «шнеки» и более нового – «йолы», моторные суда насчитывались единицами, двигатели на них были маломощные и принадлежали они не рыбакам, а предпринимателям.

Несмотря на то, что в лове трески участвовали 3–4 тыс. ловцов, общая добыча рыбы была невелика. Средний улов трески в период 1880–1913 гг. составлял 12,5 тыс. тонн. Лова сельди как товарной продукции не было: она шла только для наживки, когда не было мойвы или песчанки, и для личного потребления немногих семей. Сёмги добывалось 250–350 тонн. Озёрная рыба почти не имела товарного значения. Бой морского зверя (тюленя) производился примитивнейшими способами вблизи берегов в горле Белого моря; размеры добычи резко колебались, редко достигая 10–15 тыс. голов.

Вся валовая продукция рыбных и зверобойных промыслов, исчисленная в ценах 1926/27 г., в предвоенные годы составляла 2,5 млн руб. Продукция лесозаготовок и лесопильных заводов составляла приблизительно такую же сумму. Оленеводство, охота и сельское хозяйство вместе давали продукции на 450–470 тыс. руб. и разные прочие промыслы – около 50 тыс. руб. Таким образом, стоимость валовой продукции всех отраслей народного хозяйства не превышала 5–5,5 млн руб. Продукция сельского хозяйства, озёрного лова рыбы и значительная часть продукции оленеводства не имели товарного значения.

Всё население на современной территории округа в 1913 г. исчислялось в 9,5 тыс. чел. Крупнейшими населенными местами были административный центр Александровск (ныне Полярное) с 600 жителей, Кола – с таким же количеством населения и Варзуге – на несколько десятков больше. Городское население состояло из 1.200 чел. Это были чиновники, торговцы, рыбаки и их семьи.

Все культурные учреждения края – 15 начальных школ.

Здравоохранения почти не было. В Александровске был один врач, единственный на весь полуостров, и 3–4 фельдшера. В сезон рыбного промысла медицинская помощь усиливалась приезжими врачами и фельдшерами Красного креста. Всё население внутренней части полуострова и отдалённых окраин его, в особенности полукочевое саамское население, никогда не видало у себя работников медицины.

Весной и осенью, во время распутицы, месяца на два в каждый период, прекращалось всякое сообщение, кроме телеграфного. Одна-единственная проволока линии Кемь – Александровск связывала некоторые места этой окраины с остальным миром.

Исправники, три пристава и около десятка урядников управляли этим обширным краем.

Таково было состояние Мурманского края накануне империалистической войны.

С началом империалистической войны внимание царской России в связи с блокадой Балтийского и Чёрного морей германской коалицией в поисках выхода в открытое море обратилось к Мурману. Началось лихорадочная стройка железной дороги. Дорога строилась в 1915–1916 гг. В конце 1916 г. прошёл первый сквозной поезд Петроград – Мурман. Тысячи людей разных национальностей, подданных царской России и военнопленных погибли на постройке дороги от тифа, цинги и других болезней.

Цели, для каких строилась дорога, были исключительно военные. Этим путём пошли из Америки и Англии оружие и другие военные грузы.

В самом начале постройки дороги, в апреле 1915 г., в конечном пункте железнодорожной линии, на берегу Кольского залива на пустынном месте возник рабочий посёлок – будущий Мурманск. Здесь же было положено начало будущему Мурманскому порту, тогда небольшая разгрузочная пристань.

В 1918 г. край был захвачен интервенционными войсками во главе с англичанами и белогвардейцами.

Война и интервенция совершенно развалили всё народное хозяйство края. Почти приостановились рыбные промыслы, катастрофически пало оленеводство – основа экономики коренного населения. В 1918 г. прекратили работу лесопильные заводы, замерла лесная промышленность.

21 февраля 1920 г. восставшим мурманским пролетариатам власть интервентов была свергнута. Мурман с этого момента стал советским.

Тяжелы были первые годы существования советского Мурмана, получившего после интервенции изношенные промысловые

суда и рыболовные снасти, замерший рыбный промысел и уменьшившееся больше, чем наполовину, оленье стадо (с 70 тыс. голов в 1914 г. до 30–35 тыс. в 1922 г.). Везде сказывались последствия пережитых разрушений.

С 1923–1924 гг. начинается восстановление хозяйства. Постепенно оживляются рыбные промыслы. Появляется траловый рыбный лов, до Советской власти не имевший промышленного значения. Увеличивается число приходящих на Мурман рыбаков. Приостанавливается упадок оленеводства и обнаруживаются несомненные тенденции к росту оленьего стада. Мурманский порт, во время войны и интервенции имевший только подсобное военное значение, становится торговым портом. Впервые через него в зиму 1923/24 г. начался экспорт советских грузов в коммерческих размерах (хлеб и др.) и импорт хлопка, земледельческих орудий и других товаров.

Стала укрепляться Мурманская железная дорога, увеличиваться её грузооборот. В 1923 г. был издан декрет о колонизации Карело-Мурманского края, переселенцам были предоставлены специальные льготы.

С ростом работы порта и железной дороги стало расти население Мурманска: в августе 1920 г. в нём ещё было 2.487, в марте 1923 г. – уже 5.113 и в декабре 1924 г. – 6.282 жителя.

С 1925 г. в Мурманск переводится из Архангельска база траловой рыбного промысла. Это дало траловому промыслу большие преимущества: благодаря незамерзающему Мурманскому порту лов мог производиться круглый год, ходовое время с мест промысла до базы значительно сокращалось. Всё это значительно повысило и размеры добычи рыбы, и производительность работы тральщиков. С переводом траловой базы на Мурман начинают реконструироваться и сам траловый флот, и вся организация лова и обработки рыбы. Рыбные промыслы превращаются в рыбную промышленность.

Растёт и прибрежный лов рыбы мурманских рыбаков, местных и пришлых.

С 1925 г. возобновилась и стала расти эксплуатация лесов.

Пущен в ход бездействующий с 1918 г. Умбский лесопильный завод.

Стали возникать различные подсобные предприятия основных видов промышленности.

Выросло и население округа, увеличившееся с 14 тыс. в 1920 г. до 27 тыс. в 1928 г. За эти годы население Мурманска выросло с 2,5 тыс. до 11,5 тыс.

За годы Советской власти, ещё до первой пятилетки, все отрасли народного хозяйства получили энергичное развитие. Так, в рыбной промышленности число тральщиков увеличилось в 1928 г. с 12 до 19 единиц, добыча рыбы за это время выросла с 1,8 тыс. т, в 1920 г. – до 34,3 тыс. т. Численность прибрежных морских рыбаков вырастает с 2,8 тыс. в 1920 г. до 5,1 тыс. в 1928 г.; количество добытой ими рыбы за этот период увеличивается с 6,3 тыс. т до 18,8 тыс. т.

Лесная промышленность, совершенно отсутствовавшая в 1920 г., в 1928 г. даёт уже заготовленной древесины 320 тыс. фестметров и 29 тыс. м^3 пиломатериалов.

Возрождается и оленеводство. Число оленей с 35 тыс. голов в 1920 г. вырастает до 54 тыс. голов в 1928 г.

Эти цифры, характеризующие народное хозяйство округа, указывают не только на несомненный рост его, но и на то, что край в 1928 г. был ещё мало освоен в хозяйственном отношении. На территории в 117 тыс. км^2 было всего 27 тыс. жителей.

Если исключить население Мурманска, то средняя плотность населения на этой территории составляла только 0,13 чел. на 1 км^2.

Промышленность ещё развита слабо, совершенно неизвестна горная промышленность, нет рыбообрабатывающих предприятий, нет судостроения.

Сопоставив некоторые цифры, относящиеся к 1929 г., первому году первой пятилетки, с цифрами 1932 г., последнего года её, и 1935 г., третьего года второй пятилетки, получаем яркую картину развития народного хозяйства края. Всего населения в округе (в тыс. чел.) – 1929 г. – 30, 1932 г. – 118, 1935 г. – 213. В том числе в Мурманске – 1929 г. – 14, 1932 г. – 55, 1935 г. – 110. В Кировске с пригородами – 1929 г. – не было, 1932 г. – 26, 1935 г. – 38. Число рабочих, занятых во всех отраслях промышленности – 1929 г. – 8,7, 1932 г. – 16, 1935 г. – 24,8. Валовая продукция промышленности (в млн руб. по ценам 1926/27 г.) – 1929 г. – 18,1, 1932 г. – 71, 1935 г. – 200,6. Капиталовложения во все отрасли (в млн руб.) – 1929 г. – 10,6, 1932 г. – 83,5, 1935 г. – 188.

Эти цифры говорят о том, что народное хозяйство Мурманского округа получает крупный разворот в период первой пятилетки и ещё более быстрыми темпами развивается в период второй пятилетки.

За это время население округа и города Мурманска выросло в 7 раз, численность рабочих возросла почти втрое, сумма валовой продукции увеличилась в 12 раз, в абсолютных цифрах – на 182 млн руб. в неизменных ценах 1926–1927 гг. Сумма капиталовложений в народное хозяйство и культуру за первую пятилетку составляет 186 млн руб., а за три года второй пятилетки – 425 млн руб.

Совершенно реконструирована рыбная промышленность: возник ряд рыбообрабатывающих предприятий, снабжённых новейшим техническим оборудованием, ряд подсобных предприятий. Вырастает мощная сельдяная база.

В крае возникла совершенно новая и единственная в СССР апатитовая промышленность.

Построены новые лесопильные и деревообрабатывающие заводы. Создаётся крупнейшая в СССР никелевая промышленность. Появилось организованное на научных основах приполярное сельское хозяйство. Созданы рыбацкие оленеводческие и сельскохозяйственные колхозы и ряд совхозов.

Введено всеобщее обучение. Отсталая раньше саамская народность имеет уже свою национальную интеллигенцию; ранее бесписьменная, она теперь получила свою письменность.

Горная и горно-химическая промышленность – дитя первой пятилетки, в первоначальный план которой она не входила. В 1928 г. её не предвидели такой, какой она стала после 1930 г. А в настоящее время она является главнейшим поставщиком сырья для производства суперфосфатов.

Хибинские горы таят великие богатства. Апатит, открытый в Хибинских горах и исчисляемый миллиардами тонн, явился основой этой промышленности. В диких безлюдных местах, в горах, в 1929 г. возникает первый горный рабочий посёлок, в 1930 г. начинает работать апатитовый рудник на горе Кукисвумчорр, и в этом же году создаётся новый город Хибиногорск, впоследствии переименованный в Кировск в память С.М. Кирова, чьей энергии и инициативе обязан возникновением этот город и развитие этой промышленности.

В 1931 г. создано совершенно новое в СССР предприятие – обогатительная фабрика, вырабатывающая из руды путём флотации апатитовый концентрат, содержащий 39–39,5% фосфора. Создаётся вторая обогатительная фабрика, возникают новые производства, объединяемые комбинатом редких металлов.

Титан, сфен, ниобий, тантал, цирконий начинают промышленно осваиваться или намечаются к освоению.

40 тыс. населения прямо или косвенно связаны с горной промышленностью. Город Кировск из городов, находящихся за полярным кругом, второй город в мире по числу населения.

С момента возникновения рудников и до 1 января 1936 г., т.е. за 6 лет, добыто 4,3 млн т апатитовой руды; апатитового концентрата с 1932 г. выработано 1,6 млн т.

На очереди стоит освоение другого горного массива – Луяврурта, сокровищницы редких металлов, возвышающегося к востоку от Хибин.

На запад от Хибин, за озером Имандрой, возникает ещё один новый промышленный центр за полярным кругом – в горах Монче-тундры создаётся крупнейшая в Союзе никелевая промышленность.

Никель в Монче-тундре открыт в самые последние годы. Интенсивными исследованиями промышленные запасы металла пока определены в сотни тысяч тонн. В настоящее время быстрейшими темпами идёт строительство: строится новый город Мончегорск, рудничные посёлки Нюдуайвенч (Девичья вершина), Соптуайвенч (Пенная вершина), Кумужья варака и др. Закончено строительство железнодорожного пути, связывающего Мончегорск с Кировской железной дорогой. Начинается строительство будущих фабрик.

В юго-западном углу округа с 1934 г. производится добыча слюды. Здесь же открыты месторождения железа с богатым содержанием металла. Вообще же запасы железа в Мурманском округе огромны: разведанные запасы достигают миллиарды тонн.

Рыбная промышленность, созданная в крае только в советское время, получает крупное развитие с начала первой пятилетки. Начиная с 1929 г. происходит полная реконструкция этой отрасли народного хозяйства. Увеличивается число тральщиков: в 1928 г. их было 19, в 1929 г. – 23, в конце первой пятилетки – 54, а к 1936 г. – уже 70.

Но и самые тральщики уже не те, что были раньше. На оставшихся от прежних времён маломощных судах, переделанных из

военных тральщиков, служивших во время войны для траления мин, производился только лов рыбы и первичный посол.

Тральщик настоящего времени – это мощная плавучая фабрика: с него производится лов, на нём происходит первичная обработка рыбы, вытапливается рыбий жир, утилизируются отбросы. Орудие лова – трал – тоже уже не тот: прежний трал поднимал самое большее 3–4 т рыбы свежья за один подъём, теперешний может поднять втрое больше.

Ранее обработка рыбы заключалась в обыкновенном «поморском посоле», треска считалась одним из плохих по вкусовым качествам хозяйственных видов рыбы. В настоящее время имеется ряд рыбообрабатывающих предприятий: холодильник, посолочный завод, коптильный, консервный, завод медицинского рыбьего жира, рыбной муки.

Разнообразен ассортимент выпускаемых товаров. Свежие товары занимают все большее место в общей продукции, консервы и рыбные деликатесы ежегодно выпускаются десятками тысяч центнеров.

В 1931–1932 гг. началась массовая добыча сельди, которую ранее не добывали и о существовании больших масс которой не знали даже исследователи. Она становится главнейшим объектом прибрежного рыбного промысла. Организуется государственный лов, применяющий для закрытия масс сельди в заливах (губах) гигантские «запорные» неводы, прикрывающие входы в морские губы. Волей коммунистической партии и правительства создан район сельдяного лова союзного значения с базой в Мурманске. В 1934 г. 50% всей сельди, добытой в СССР, приходится на долю Мурманского округа.

Добыча сельди с 1930-го по 1935 г. даёт рост с 1,1 тыс. т до 108,3 тыс. т.

В комплекс государственной рыбной промышленности входит ряд подсобных предприятий, возникших за годы первой и второй пятилеток: судоремонтный завод, бондарный комбинат, траловые и сетевязальные фабрики. Сооружены рыбный порт, угольная база.

В связи с ростом рыбной промышленности развивалось строительство деревянных моторных рыбацких судов. Мурманская верфь стала одной из важнейших технических баз для развития колхозного рыболовства. С начала рыбацкой коллективизации, с 1930 г., верфь выпустила около 150 моторных судов и свыше 600 лодок разных типов.

Рыбная и горно-химическая промышленность со всеми их подсобными отраслями – два важнейших промышленных комплекса Мурманского округа.

Если в 1933 г. из стоимости валовой продукции всей промышленности в 111 млн руб. стоимость продукции комплекса рыбной промышленности составляла 63,9 и горно-химической – 23,7 млн руб., а обе отрасли вместе – 79% к продукции всей промышленности, то уже в 1935 г. из стоимости всей продукции в 200,6 млн руб. приходится на долю рыбной промышленности 115 и на долю горно-химической – 57 млн руб., или по обеим отраслям 86%.

Доля отраслей, не входящих в эти два комплекса, в 1935 г. составляет 13%. Продукция сельского хозяйства, оленеводства и охоты равна 1,5–2% всей продукции народного хозяйства в округе.

Из всего этого видно, что Мурманский край в настоящее время – промышленный край. Богатства морских глубин и сокровища недр земли – основа народного хозяйства Мурманского края.

Коллективизация рыбацких хозяйств началась на Мурмане в 1930 г.

Мурманские рыбацкие колхозы являются одними из наиболее мощных организаций социалистического рыболовства. Коллективизировано свыше 90% рыбаков.

С коллективизацией реконструируется техническая база промысла. Мелкое беспалубное рыболовное судно заменяется палубными моторными ботами с двигателями в 25–50 лошадиных сил.

Расширяется состав рыбацкого инвентаря: к существующим в продолжение долгих веков «поддевку» и «ярусу» прибавляются кошельковые, запорные и тягловые неводы для лова сельди и другие орудия.

Лов сельди, которым мурманские рыбаки раньше совершенно не занимались, даёт миллионные доходы колхозному рыбачеству.

С 1930 по 1934 г. колхозный моторный флот увеличился с 66 до 115 судов.

Общий улов рыбы за эти годы вырос с 5,8 до 40,5 тыс. т, средняя добыча одного колхозного ловца даёт огромный рост – с 40 до 238 ц.

В связи с этим заработок морских рыбаков – тресколовов и сельделовов – в 1934 г. в Полярном районе равен 9.021 руб., в Териберском – 8.106 руб. на душу. Заработки отдельных рыбаков-колхозников Полярного района в 1935 г. доходили до 25–30 тыс. руб.

Валовой доход от рыболовства с 1934 г. в колхозах Полярного и Териберского районов (Мурманского побережья) в общей сумме составлял 21,3 млн руб.

О сельском хозяйстве Мурманского округа нельзя судить по размерам его продукции. Только в 1931 г. начали функционировать впервые созданные в крае совхозы. В 1935 г. в округе было 4 таких совхоза, старейший из них, работающий 4 года, – «Индустрия». Это самый мощный совхоз приполярной зоны СССР. Земледелие и огородничество в нём основаны на научных достижениях Хибинской сельскохозяйственной станции, ныне Полярного отделения Всесоюзного института растениеводства Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. Назначение этого совхоза, как и других, – давать молоко и молочные продукты, корнеплоды, картофель и другие овощи для снабжения трудящихся промышленности и городов.

Сельское хозяйство Мурманского края является пионером на Крайнем Севере СССР. На данных его опыта строятся совхозы в других местах Крайнего Севера, работают сельскохозяйственные опытно-исследовательские учреждения, находящиеся в этой зоне.

О значении оленеводства также нельзя судить лишь по его продукции. Олень до сих пор является единственным средством сообщения на бездорожных пространствах. Оленеводство – основа хозяйства коренного населения.

Созданные в крае оленеводческие совхозы борются за улучшение качества самого оленя и получение высококачественной продукции. Организованные оленеводческие колхозы объединили сотни хозяйств бывших полукочевников.

По переписи 1 января 1935 г. в совхозах было 10,5 тыс. оленей, в колхозах – 20,6 тыс., а всего в обобществлённом секторе – 58,7% общего поголовья. В личном пользовании колхозников находилось 19,3%.

Пушной промысел – одна из специфических отраслей северного хозяйства – в абсолютных цифрах давал немного. В настоящее время социалистическая реконструкция происходит и в этой отрасли. Создан совхоз пушных зверей: голубых песцов, американских норок и др. Происходит акклиматизация находящихся на Кольском полуострове в диком состоянии видов: ондатры, американской норки, енотовидной собаки. Успешно восстанавливается истреблённый около 100 лет назад речной бобёр. Организован государственный заповедник в

горном массиве Чуда-тундра для размножения и охраны исчезавших уже до этого диких лапландских оленей и для восстановления бобра.

Параллельно с экономикой растут и культурные достижения. Всеобщее обучение охватило самые отдалённые уголки края. В тундре выросли и возникают всё новые школы. В учёбу вовлечено полукочевое оленеводческое население, быстро переходящее на оседлость. Организуются техникумы: горный, медицинский, рыбного хозяйства, педагогический. При педагогическом техникуме открывается саамское отделение, где готовятся кадры педагогов для саамской народности; в 1935 г. это отделение выпустило первых учителей. Вместе с окончившими Институт народов севера в Ленинграде эти учителя – первые представители саамской пролетарско-колхозной интеллигенции.

Возникают и стационарно-научные исследовательские организации: мурманская база Академии наук, Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии, Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства, филиал Географо-экономического института Ленинградского университета и др.

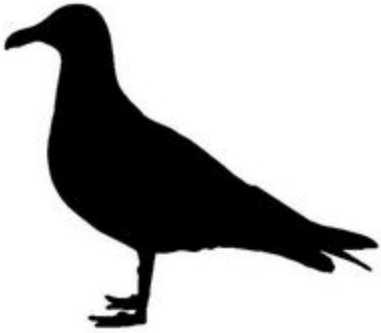
Работают постоянные кадры научных работников, исчисляемых сотнями. А ещё в 1928 г., по данным справочника Академии наук, во всём округе было только 7 научных работников, из них в Мурманске – только один.

Ежегодно работают десятки научно-исследовательских экспедиций, которые исследуют моря, поверхность, недра, воздух, открывают новые богатства, устанавливают возможности акклиматизации новых для данных мест видов полезных диких животных.

Край теперь совсем не тот, каким он был 15 и даже 10 лет назад, с каждым годом он растёт, становится богаче, культурнее.

Так когда-то безлюдная окраина волей пролетарской власти под руководством коммунистической партии превращается в богатый край социалистического хозяйства и социалистической культуры. *В. Алымов*.[31]

[31] Алымов В.К. «Советское краеведение», 1936, «Мурманский край», с. 46–52.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы рассказать немного о семье В.К. Алымова и трагедии этой семьи. Алымов В.К. был женат на Алымовой Софье Петровне 1883 года рождения, которая родилась в Пермском крае. Софья Петровна работала в Мурманской горбольнице, акушеркой. В Мурманске проживала по адресу: ул. Красная, д. 4. 20 октября 1937 г. она была арестована по ст. 58-6-11 Уголовного кодекса. 2 декабря 1937 г. была осуждена комиссией НКВД и Прокурора СССР и приговорена к высшей мере наказания. 6 декабря 1937 г. Алымова С.П. была расстреляна. Место захоронения – г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирована 27.08.57 г. военным трибуналом Северного военного округа. Практически через год, 22 октября 1938 г., будет расстрелян сам Алымов В.К. и похоронен на том же Левашовском кладбище.[1]

У Алымова В.К. было три приёмных сына. Владимир Владимирович Галицкий, Борис Владимирович Галицкий и Сергей Владимирович Галицкий.[2]

Галицкий Сергей Владимирович родился в г. Санкт-Петербурге в 1905 г. Работал в Мурманском траловом флоте в механических мастерских заведующим производством. В Мурманске проживал по адресу: ул. Красная, д. 5. 8 марта 1933 г. он был арестован по ст. 58-7 Уголовного кодекса. 12 мая 1933 г. дело было прекращено тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, С.В. Галицкий

был освобождён. Повторно был арестован 2 сентября 1936 г. по ст. 58-10-7-11 Уголовного кодекса, когда он работал в Мурманрыбе прорабом. На тот момент С.В. Галицкий проживал по адресу: пр. Сталина, д. 36, кв. 38. 27 февраля 1937 г. Галицкий С.В. был осуждён на 8 лет исправительно-трудовых лагерей Ленинградским областным судом. Реабилитирован 3 декабря 1954 г. Верховным судом РСФСР.[3]

Василий Кондратьевич Алымов много сделал для г. Мурманска, для развития Мурманская края. Эта небольшая работа – дань памяти и уважения учёному, этнографу, краеведу, следователю, директору Краеведческого музея Алымову Василию Кондратьевичу.

[1] Книга памяти: РФ, Мурманская область, Поимённый список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области (составители: С.Н. Дацинский, В.В. Воронин, В.А. Нечушкин), Мурманск, 1997, с. 19, 20.

[2] ГАМО. П-3, оп.4.д.1.л.1.

[3] Книга памяти, Ук. соч., с. 75.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книга памяти: РФ, Мурманская область, Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области (составители: С.Н. Дащинский, В.В. Воронин, В.А. Нечушкин).
2. Круглов В. «На службе закона».
3. Киселёв А. Информационный центр альманаха «Живая Арктика»;
4. murmanarchiv.ru.
5. «Хозяйство Северо-Западного края», № 4, июль, 1924.
6. «Вестник Мурмана», № 48, 1 декабря 1923.
7. «Полярная правда», № 12, 1 марта 1924.
8. «Полярная правда», № 18, 9 апреля 1924.
9. «Полярная правда», № 45, 12 июля 1924.
10. «Полярная правда», № 57, 9 августа 1924.
11. «Вестник Карело-Мурманского края», № 1, 15 июля 1924.
12. «Полярная правда», № 1, 1 января 1925.
13. «Полярная правда», № 6, 15 января 1925.
14. «Полярная правда», № 13, 3 февраля 1925.
15. «Полярная правда», № 14, 5 февраля 1925.
16. «Полярная правда», № 15, 7 февраля 1925.
17. «Полярная правда», № 31, 10 марта 1925.
18. «Полярная правда», № 45, 14 апреля 1925.
19. «Полярная правда», № 76, 2 июля 1925.
20. «Вестник Карело-Мурманского края», № 17–18, 1925.
21. Мурманское общество краеведения, доклады и сообщения, выпуск I, 1927.

22. «Карело-Мурманский край», № 4–5, 1928.
23. «Карело-Мурманский край», № 7, 1928.
24. «Карело-Мурманский край», № 9, 1928.
25. «Карело-Мурманский край», № 2, 1929.
26. «Карело-Мурманский край», № 4–5, 1929.
27. «Карело-Мурманский край», № 8–9, 1929.
28. «Карело-Мурманский край», № 1, 1930.
29. «Карело-Мурманский край», № 7–8, 1931.
30. «Карело-Мурманский край», № 9–10, 1931.
31. «Карело-Мурманский край», № 11–12, 1931.
32. «Карело-Мурманский край», № 3–4, 1932.
33. «Карело-Мурманский край», № 7–8, 1932.
34. «Карело-Мурманский край», № 9–10, 1933.
35. «Советское краеведение», 1936.

Научное издание

Ковалев Александр Викторович

ВАСИЛИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ АЛЫМОВ – СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ ОСОБОЙ СЕССИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ МУРМАНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ЭТНОГРАФ, КРАЕВЕД

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная верстка, обложка *Р.В. Орлов*

Подписано в печать 08.02.2019.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 15,24.
Бумага типографская. Заказ №0602ВКА.
Тираж 500 экз.

По вопросам приобретения
и издания литературы обращаться по адресу:
Издательство «Научно-инновационный центр»
ул. 9 Мая, 5/192, г. Красноярск, 660127 Россия
тел. +7 (923) 358-10-20
Электронная почта: monography@nkras.ru
Дополнительная информация на сайте: www.nkras.ru